

Садриддин Айни

Смерть ростовщика

Текст приводится по изданию: Айни Садриддин. Смерть ростовщика: (Повесть и очерк: Пер. с тадж.) – Душанбе: Адиб, 1987. – 224 с.

Ростовщику вовек не понять –
Как можно корку нищему подать?
Немыслимо – как сталь разбить стеклом
Или как зубы о кисель сломать.

I

По сложившемуся в Бухаре обычаю, учиться в медресе мог только тот, кто занимал там худжру¹. Поэтому, когда однажды, году примерно в 1895, я остался без жилья, под угрозой оказалось и мое учение.

Найти же в Бухаре худжру было делом нелегким, хотя в городе имелось до сотни крупных медресе и почти столько же мелких. Худжры считались вакуфными², и, по шариату, нельзя было ни продавать их, ни покупать. Однако улемы изыскивали «законные» способы оформлять и продажу, и покупку, издав особые на то разрешения – так называемые «фетва»³. Постепенно во всех медресе худжры перешли в руки богачей, а бедным учащимся, вроде меня, получить жилье, а значит и возможность учиться, стало очень нелегко.

Один из моих друзей, узнав, в каком я положении, сказал мне:

– Есть в Бухаре человек по имени Кори Ишкамба. У него несколько худжр, может, он сдаст тебе одну из них.

¹ Худжра (хиджра) – келья в медресе.

² Вакуф (вакуф) – движимое и недвижимое имущество, подаренное религиозным организациям ислама с благотворительной целью.

³ Фетва – решение, заключение, выносившееся на основе шариата толкователями мусульманского права – муфтиями.

Странное имя, названное моим приятелем, заинтересовало меня куда больше, чем перспектива найти художру.

Действительно, это было удивительнейшее имя, вернее прозвище! Ведь «ишкамба» – это желудок травоядного животного, место, где скапливается проглоченная пища. Никогда не доводилось слышать, чтобы так звали человека!..

За что же могли дать такое обидное прозвище? Я попросил своего друга объяснить мне это.

– Настоящее имя его Кори Исмат, – сказал тот. – Из-за огромного живота сначала к его имени добавили «Ишкам» – «живот», потом какие-то шутники переименовали прозвище в «Ишкамба». Постепенно имя Исмат отпало и его стали называть просто Кори Ишкамба. А прозвище, как известно, пристаёт крепче имени. Так получилось и с Кори Исматом; – люди позабыли его настоящее имя, всем он известен как Кори Ишкамба.

– Вряд ли можно ждать добра от человека, прозванного Желудком, – заметил я. – Но все же познакомь меня с ним, попрошу у него художру, а там будь что будет. Как гласит пословица: «Удастся – вырастет поливное, не удастся – выйдет богарное». Если он и откажет мне, так я хоть погляжу, по крайней мере, каков человек, прозванный Ишкамбой!

– Я сам с ним не знаком, а потому не могу тебя познакомить, – сказал мой приятель. – Но он часто встречается мне, как-нибудь покажу на улице, а ты уж найди случай познакомиться с ним и спросить о жилье.

На том и порешили.

II

Однажды я прогуливался, с этим же приятелем возле водоема Диванбеги – единственном месте в Бухаре, где можно отдохнуть. Вдруг мой приятель остановился и указал мне на человека, входившего к парикмахеру.

– Вот он – Кори Ишкамба!

Я успел увидеть лишь спину человека со странным прозвищем «Желудок».

– Пока Кори Ишкамба бреется, я побуду здесь, успею рассмотреть его как следует, – сказал я приятелю. – Представится удобный случай – познакомлюсь и спрошу о художре.

Приятель ушел, а я уселся на суфе у парикмахерской и, стараясь не привлекать внимания, принялся разглядывать Кори Ишкамбу.

Он оказался человеком среднего роста, и живот у него действительно был непомерно большой – такого я не видел ни у кого из толстяков. Жирное, расплывшееся тело и толстая короткая шея были под стать животу. На широком полном лице Кори Ишкамбы росла длинная борода, густая и спутанная, как заросли травы.

Тут я подумал, что если б Кори Ишкамбе сбрить бороду, он стал бы действительно похож на желудок, вынутый из освежеванного верблюда, разве что отличался б от него еще большей величиной да цветом, напоминающим кожу облезлого после чесотки верблюда.

Кто знает, может, ему дали прозвище «Ишкамба» не только за огромный живот, но и за то, что он весь – с головы до ног – походил на желудок.

Настала очередь бриться Кори Ишкамбе.

– Будьте любезны, садитесь на скамеечку! – обратился к нему парикмахер, натачивая бритву на точильном камне.

Кори Ишкамба тяжело поднялся – то ли ему трудно было поднять свое грузное тело, то ли недуг какой давал себя знать.

Сняв с головы чалму, он хотел было повесить ее на деревянный колышек, поверх полотенца парикмахера. Мастер поспешно положил бритву и брусок на полочку у зеркала и обеими руками принял у Кори Ишкамбы его чалму.

– Ваша чалма чуть не в пуд весом, – сказал он полушутливо. – Если ее повесить на этот колышек, он наверняка обломится, полотенца полетят на землю и перепачкаются. – С этими словами он положил чалму на небольшую суфу в углу комнаты.

Хотя чалма Кори Ишкамбы действительно была чрезмерно велика – вдвое больше чалмы любого муллы, – все же колышек, разумеется, не обломился бы под ее тяжестью. Мастер просто побоялся, что чалма испачкает его полотенца: в складках ее густо залегла пыль, сбившаяся в липкую грязь, – можно было подумать, что Кори Ишкамба наворачивал на голову не кисею, а тряпку для мытья котлов.

– Это хорошо, что вы позаботились о своих полотенцах, заодно поберегли и мою чалму, – сказал в ответ парикмахеру Кори Ишкамба. – Если бы колышек обломился, то и моя чалма оказалась бы в пыли, и я бы понес убыток: ведь на ее стирку потребуется по меньшей мере пять золотников мыла!

– Ну уж вы скажете, – заметил парикмахер. – Вашей ли чалме бояться пыли! Видать, давненько ей, бедняге, не приходилось полоскаться в лохани. По правде сказать, она грязнее вот этого земляного пола.

– Не думаете ли вы, что такую большую чалму можно класть в лохань каждую неделю? – возразил Кори Ишкамба. – Этак недолго разориться на мыле!

– Что же вы не заведете чалму поменьше? И материи пошло бы не так много, и стирать легче. Ну, и на мыле скопили бы себе состояние!

– Эх, что вы понимаете! Моя чалма не простая, – без тени улыбки ответил Кори Ишкамба, – она помогает мне и на свадьбах получше угоститься, и на похоронах получить кусок ткани побольше. Когда я в такой чалме являюсь на похороны, то мне дают по два аршина бязи или ситца, хотя всем другим отрывают по одному. А на свадебном пиру предо мной ставят блюдо побольше и плов накладывают пожирнее да с мясом.

Разговаривая, мастер не переставал водить бритвой по бруску. Наточив и направив бритву, он обвязал шею Кори Ишкамбы полотенцем и приступил к бритью.

– Кто вас не знает, тот не пригласит ни на свадьбу, ни на похороны, а кто знает, тот встретит так, как найдет нужным: не поглядит на размеры вашей чалмы. Так зачем же тратить лишнюю ткань?

– Ну и простак же вы, братец! Ежели б я довольствовался тем, что получаю на тех поминках, на которые меня приглашают, я и за бритье не мог бы заплатить! Полуденную молитву я совершаю в мечети Диванбеги. Каждого покойника, которого туда приносят, – знаком он был мне или нет, – я провожаю до могилы и получаю свою долю!

– Не так-то уж много вы тратите на бритье, чтобы стоило беспокоиться о деньгах! – сказал с усмешкой парикмахер, смачивая водой и массируя ему голову. – Люди бреются по два раза в неделю, а вы – раз в два месяца, да и то платите половину.

Эти слова заставили меня внимательно взглянуть на голову Кори Ишкамбы. Волосы у него действительно отросли, как у заключенных в эмирском зиндане ⁴, и спутанными прядями покрывали лоб, виски, затылок, сплетаясь с бородой, как нити основы и утка. На темени виднелась плешь величиной с ладонь.

Замечание парикмахера, видимо, сильно задело Кори Ишкамбу. Он высвободил свою голову из его рук и, взглянув ему в глаза, проговорил с обидой в голосе:

– Брею я голову каждую неделю или раз в два месяца – это мое дело. Длинные у меня волосы или короткие – вы все равно проводите бритвой только один раз. Когда вы снимаете волосы подлиннее, вам не приходится лишний раз проводить бритвой по одному и тому же месту. А если я плачу меньше других – так и на это зря обижаетесь: сами видите – половину моей головы занимает плешь, по ней вы совсем не водите бритвой! Надо же принять это во внимание!

Вероятно, желая успокоить Кори Ишкамбу, мастер мягко сказал:

– Я ведь только пошутил. Мало ли дадите, много ли, дядюшка Кори, все равно приму ваши деньги с признательностью и буду считать их благословенными.

Кончив брить голову Кори Ишкамбе, парикмахер сиял с его шеи полотенце и стряхнул волосы в ящик. Он собирался повязать полотенце снова, чтобы, смочив голову, соскоблить бритвой грязь с кожи, но Кори Ишкамба остановил его:

– Не надо, подровняйте немного усы, и хватит. Мне некогда, я спешу!

– Торопитесь на чьи-нибудь похороны? – спросил мастер.

– Нет, – не поняв скрытой иронии, возразил Кори Ишкамба. – Если и случится попасть сегодня на похороны, то не раньше полудня. – Он взглянул на стенные часы. – А сейчас всего десять.

⁴ Зиндан – тюрьма в виде колодца, более широкого внизу и сужающегося кверху.

– Что же за неотложное у вас дело? Спешите незванным гостем на чью-нибудь свадьбу?

Кори Ишкамба опять не заметил издевки. Он ответил серьезно и спокойно:

– Дело в том, что как раз в это время в банке завтракают. Стоит опоздать, и я лишусь вкусного сладкого чая.

Весь этот разговор вызвал у меня сильное недоумение. У этого человека несколько собственных худжр в медресе, – рассуждал я, – почему же он экономит даже ничтожную мелочь на бритье, рассчитывает на дары, раздаваемые на похоронах незнакомых ему людей? А если он нищий и мой приятель просто подшутил надо мной, сказав, что он может сдать худжру, как же в таком случае Кори Ишкамба притязает на знакомство со служащими банка, даже ходит к ним пить чай?.. Ну, да ладно, если даже приятель решил разыграть меня, все равно тип мне попался презабавный. Стоит понаблюдать за этим человеком, узнать его повадки, послушать его разговоры. Для меня, любителя разгадывать странные характеры, это настоящая находка. Не беда, если у него нет худжры или он не захочет сдать ее, – он и сам по себе представляет для меня большой интерес. Послежу за ним, выясню, что за птица. Разговор о жилье послужит поводом для знакомства.

Кори Ишкамба еле дождался, пока мастер кончил подстригать ему усы. Едва тот снял с его шеи полотенце, как толстяк, сопя, поднялся со скамейки, схватил свою чалму, напялил на голову и поспешно вышел.

– Эй, дядюшка Кори, а деньги! – закричал ему вслед парикмахер.

Но Кори Ишкамба, не останавливаясь, бросил через плечо:

– В следующий раз заплачу сразу за два бритья. – И он так быстро скрылся в толпе, что мне пришлось отказаться от мысли познакомиться с ним в этот раз.

Долго еще бродил я потом по улицам вдоль лавок, но увидеть его мне так и не довелось.

III

На другой день, после того как я наблюдал за Кори Ишкамбой у парикмахера, я решил поискать его и непременно с ним познакомиться. Обойдя водоем Диванбеги, я попал на улицу торговцев тканями, которая тянулась от водоема и мечети Диванбеги на восток. Внимательно оглядев улицу до самого перекрестка и не найдя того, кого искал, я отправился дальше, к рядам торговцев фарфором. Ряды эти, начинаясь от улицы продавцов тканями, тянулись к северу.

Не пройдя и десяти шагов, я увидел Кори Ишкамбу; он сидел на суфе у лавки продавца фарфора. Пройдя немного дальше, я также присел у закрытой лавки на другой стороне улицы и, не подавая вида, что интересуюсь Кори Ишкамбой, стал следить за каждым его движением, как кошка, подстерегающая мышь.

Толстяк и хозяин лавки пили чай. Мимо проходил торговец лепешками. На голове он нес корзину, в руках – другую. Зазывая покупателей, лепешечник кричал:

– Горячие, горячие, руки обжигают! Не из муки они – из чистого сахара, замешаны не на воде – на масле, не отведаете – пожалеете!

Кори Ишкамба подозвал его, выбрал две лепешки и, не спрашивая о цене, не торгуясь с продавцом, положил их на лежавший перед хозяином круглый веер от мух. Потом, словно бы намереваясь уплатить, сунул руку в карман, пошарил, но денег не вытащил. Не смущаясь, разломил лепешку, говоря хозяину лавки:

– Братец, у меня не оказалось мелких денег, сделайте милость, уплатите за лепешки!

И, не дожидаясь ответа, приступил к еде. Хозяин лавки остолбенел от удивления. Посмотрел сначала на Кори Ишкамбу, потом на лепешки, наконец осведомился у продавца о цене, почесал затылок и, вынув из ящика деньги, отпустил лепешечника.

А Кори Ишкамба не зевал – взгляд его прикован был к вееру. Он брал куски лепешки и, складывая вдвое и втрое, запихивал в рот.

Торговец фарфором сообразил, что Кори Ишкамба не думает предлагать ему лепешку и скоро от нее ничего не останется. Поэтому взял поскорее кусок и, сунув в рот, запил чаем. Увидев это, Кори Ишкамба так набил рот, что не в состоянии был вымолвить слово. Знаком показал торговцу, чтобы тот скорее допивал свой чай и наливал ему. Ведь он, бедняга, не мог без чая проглотить застрявшую в горле пищу. Указывая одной рукой на чайник, другую Кори Ишкамба положил на последний кусок лепешки, оставшийся на веере, боясь, как бы он не достался его сотрапезнику.

Торговец одним глотком выпил остывший чай и налил Кори Ишкамбе. Протянув ему пиалу, он с насмешливой улыбкой стал наблюдать, как управляется Кори Ишкамба с остатками лепешки. Тот подул на чай, отхлебнул немного и с трудом сделал глоток. Освободив немного рот, он отправил туда последний кусок. Допив чай, Кори Ишкамба отставил пиалу, встал с места и, ни слова не говоря, пустился в путь.

Я – за ним.

Не успев пройти и двадцати шагов, Кори Ишкамба снова присел, на этот раз у лавки торговца сундуками. К сожалению, около этой лавки не оказалось подходящего места для наблюдения – мне пришлось пройти немного дальше. Уголком глаза я видел, что хозяин расположился в глубине лавки, за поставленными на ребро счетами. Перед ним, видимо, лежало что-то съестное, он завтракал, закрывшись счетами от прохожих. Но разве могла укрыться еда от острого, как у галки, глаза Кори Ишкамбы. Не мешкая, присел он на пороге лавки и протянул руку за счеты. Как ни прятал сундучник свою еду, Кори Ишкамба сумел принять участие в его завтраке.

Я не слышал, как и о чем они говорили, но подозреваю, что на беседу время не тратилось, слишком поглощен был Кори Ишкамба принятием пищи. И вряд ли я ошибся, – едва хозяин лавки поднял счеты и отложил их в сторону, Кори Ишкамба встал, и отправился дальше.

* * *

Кори Ишкамба вошел в маленькую крытую улочку между рядами торговцев фарфором и москательщиков. Здесь торговали тибетейками и шелковыми тканями. Я тоже завернул туда и быстро зашагал за Кори Ишкамбой, стараясь не отставать от него. Он остановился возле лавки продавца тибетеек.

– Ну, продали вы мои тибетейки? – спросил он.

Этот вопрос Кори Ишкамбы поверг меня в еще большее изумление. Человек, который, как нищий, старается получить кусок ткани на похоронах не известных ему людей, который незваным является на свадьбы, чтобы угоститься там пловом, человек, который водит близкое знакомство со служащими банка, теперь оказался не то мастером по вышиванию тибетеек, не то перекупщиком. Желание подслушать разговор было слишком велико, и я позабыл об осторожности, подошел поближе и встал за спиной Кори Ишкамбы.

– Нет, еще не продал! – ответил ему продавец тибетеек.

Кори Ишкамба посмотрел на продавца с недоверием.

– Наверное, продали, а деньги пустили в оборот!

– Уж больно вы подозрительны, дядюшка Кари, – с раздражением проговорил торговец и, нагнувшись, достал с одной из полок, закрытой занавеской, сложенные стопкой тибетейки. Положив товар перед Кори Ишкамбой, он спросил:

– Ваши это тибетейки?

Когда Кори Ишкамба подтвердил, что тибетейки действительно его, торговец, подтолкнув к нему стопку, заявил:

– Забирайте их! Уносите! Не желаю я в награду за услуги терпеть оскорбительные намеки и упреки!

Кори Ишкамба сразу же стал извиняться:

– Что вы, что вы, я верю вам, я просто пошутил, а вы вот приняли мою шутку всерьез и даже рассердились!

– Ах, что толку сердиться! Разве впервые я слышу от вас подобные шутки, – сказал более спокойным тоном торговец, гнев которого, видимо, остыл.

Кори Ишкамба тотчас же воспользовался этим.

– Вот и хорошо, оставим шутки! – воскликнул он. – Послушайте, любезнейший, мне сегодня крайне нужны деньги! Выручите меня, дайте за мои тибетейки вперед... Ну, если не все, то хоть половину! А я уж помолюсь и за ваше здоровье, и за здоровье ваших детей!

– Опять вы шутите... А если говорите серьезно, то меня это не устраивает!

– Почему? – деланно удивился Кори Ишкамба.

– Вы же сами просите продавать свои тюбетейки приезжим покупателям в розницу и по высокой цене. Но поштучно я их скоро не распродам. Как же я могу вложить свой капитал в ваш товар! Какая мне выгода, что я на этом заработаю? А из каких денег уплачу за найм лавки, откуда возьму на жизнь, из каких доходов смогу погасить свой долг вам? Вы ведь за каждые сто тенег берете ежемесячно две с половиной теньги процентов! – Помолчав немного и переведя дух, продавец тюбетеек добавил: – Давайте договоримся так: или вы в течение одного месяца не будете насчитывать на мой долг проценты, или уступите тюбетейки по оптовой цене. Вот тогда я вам сейчас оплачу наличными деньгами всю стоимость вашего товара. Ну, что скажете? Согласны?

– Нет, это меня не устраивает! Так я потеряю четвертую часть дохода с тюбетеек! – сказал Кори Ишкамба. Разговор пришелся ему не по душе, и он собрался уходить.

– Что вы спешите? Присаживайтесь! Я закажу чайник чая в счет тех денег, которые выручу за ваши тюбетейки, – воскликнул не без ехидства торговец.

– Нет, не нужно, благодарствуйте! Мне пора в банк, чаю я напьюсь там! – сказал Кори Ишкамба и насмешливо добавил: – Чай, который вы рассчитываете заказать на деньги, вырученные от продажи моих тюбетеек, не утолит ни вашей, ни моей жажды!

Когда Кори Ишкамба отошел, взгляд торговца упал на меня.

– Что вам угодно? – спросил он.

– Мне нужна тюбетейка! – ответил я, не зная, как еще объяснить, почему я все это время торчал за спиной Кори Ишкамбы.

Услышав мои слова, Кори Ишкамба проворно повернулся к торговцу и попросил:

– Покажи им из моих тюбетеек, может быть, одна из них будет продана при мне, и я тут же смогу получить деньги! Ей-богу, мне они до крайности нужны!

Торговец протянул мне стопку тюбетеек Кори Ишкамбы, сказав:

– Выбирайте из этих!

Не собираясь покупать, я рассеянно оглядел тюбетейки и, выбрав наугад одну из них, спросил о цене.

– Пять тенег, – ответил торговец.

– Две теньги! – сказал я, возвращая всю стопку и думая про себя: «Ведь денег-то у меня нет! Вдруг торговец согласится, под каким предлогом откажусь я от покупки?» При этой мысли я весь покрылся потом.

– Имейте совесть, братец! – вступил в торг Кори Ишкамба. – Ведь лишь материал для тюбетейки стоит больше четырех тенег! Надо что-то выручить за шитье! Да ладно, пускай шитье обойдется вам даром, – давайте четыре тенги!

Я ничего не ответил на слова Кори Ишкамбы, будто и не слышал их.

Опытный торговец, который по глазам умел понять – серьезный перед ним покупатель или только желающий прицениться, взял из моих рук тюбетейки и, уложив обратно под занавеску, сказал Кори Ишкамбе:

– Дядюшка Кори, напрасно надеетесь, они ничего не купят!

Убедившись, что я не покупатель, Кори Ишкамба продолжал свой путь. Я пустился за ним.

Выйдя на улицу, ведущую к рядам бакалейщиков, Кори Ишкамба снова остановился у одной из лавок. Я опять пристроился за ним, делая вид, что собираюсь совершить покупку.

Поздоровавшись с хозяином лавки, Кори сказал ему!

– Дайте мне кусочек гулканды⁵ в счет правнуков!

Улыбнувшись, бакалейщик приподнял крышку большой медной чаши, стоявшей перед ним, отломил железной лопаточкой кусочек леденца величиной с грецкий орех и протянул Кори Ишкамбе.

Кори Ишкамба взял лопаточку, положил в рот гулканд и, посасывая его, сказал:

– Правнук что-то маленьким оказался! Прилип к зубам, растаял во рту, а внутрь ничего не попало!

– Лавочка у меня тесная, товара и капитала мало, да и товар такой, что покупателя на него нет, и не найдешь его, поэтому я и беден. В таком месте правнуки быстро растут, не скоро достигают зрелости!

– Ладно, тогда не в счет правнуков, а просто, бога ради, дайте мне еще кусочек гулканды, а то у меня охладел к пище желудок и совсем пропал аппетит, хоть плачь! А я помолюсь за вас, чтобы бог привел вам увидеть свадьбу своих детей!

– Ох-хо-хо! – вздохнул хозяин. – Хорошо, что у вас охладел желудок, не то вы проглотили бы весь мир, не прожевывая! – И все же он отломил Ишкамбе еще кусочек гулканды.

Вероятно, хозяин лавочки посчитал меня спутником Кори Ишкамбы. Он со мной не заговорил и не спросил, что мне нужно. Зато сам Кори Ишкамба вдруг оглядел меня с ног до головы острым, пронизательным взглядом и, с хрустом разжевывая гулканд, спросил:

– Братец, уж не ко мне ли у вас дело?

Я, признаться, растерялся и, вместо того, чтобы прямо сказать, что у меня есть к нему дело, помимо воли произнес слова, приготовленные на тот случай, если ко мне обратится бакалейщик:

– Мне нужен черный перец!

⁵ Гулканд – масса из растертого сахара и лепестков чайной розы, применяемая в народе в качестве лечебного средства при желудочных заболеваниях.

Конечно, такой ответ на его вопрос прозвучал нелепо. Кори Ишкамба насмешливо улыбнулся, глядя на меня. Окончательно растерявшись от смущения, я сунул руку в карман, намереваясь купить немного перца и избежать позора. Но в кармане, как назло, не нашлось ни гроша. Краснея и бледнея от стыда, обливаясь потом, я сказал бакалейщику:

– Простите, у меня случайно не оказалось с собой денег. Я схожу за деньгами и тогда возьму у вас перца.

Торопливо покидая лавку, я кинул взгляд на Кори Ишкамбу – оттопырив нижнюю губу, он многозначительно покачал головой и что-то сказал бакалейщику. Но слов я уже не расслышал.

* * *

Итак, охота я в этот день не удалась. Я сам спугнул дичь, и, кажется, навсегда: Кори Ишкамба понял, что я не собирался покупать ни перца, ни тюбетейки, что в обоих случаях я притворялся. Теперь не приходилось рассчитывать, что мне удастся познакомиться с ним на улице.

Я очень досадовал на свою оплошность. Стоило мне ответить на его вопрос утвердительно, сказать прямо, что мне нужно переговорить с ним, изложить свою просьбу, и он бы понял, почему я хожу за ним по пятам. Пусть бы он даже отказал мне в худжре, я хотя бы понаблюдал за образом жизни этого странного человека. То, что я лишился возможности следить за ним дальше, огорчило меня больше, чем утрата надежды на худжру.

Однако теперь поздно было сожалеть и раскаиваться, я ничего не мог изменить.

И все же я верил, что рано или поздно сведу знакомство с этим человеком и пойму его характер.

IV

На следующий день, выйдя на базарный перекресток, я направился к чайному ряду, который тянулся на север от мечети Диванбеги, между медресе Кукалташ и мечетью Магок.

Среди чайных лавок, на южной стороне улицы, как раз против тупичка, где торговали углем, расположен был караван-сарай, известный под названием Джаннатмакони.

По обеим сторонам у входа в караван-сарай находились две высокие суфы. На одной из них всегда сидел со своим подносом торговец сладостями Рахими Канд.

Рахими Канд был на редкость занятым человеком, Я получал немалое удовольствие от разговоров с ним. Мне нравилось слушать его рассказы о жизни, и я частенько присаживался на соседнюю суфу, чтобы побеседовать с ним.

Упомянув Рахими Канда, я должен немного и рассказать о нем своим читателям.

Уроженец селения Фаик, Шафрианского туменя, он прошел обучение в Бухаре, выбрав профессию музыканта. Рахими Канд неплохо играл на тамбуре, но особым талантом не обладал. Петь он и вовсе не умел, не был речист и, не отличаясь приятностью обращения и любезностью, не мог украсить пирушку забавным рассказом или остроумным словом. Поэтому богачи не приглашали его играть на свадьбе или торжественном приеме гостей. Спрос на его искусство был невелик, а когда его все приглашали на свадьбу или пирушку, платили мало – две-три тенги за весь вечер, это равнялось тридцати копейкам. Что и говорить, сами понимаете, Рахими Канд был беден, очень беден, ничего не имел за душой и нередко голодал.

Так как приглашать этого музыканта было много дешевле, чем других, учащиеся медресе чаще всего именно его звали на свои устраиваемые в складчину пирушки.

На одной такой пирушке я и познакомился с ним.

Иногда в разгаре веселья учащиеся подшучивали над Рахими Кандом, а некоторые позволяли себе проделки, переходящие грань допустимого, обижали его.

Однажды мои однокурсники – более ста человек – собрали в начале учебного года деньги для учителя – тысячу пятьсот тенег. Вручив учителю в виде подарка к началу года (так называемого ифтитахона) тысячу четыреста тенег, остальные сто тенег решили истратить на ночную пирушку, пригласив на нее тамбуриста.

Угощение на эти деньги получилось довольно скромное, и музыканта позвали самого дешевого – Рахими Канда. Певцами выступали по очереди все желающие самоучки – «савти», как их называли на жаргоне учащихся медресе.

Пир начался. Рахими Канд играл на тамбуре, а любители пели. Среди пирующих оказалось немало людей с хорошими голосами. Они пели один за другим и поэтому не уставали, зато Рахими Канд, игравший без передышки с вечера до полуночи, так переутомился, что уже не в силах был бить по струнам своими одеревеневшими пальцами. Тамбур его умолк. Учащиеся потребовали, чтобы музыкант продолжал играть, но он решительно отказался.

– Хоть убейте – не могу больше!

– Вот как! – с угрозой воскликнул один из певцов, Амин, по прозвищу «Мышь».

– Да так – больше играть не стану!

– Эй, друзья, вставайте, устроим «кучу малу»! – крикнул Амин-Мышь и повалил Рахими Канда на ковер. На них навалилось несколько озорников. С криком и шутками они принялись колотить и мять бедного тамбуриста. Тот сперва стонал и охал, а потом заплакал и взмолился, чтобы его отпустили. Его не слушали, продолжали бить, пока он не пообещал снова взяться за свой тамбур.

Рахими Канд поднялся. Сев на свое место, он дрожащими пальцами ударил по струнам. Но дребезжащие звуки походили теперь на жужжание мухи, запутавшейся в сетях паука.

Тут подали последнее угощение – плов. Перед гостями и устроителями пирушки выстроился ряд блюд. Это спасло Рахими Канда от мучителей: вкусный дымящийся плов они предпочли игре на тамбуре.

Когда пирушка подошла к концу и все стали расходиться, устроители вечеринки рассчитались с Рахими Кандом, – дали ему положенные две тенги, а сверх того поставили перед ним большую чашку плова, накрытую лепешкой, – для его ребятишек.

Ох, как осчастливило Рахими Канда неожиданное подношение! Благословляя хозяев, он говорил:

– Да воздаст вам бог за это, желаю всем вам стать мударрисами, муфтиями, алимами, раисами, казиями и казикаланами ⁶!

– Знаешь, друг, чтобы твои слова исполнились, все теперешние мударрисы, муфтии и всякие раисы должны умереть или потерять свои должности, – сказал один из учащих. – Если же все важные лица, которых ты своим пожеланием попросту проклял, прослышат о твоих словах, они устроят тебе такую «кучу малу», что живым не останешься!

– Пуская, ответил Рахими Канд, и его губы, кажется, впервые за весь вечер сложились в улыбку. – Если после «кучи малу» мне всегда будут давать чашку плова да еще и лепешку, я не стану жаловаться на судьбу!

* * *

Конечно, Рахими Канд не мог прокормить свою семью на две тенги, перепавшие ему, увы, не каждый день, да на случайную подачку раз в несколько недель, а иногда и месяцев на свадьбах и пирушках. Никаким ремеслом он не владел, ничему другому не был обучен, поэтому подрабатывал немного, продавая сласти. Для настоящей большой торговли у него не было капитала. Весь его товар состоял из кучи наколотого сахара и небольшого количества леденцов и конфет. Кусочки сахара побольше он продавал по два пула за кусок, а мелкие куски – по одному пулу. Разложив на одной стороне подноса сахар, на другой – дешевенькие конфеты и леденцы из патоки, он каждое утро выходил к караван-сараяу Джаннатмакони, садился на суфу и поджидал покупателей; товар его имел спрос в основном среди уличных мальчишек.

Из-за этого побочного занятия к имени Рахими-Тамбуриста прибавилось слово «Канд» – «Сахар», под этим прозвищем он и был известен среди бухарцев.

Иной раз и я покупал на копейку что-нибудь из «коммерческих товаров» Рахими Канда. Выбрав кусок сахару или конфету, я закладывал лакомство за щеку и посасывал, усевшись на суфу. Покупал я конфету не потому, что хотел сладкого; меня привлекали занятные рассказы и

⁶ Мударрис – преподаватель высшего духовного училища; муфтий – законовед; алиим – ученый; раис – глава, начальник; казий – судья; казикалан – главный судья.

анекдоты продавца, которые я мог слушать, сидя подле него. Он всегда был рад даже самому бедному покупателю и охотно вступал в разговоры.

Рассказывал Рахими Канд большей частью о случаях из своей жизни или о том, что довелось увидеть я услышать. Однако он, мягко выражаясь, не чурался преувеличений. И, бывало, сочинял такие небылицы, что слушатели рты раскрывали. Рассказывал он красочно, будто в самом деле был очевидцем или даже участником происшествия. Кажется, музыкант-лоточник и сам свято верил во все, что произносили его уста. Мне больше всего нравились как раз его, похожие на сказку, вымыслы.

Из того, что довелось мне услышать от Рахими Канда, я запомнил два рассказа, и мне хочется привести их здесь.

Однажды Рахими Канд пожаловался мне на плохие времена, на то, что люди теперь утратили хороший вкус и перестали ценить настоящее искусство.

– Будь у людей вкус, умей они ценить искусство, – начал он, – сумели бы отличить настоящего мастера, оценить его игру и не стали бы плохих музыкантов возносить до небес, а таких, как я, – швырять в пыль! Все эти ваши прославленные музыканты всего-навсего самоучки, они в глаза не видали хорошего учителя, не знали настоящей школы, выросли на почве искусства, как растет сама по себе сорная трава в цветнике. Зато они здорово дурачат простаков, расхваливают себя перед неразборчивыми людьми и выманивают у них деньги. А я вот несколько лет обучался у мастеров первой руки, овладел подлинным мастерством и не могу заработать теперь на кусок хлеба, на платье, чтобы прикрыть наготу!

После такого вступления Рахими Канд продолжал:

– Я десять лет обучался и служил у Насруллы, продавца котлов. Люди называли его для краткости просто Насрулла-Котел. А он в свое время считался лучшим знатоком шашмакома⁷.

Когда я полностью овладел искусством исполнять на тамбуре макомы – они текли из-под моих пальцев, как струи ручья, – мой учитель стал брать меня с собой на пиры. Однажды Насрулла-Котел взял меня на пирушку, которую устроил зять казикалона в своем саду в селении Хитойон.

Были там и другие певцы и музыканты. Настроив на один лад свои инструменты, мы играли вместе, хором пели и певцы. Увеселение продолжалось до полуночи. Когда гости съели последнее блюдо плова и разошлись кто куда, чтобы поспать, мой учитель обратился к хозяину:

– Если пожелаете я разрешите, мы с моим учеником сыграем для вас отдельно.

Понятно, зять казикалана с удовольствием согласился, и Насрулла велел мне приготовиться для исполнения мелодии Наво⁸. Я настроил тамбур, учитель взял в руки дойру. Он запел, отбивая ритм, я аккомпанировал ему.

⁷ Шашмаком – название музыкально-вокального произведения устной традиции, состоящего из шести частей крупной формы – макомов (шашмаком – шесть макомов). Каждый маком состоит из разделов, объединяющих вокальные и музыкальные фрагменты, разработанные по строго определенной системе.

⁸ Наво – название третьего макома Шашмакома.

Вдруг прилетели два соловья и опустились прямо на то дерево, под которым сидели мы. Послушали некоторое время наше пение, видно, уловили ритм и принялись щелкать в такт нашей мелодии. Это еще больше воодушевило моего учителя, он стал состязаться с соловьями, испуская улаждающие слух стоны! Я не отставал и своими умелыми пальцами заставлял дрожать струны тамбура, как струны самого сердца. Слушатели млели от нашей волнующей музыки. Соловьи потерпели поражение в этом состязании – замолкли, а через минуту, ошалелые, кинулись к нам. Один сел на гриф моего тамбура, другой на ободок дойры моего учителя. Все наши слушатели пришли в неистовый восторг, громкая похвала взвилась к самому небу!

Я не сомневался, что такого рода рассказы Рахими Канда далеки от истины, но не подавал вида, что не верю ему, притворялся, будто принимаю все за чистую монету, ведь почувствуй он с моей стороны хоть малейшее недоверие, очень рассердился бы и, возможно, порвал бы со мной знакомство; во всяком случае, мне больше никогда не довелось бы услышать от него подобные истории.

* * *

Иногда Рахими Канд повествовал о легендарном героизме живых людей – наших современников. Однажды речь зашла о войне эмира Музаффара с горцами⁹. По словам Рахими Канда, эмир, одержав победу, в течение одного часа убил четыреста человек, взятых в плен, и сложил башню из голов гиссарцев и кулябцев. Ярче всего Рахими Канд описывал подвиги участника этой войны Азизуллы.

Я знал Азизуллу. Он происходил из Балха и обучался в бухарском медресе. На войну с горцами пошел добровольцем и, сражаясь на стороне Музаффара, достиг высоких должностей. В то время, когда Рахими Канд рассказывал мне об этом человеке, он был раисом в Гиждуване.

Особую известность Азизулла приобрел своим враньем. Он сам говорил о себе, что если ему не удастся удачно соврать сто раз в день, вечером он не сможет спокойно уснуть.

Рахими Канд рассказал мне о подвигах Азизуллы-Враля следующее:

– Он был в рядах отборных воинов, из числа приближенных эмира, и участвовал в нападениях на кулябцев и гиссарцев. Верхом на своем коне он налетал на врага и каждым взмахом сабли срубал головы десяти – двенадцати воинам. Однажды в разгар битвы ему пришлось проскочить верхом между двумя тузовыми деревьями, они росли совсем рядом – ветви их переплелись между собой, и голова Азизуллы застряла между ними, оторвавшись от тела. А он не растерялся, тут же повернул лошадь обратно, высвободил из ветвей га-лову и

⁹ ...речь зашла о войне эмира Музаффара с горцами. – Эмир Музаффар (1860–1886) из династии мангытов, правивших в Бухаре с 1753 по 1920 г., присоединил к своему ханству мелкие феодальные владения – гиссарские, шахрисябзские, китабские и др. При эмире Музаффаре Средняя Азия была присоединена к России, а Бухарский эмират поставлен в вассальную зависимость.

приладил ее на шее прежде, чем застыла кровь. Голова сразу приросла, и Азизулла как ни в чем не бывало продолжал битву.

Эта история привела меня в восторг, и, позабыв про обидчивость Рахими Канда, я воскликнул:

– Хорошо еще, что Азизулла в спешке не приставил свою голову задом наперед! Глаза оказались бы на том месте, где у людей затылок, а это причинило бы ему в жизни много неудобств!

Рахими Канд, почувствовав в моих словах недоверие к его рассказу, сердито оборвал:

– Он не был ни слепым, ни глупым, – хорошо знал, как должна сидеть на шее его собственная голова!

Я извинился и уверил рассказчика, что не сомневаюсь в правдивости его слов. Однако после того случая Рахими Канд долго еще воздерживался рассказывать что-нибудь.

V

Направившись вдоль чайных рядов, я дошел до караван-сарая Джаннатмакони. На суфе, как всегда, сидел Рахими Канд со своим подносом. Купив у него леденец, я присел на противоположную суфу.

Сегодня я поставил перед собой цель разузнать, где, в каком квартале живет Кори Ишкамба. Все мои помыслы были направлены на это. Поэтому я сидел задумавшись, не пытаясь втянуть Рахими Канда в разговор и не стремясь услышать какую-нибудь занятную историю. Не успел я съесть свой леденец, как со стороны медресе Кукалташ показался Кори Ишкамба. Я так и впился в него глазами, стараясь определить выражение его лица.

Подойдя ближе, он тоже взгляделся в меня. В его умных проницательных глазах ясно читалось: «А, опять тот самый вун!».

Смущенный, я отвел взгляд, сделав вид, что не узнаю подошедшего, но краем глаза продолжал следить за каждым его движением.

Он приблизился к Рахими Канду, взял с подноса кусочек сахару и один леденец, отправил в рот, затем схватил конфету и, развертывая бумажку, пошел дальше.

Побледнев, Рахими Канд закричал ему вслед дрожащим голосом:

– Дядюшка Кори, бросьте шутить! Как же так можно! Я человек бедный, у меня семья! Заплатите! Пожалуйста, заплатите!

Обернувшись, Кори Ишкамба проговорил:

– Ах ты, неблагодарный! Не забывай моего угощения! Вспомни плов, который ты ел вчера! Я еще пригожусь тебе, помогу получить куда больше за эту безделицу! – И преспокойно зашагал дальше.

– Скрыга, ничтожество! – закричал Рахими Канд.

– Кто это? – спросил я, притворяясь, что совершенно не знаю Кори Ишкамбу.

– Шакал в чалме, кровосос-ростовщик, скрыга, негодяй! – ответил Рахими Канд.

– Как же вам удалось отведать его хлеба-соли? Почему он попрекает вас неблагодарностью?

– Его хлеба-соли жены его и то ни разу не ели! – ответил Рахими Канд, все более распаяясь. – Он на вчерашний плов намекал. Один водонос справлял свадьбу и пригласил меня позабавить гостей игрой на тамбуре. Я сидел во дворе на широкой деревянной тахте и играл. Появился среди гостей и этот. Вместе со всеми зашел в комнату, где подавали угощение, и съел свою долю плова. Потом подошел ко мне, присел на край тахты. Люди входили в комнату, угощались пловом, уходили, а он все сидел возле меня, потом попросил хозяина подать чай. Подошли еще гости, посидели, поели и ушли, а он все сидел. Когда наконец все гости поели и разошлись, он сказал прислуживавшим на свадьбе, чтоб и мне принесли плова. «У него не только руки играют, и живот урчит в лад тамбуру! Да смотрите, чтоб плов был пожирней да мяса побольше!».

Принесли блюдо плова. И вправду мяса не пожалели, плов был хороший, жирный, только мне не досталось и десятой части! У Кори Ишкамбы был завидный аппетит, хотя он все время угощался вместе с другими. Пока я съедал одну горсть, он успевал отправлять в рот три-четыре, да при этом умудрялся, обжора, захватить в каждую горсть по жирному куску мяса, выбирал рис снизу, где было пожирней, так что сало стекало ему по руке до локтя.

Поев, я хотел снова начать играть и стал подкручивать колышки на своем тамбуре, настраивать его, а тут Кори приставил свои жирные губы к моему уху и прошептал:

– Хватит, кончай свою игру, гости расходятся. Хочешь, устрою так, что тебе дадут блюдо плова, но с условием, половина будет моя. Согласен?

– Понятное дело, согласен, – говорю ему.

– Ну коли так, проси хозяина свадьбы отпустить тебя!

– Разрешите мне идти? – опросил я хозяина, пряча свой тамбур в чехол.

Хозяин дал мне плату – две тенги – и положил передо мной лепешку и горсть конфет. Я положил деньги в карман и стал завязывать лепешку и сласти в свой платок. Тут Кори Ишкамба указал на меня хозяину, говоря:

– У этого человека семья. Не пожалейте для него блюдо плова. Доставьте радость его детям: положите пожирнее, да с мясом, да накройте горячей лепешкой. Настанет момент, вы опять обратитесь к нему!

Хозяину не оставалось ничего другого, как принести мне плов. Кори Ишкамба вышел первым, а я следом за ним, неся свой тамбур и блюдо с пловом.

Провожая нас, хозяин сказал:

– Не забудьте вернуть блюдо!

Прошли мы немного, Кори Ишкамба и говорит мне:

– Мой дом как раз по пути. Сначала зайдем ко мне, я отсыплю долю, а остальное понесешь домой!

Долго шли мы улицами и переулками, пока наконец добрались до его дома. Оказалось, что он живет гораздо дальше, чем я.

В этом месте Рахими Канд поерзал свой рассказ, чтобы перевести дух.

Так как мне очень хотелось узнать адрес Кори Ишкамбы, я улучил момент и спросил:

– В какой же квартал и на какую улицу вы пришли?

– Знаете квартал Кемухтгаран? Так вот Кори Ишкамба живет в самом конце тупичка, что за караван-сараем, там, где торгуют сапожками и кожаными калошами! – объяснил мне Рахими Канд и продолжал свой рассказ: – Так вот, дошли до его дома, он забрал у меня блюдо с пловом и унес на женскую половину, чтобы отложить свою часть, а когда вынес блюдо назад, лепешки на нем уже не было. Кори Ишкамба выбрал я все мясо, а риса осталось не больше восьмой части. Слил он также и весь жир. Очень, очень богат этот человек, да глаза у него ненасытные. Ни перед чем не остановится, ничего не устыдится, чтобы прибрать к рукам что-нибудь, сколько бы ни получил, никогда не насыщается, – заключил свой рассказ Рахими Канд.

Я заметил:

– Хотя ширазец Саади сказал, что «жадные глаза богача может насытить либо удовлетворение желаний, либо могильный прах», я считаю, что жадность этого человека не насытится ни тем, ни другим.

Промолвив эти слова, я поднялся с суфы, так как неожиданно заполучил адрес Кори Ишкамбы со всеми пояснениями, чего я и добивался. Теперь можно было идти прямо к Кори Ишкамбе.

VI

Пройдя от караван-сарая Джаннатмакони улицей продавцов угля, я вышел к кварталу Кемухтгаран, и, войдя в тупичок, увидел в конце его небольшие ворота, которые по всем признакам, сообщенным мне Рахими Кандом, были ворота дома Кори Ишкамбы.

Я постучался, подумав: «Не беда, если окажется, что это не его дом. В крайнем случае спрошу, где он живет».

Спустя несколько минут за воротами послышались шаги и тихий разговор двух людей. Однако на мой стук они не отозвались. Я постучал еще раз.

– Кто там? – послышался женский голос.

– Я учащийся медресе, у меня есть дело к дядюшке Кори.

– Вашего дядюшки Кори нет дома! А что у вас за дело?

– О своем деле я скажу им самим! Когда они будут дома?

– Они приходят очень поздно, иногда остаются у своих знакомых до полуночи, – ответила женщина.

– А если я приду в полночь или даже позже, смогу я их увидеть?

– Нет, нет, – сказал решительно другой голос. – Они никогда не пускают к себе в дом, даже ворот не открывают. И нам наказали, чтобы мы ни днем, ни ночью никого не впускали. Еще вчера они напомнили, чтобы мы не открывали дверей даже знакомым. Поэтому советуем вам не затруднять себя понапрасну и не пытаться застать их дома.

– А кем вы приходитесь дядюшке Кори?

– Мы их жены!

– Может быть, у них есть сын, я бы поговорил, он бы сказал о моем деле отцу, а потом передал бы мне ответ.

– У них нет ни сына, ни дочери, ни слуги! – Это был голос первой женщины.

– Они, как одинокий кипарис, одни-одинешеньки! – ответила другая. Слышно было, что она смеется.

– Ну, хорошо, может, они бывают дома днем, я приду днем! – сказал я.

– Здесь вы их никогда не сможете найти. Они выходят из дому до рассвета, а возвращаются за полночь, – ответила первая женщина.

Так как выяснилось, что я не смогу застать Кори Ишкамбу дома ни в этот день, ни в любой другой, я решил снова пойти по базарным рядам и, встретив его там, подойти, признаться в своей лжи и рассказать об истинном намерении,

Размышляя так, я прошел ряды торговцев кожаными калошами и вышел к круглому купольному пассажу, известному под названием Пассаж Ходжа Мухаммади Паррон. Пройдя через него, я направился вдоль рядов, где торговали табаком и табакерками из тыквочек. Миновав склад кишмиша и урюка, я пересек улицу москательщиков и достиг рядов торговцев чаем.

День уже клонился к вечеру, почти все торговцы закрыли лавки и разошлись по домам; прохожих было мало. Встретиться мне сейчас Кори Ишкамба, обстановка для разговора с ним была бы самая подходящая. Но, увы, его не было видно. Когда я подходил к караван-сараяу Джаннатмакони, Рахими Канд как раз свертывал свой паласик, собираясь отправляться домой.

Заметив меня, он снова положил паласик на суфу, и, улыбаясь, подозвал меня. Я очень удивился, увидев его улыбающимся, – до сих пор это случилось единственный раз за время нашего знакомства, когда, как я уже рассказывал, он получил плов на пирушке, устроенной учащимися медресе. Обычно лоб у него был нахмурен, выражение лица было таким кислым, будто он отведал уксуса. А сейчас он не только улыбался – даже смеялся тихонько.

– Что вы такое сделали Кори Ишкамбе? – спросил он.

Я подошел к нему.

– Ничего, а что случилось?

Присев на суфу, Рахими Канд сказал:

– Только вы ушли, как он опять появился тут и принялся расспрашивать, что вы за человек. «Учащийся медресе, гиждуванец», – ответил я ему. «Ну, я был прав в своих подозрениях», – и многозначительно кивнул головой. «А в чем вы его подозревали?» – спросил я. Помолчал и говорит: «Многие думают, что у меня есть деньги. Поэтому не раз уже воры и беспутные люди принимались меня выслеживать. А как убедятся, что я не держу дома медного гроша, так теряют ко мне интерес, отстают. Последние два-три дня этот ваш ученик медресе все ходит за мной. Видно, хочет проследить, где я получаю деньги и куда их прячу, а если увидит, что я принес в дом деньги, конечно, изрубит меня на мелкие кусочки и заберет мое добро». «Не такой он человек, напрасно вы его подозреваете!» – возразил я ему. «Может, сам по себе он не плохой человек, – ответил Кори Ишкамба, – да ничего невероятного нет, если земляки сбили его с пути и заставили следить за мной. Во всяком случае, гиждуванцев следует опасаться!».

Помолчав, Рахими Канд добавил:

– Кори Исмаат просил меня объяснить вам, как моему знакомому, что денег у него нет и что, если случайно они и попадают ему в руки, он их домой не берет и вообще не держит дома ничего ценного. «Есть, говорит, у меня в доме два одеяла, так они рваные и грязные, как потник из-под ослиного седла».

В заключение Рахими Канд сказал мне наставительно:

– Остерегайтесь этого человека, от него добра не дождетесь, опутает вас да еще оклеветает.

Я объяснил Рахими Канду, зачем я искал Кори Ишкамбу, рассказал о своем намерении попросить у него худжру, описал свои безуспешные попытки в течение нескольких дней поговорить с ним.

– Но раз он способен подозревать честного человека, считать его вором и разбойником, не желаю больше ни видеть его, ни просить у него жилье! Обойдусь и без его худжры, и без знакомства с ним! Как говорит Саади, «вернем его дар ему обратно», – сказал я Рахими Канду и, попрощавшись с ним, отправился по своим делам.

После этого разговора прошло несколько дней. Я не встречал больше Кори Ишкамбу, да и не стремился встретить, выкинув из головы мысль о том, чтобы познакомиться с ним и попросить хужру. Я счел за лучшее держаться от этого человека подальше.

Как-то сидел я, задумавшись, на плоской крыше лавчонки торговца солью на площади медресе Кукалташ. Вдруг около меня на землю легла чья-то тень. Поглощенный своими мыслями, я даже не поднял головы.

– Ас-салам алейкум! – прозвучало надо мной так, как обычно произносят чтецы Корана¹⁰.

Можете представить мое удивление: со мной здоровался, оказывается, сам Кори Ишкамба! Ковыряя в зубах деревянной зубочисткой, он вытаскивал остатки застрявшей между зубами пищи, разглядывал их и снова отправлял в рот.

Обиженный на него за неосновательные и оскорбительные подозрения, я нехотя ответил на приветствие и снова погрузился в свои думы.

– Прекрасный воздух на площади перед медресе Кукалташ! – сказал он, присаживаясь рядом со мной.

Я промолчал.

– Братец, может быть, у вас есть ко мне какое-нибудь дело, не зря же добрых два дня вы ходили за мной по пятам? – спросил он вкрадчиво.

– Конечно! – ответил я резко. – Мне хотелось узнать, сколько у вас денег и куда вы их прячете, чтобы сообщить это гиждуванским ворами и вас ограбить!

– Согласитесь, что, если незнакомец вас преследует, это, естественно, вызывает подозрение. Вы зря обижаетесь. Расспросив кое-кого и убедившись, что вы человек честный и порядочный, я хотел извиниться перед вами, потому и подошел, увидев вас здесь, и присел рядом с вами. Я хотел бы, чтобы вы простили меня! – сказал он, и голос его действительно звучал искренне.

Я промолчал, но он по выражению моего лица понял: извинение принято и я больше не сержусь. Тогда он добавил серьезно:

– А все же, думаю, стоит рассказать вам немного о себе. Люди считают меня денежным человеком. Эта неверно. Если я зарабатываю две-три тенги для своей семьи, так и те отдаю на сохранение в верные руки, а потом трачу их по мере надобности.

Из этих слов явствовало, что у него еще остались сомнения на мой счет. Однако я понял, что нет смысла разуверять его: в этом человеке подозрительность укоренилась, видимо, как застарелая хроническая болезнь. Все же, желая хоть немного рассеять его опасения, я сказал:

¹⁰ ... как обычно произносят чтецы Корана. – В арабском языке, на котором написан Коран, буква «айн» выговаривается гортанно. Выражение «Ас-салам алейкум» – арабская форма приветствия («Мир вам»), и чтецы Корана соблюдали традиционное произношение.

– Мне нужна худжра. Один из моих друзей сказал, что у вас есть собственные худжры. Потому я и стал искать случая поговорить с вами, попросить сдать мне временно одну из них. Однако, узнав, что моя попытка познакомиться с вами вызвала у вас нехорошие подозрения, я решил «вернуть вам ваш дар обратно», – закончил я шутливо.

– Самому мне никогда не доводилось покупать худжры, – объяснил он. – У меня отроду не было и нет наличных денег. Но у меня есть две-три худжры, которые достались мне в наследство от покойного отца.

Подчеркнув таким образом еще раз, что у него нет наличных денег, Кори Ишкамба, немного помолчав, спросил:

– Что же, нашли вы себе худжру или до сих пор все без пристанища?

– Нет, еще не нашел!

– А если найдете, то будете там каждый день варить плов? – снова спросил он.

У меня промелькнула мысль, что Кори спрашивает об этом потому, что может предложить мне лишь худжру без очага и дымохода. Поэтому я ответил так:

– Меня бы устроило жилье не только без дымохода, но и без очага, потому что я могу вообще обходиться без плова.

– А в моей худжре как раз есть очаг, который требует, чтобы на нем ежедневно готовился хороший жирный плов с мясом на двоих, – сказал он шутливо, но тут же серьезно добавил: – У меня есть две худжры, которые я сдал ученикам медресе при условии, что каждой из них раз в день будет готовить плов на двоих: один варит утром, часов в одиннадцать, а другой – к вечеру, перед второй молитвой, и я ежедневно хожу к ним есть.

– Как! Вы можете есть плов два раза в день? – прервал я его вопросом.

– О, была бы только возможность, я и четыре и пять раз в день могу поесть плова! – Глаза Кори Ишкамбы загорелись алчным огоньком. – Один из этих учеников, как мы договорились, добросовестно, каждый день точно в положенное время готовит плов, а другой хитрит: случается, убегает, скрывается от меня. А на второй день, когда я припру его к стенке, находит объяснения: то денег не оказалось, то в гостях был. Но ведь в делах подобные объяснения медного гроша не стоят! В прошлом году он под таким предлогом четыре раза не приготовил плова!

Замолчав, Кори Ишкамба снова стал ковырять в зубах своей острой зубочисткой, но между зубами остатков пищи уже не было, и он вытащил зубочистку окровавленной.

– Сейчас я как раз ел плов у этого «обманщика», – оказал Кори Ишкамба, – вчера он сбежал, а сегодня приготовил плов, но мяса и сала в нем было маловато. Я его предупредил: если и дальше будет поступать так, я выгоню его из худжры... Возьметесь угощать меня каждый день пловом? Тогда я отберу худжру у этого ученика, хоть он старый мой знакомый. Ну, что скажете?

Я счел для себя унижительным объяснять этому скряге, что я беден и деньги у меня появляются не часто – ведь известно, что в глазах богачей бедняки являются самыми ничтожными и презренными людьми. Поэтому, не желая раскрывать ему своего истинного положения, я придумал отговорку:

– Вчера один человек обещал даром уступить мне на время свою худжру. Если он не сможет этого сделать, тогда, возможно, сниму вашу. Каждый день варить плов и угощать одного человека нетрудно, но еще лучше, если найдется худжра, за которую не надо платить.

– Разумеется, каждый прежде всего думает о своей выгоде, – согласился Кори Ишкамба и добавил: – Хорошо, если вам или кому-нибудь из ваших знакомых понадобится келья, я всегда могу предоставить ее на условиях, о которых уже говорил. Тому, кто будет честно соблюдать уговор, не только келью сдам, молиться за того буду. Я человек бедный, и приходится добывать себе еду таким вот образом. Да, да, я не богач, как думают обо мне люди!

С этой беседы началось мое знакомство с Кори Ишкамбой. С той поры каждый раз, как мы встречались на улице, он опрашивал меня, нашел ли я жилье. Узнав, что себе я уже раздобыл худжру, он спрашивал, не нужна ли худжра кому-нибудь из моих друзей.

Я отвечал отрицательно, и на этом наш разговор кончался. Но сколько бы раз в день ни повстречались мы с ним, его вопросы и мои ответы неизменно повторялись. Кори Ишкамба, видимо, не терял надежды найти через меня квартиранта, добросовестного и аккуратного, который ежедневно в условленное время честно «будет готовить для него плов».

VIII

По существовавшему в Бухаре обычаю, в начале солнечного года в месяце хамал¹¹ устраивались новогодние гулянья в эмирском саду, известном под названием Ширбадан. Помимо обычных харчевен, в которых для гуляющих продавались всевозможные готовые кушанья, открывались еще и такие, где можно было приготовить плов самим, получив за плату котел, блюдо и все необходимое.

Хозяева таких харчевен расставляли легкие шатры, устанавливали перед ними ряд очагов, и за определенную плату предоставляли желающим сварить плов котлы, блюда, припасали дров, а те приносили все необходимые продукты и готовили кушанье по своему вкусу.

Однажды, во время новогодних гуляний, решила приготовить «свой» плов и наша ученическая компания. Нарезав мясо, морковь и лук, товарищи пошли гулять, а я занялся пловом.

Когда сало прокалилось и я уже пережаривал в нем мясо и лук, внезапно появился Кори Ишкамба. После обычных вопросов, нужна ли мне худжра или нет ли ученика, который ее

¹¹ Хамал – первый месяц солнечного календаря (с 22 марта, дня весеннего равноденствия, по 22 апреля).

ищет, он поинтересовался, с кем я здесь. Я назвал имена нескольких наиболее известных товарищей.

– О, все свои! – сказал он и, отойдя от меня, зашел в соседнюю харчевню. Поскольку эти харчевни были сооружены из палаток и не имели перегородок, сидящие в одной легко могли наблюдать, что происходит в другой. Там Кори Ишкамба подсел к компании, ожидавшей плова, – плов уже был сварен, но его еще не подавали.

Между тем я засыпал в котел рис, дал ему прокипеть и, когда он впитал всю воду, накрыл котел блюдом, чтобы дать плову упреть. Вернулись мои друзья, расселись в кружок под матерчатым навесом. К этому времени в соседней компании подали плов, и все принялись за него с таким усердием, что никто ни разу не обернулся к нам. Один лишь Кори Ишкамба, отправляя в рот каждую горсть плова, кидал взгляд в нашу сторону.

Но вот доспел и наш плов. Я выложил его на блюдо, оставив немного на дне котла хозяину харчевни «за присмотр», и поставил кушанье перед друзьями.

Едва Кори Ишкамба увидел, что я понес блюдо, он тут же поднялся со своего места, затем снова нагнулся и взял в горсть остаток плова. С его пальцев еще стекал жир, когда он поспешно зашагал в нашу сторону. Без разговоров, даже не поздоровавшись, подсел к нам и первым протянул руку к блюду.

Среди нас был один юноша, сын торговца, считавшегося в Бухаре богатеем средней руки. Этот юноша, мой давний приятель, был знаком с Кори Ишкамбой и любил перекинуться с ним шуткой.

Когда Кори Ишкамба подсел к нашей компании, он ему сказал:

– Дядюшка Кори, от вас не спасешься! Куда ни пойдешь, вы тут как тут, пристанете, как ришта!

– Сынок, после жатвы я собираю колосья! Как же нам быть, беднякам, если не подбирать зерна? Пусть и нам, неимущим, достанется с гумна богачей, вроде вас, несколько колосьев, – вас не убудет!

– Когда вы угощаетесь пловом у нас дома, говорите, что едите его в счет «внуков», а что вы скажете о сегодняшнем плове?

– Это уже плов в счет «правнуков», да буду я жертвой за вас! – сказал Кори. Рот у него был набит, и разобрать слова было почти невозможно.

Больше Кори Ишкамба на произнес ни слова, не отвечал он и на вопросы. Сидел, пригнувшись к блюду, а не поднимал головы.

Растопыривая все пять пальцев, он забирал плов полной горстью, плотно его уминая, стараясь каждый раз захватить кусок мяса покрупнее. Плов под его руками исчезал с такой же быстротой, с какой в половодье река смывает свои берега. Скоро он проложил в горке риса глубокий ров. Когда он переводил дыхание, зернышки риса сыпались изо рта ему на колени, и на скатерть, и обратно в блюдо.

Увидев это, я перестал есть. Невозможно было смотреть на плов без отвращения. Да и другие протягивали руки к блюду неохотно, брали плов понемногу из-под низу, куда не попадали рисинки, падавшие изо рта Кори Ишкамбы.

Иногда плов застревал у него в глотке. Тогда он, не отнимая правой руки от блюда, хватал левой чашу с водой и, отхлебнув, проглатывал пищу.

– Ну, дядюшка Кори, вам бы не худо обзавестись для еды шомполом, – заметил я.

Он усмехнулся, но ничего не ответил: набитый рисом рот не позволял вымолвить и слова.

– Зачем же шомпол? – спросил меня один из товарищей.

– Да чтобы проталкивать пищу через горло и утрамбовывать ее в желудке! – ответил я.

– Шомполом для плова ему служит вода! – ответил другой товарищ.

Наконец Кори Ишкамба разделался и с нашим пловом. Он поднялся, вытер руки об ичиги, тем самым смазав голенища жиром, и ушел, ни с кем не попрощавшись.

Вся наша компания была раздосадована появлением этого неприятного гостя. Больше всех злился я. Потратить столько трудов, приготовить чудесный плов, чтобы потом отказаться его есть и остаться голодным! Другим было не так обидно, они не готовили, к тому же хоть немного поели. Сын богача, который из-за знакомства с Кори Ишкамбой чувствовал себя повинным в этой неприятной истории, видимо, понял, что сержусь на него. Он тихонько поднялся и подошел к хозяину харчевни. Тот еще не выбрал из котла плов, оставленный для него. Заплатив за этот плов, приятель положил его на тарелку и поставил передо мной. После всего, что было, аппетит у меня пропал, однако, не желая огорчать друзей, я поел немного. Забота товарища меня растрогала, я успокоился и спросил его уже без всякой обиды:

– Откуда ты знаешь этого прожорливого жука?

– Слишком долго рассказывать, лучше как-нибудь в другой раз!

– Ну ладно, объясни хоть, что значит эти «внуки» и «правнуки». Я уже слышал эти загадочные слова от Кори Ишкамбы. Объясни, и я прощу тебя, а может, и его.

– Разве ты не знаешь? Да ведь он ростовщик. Проценты на деньги, отданные в рост, он называет «детьми» этих денег; проценты на проценты зовет «внуками»; а проценты на проценты с процентов «правнуками». – И далее пояснил: – Когда кто-нибудь берет у него деньги в долг, он сдирает с него хорошие проценты, да еще требует их вперед из занятых у него же денег. Он считает, что это «дети» его денег; пока человек ему должен, ростовщик ходит к нему в дом, ест вместе с ним и считает всю эту еду «внуками» своих денег». А когда ему доводится, кроме обычного угощения, сорвать со своего должника еще что-нибудь – например, съесть с ним дыню, виноград, сласти, – он называет его «правнуками» денег, то есть процентами на проценты с процентов.

Прошло несколько месяцев после этого гулянья в Ширбадане. Однажды, уже зимой, после вечернего намаза ко мне в келью вошел мой приятель – сын купца.

– У меня сегодня дело к Кори Ишкамбе. Он сказал, что я смогу видеть его дома часов в десять вечера...

– Да ведь он никого не впускает к себе в дом так поздно, – прервал я его.

– Он в этом деле заинтересован куда больше, чем я, и сам назначил мне время и место встречи. Улицы Бухары, как вы знаете, ночами небезопасны, потому прошу вас пойти со мной.

– У тебя отец, братья, слуги. С какой же стати ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? Да и не хочу видеть его омерзительной рожи, не выношу ее.

– И все-таки прошу вас. Дело в том, что я должен отправиться туда в тайне от отца, матери и братьев. Был у меня преданный слуга, посвященный в мои секреты. Но он заболел и уехал домой. Я пришел к вам, так как доверяю вам больше, чем другим. Кроме того, знаю, что вы умеете держать язык за зубами.

– Откройте мне свою «сокровенную тайну», тогда я обдумаю и решу, могу ли я принять участие в этом деле.

– Видите ли, – сказал юноша, – я тайком от родителей взял у этого ростовщика под проценты тысячу тенег. Сегодня я могу их вернуть. Когда же это сделать, если не ночью. Ночь – хранильница многих тайн.

– Так и быть, – согласился я. – Хоть мне смертельно не хочется входить в дом Кори Ишкамбы, я не могу отказать тебе. Пойдем вместе.

* * *

Около десяти часов мы пустились в путь. Ночь была темной и безлунной. В такие ночи нелегко ходить по узким, извилистым улочкам Бухары. Хорошо еще, что в тот день выпал снег. Слабый отраженный свет от него давал возможность видеть, куда мы ступаем, и не наткнуться на дома и ограды, не падать в рытвины.

Мы добрались уже до квартала Кемухтгаран, где жил Кори Ишкамба, когда услышали за собой конский топот. Это был миршаб¹², объезжавший со своими людьми улицы. Они орали во все горло, били в медные барабаны, привязанные к луке седла. Дело в том, что миршаб и его люди сами боялись разбойников и по ночам не осмеливались к ним приблизиться. Они предпочитали хватать попадавшихся им на пути честных людей, а потом брать с них выкуп. Если схваченные не могли откупиться, их сажали в тюрьму.

¹² Миршаб – начальник ночной стражи, буквально: «правитель ночи».

Мы с приятелем сначала растерялись, не знали, как быть. Броситься бежать, – люди миршаба сразу смекнут, что мы честные люди, и кинутся в погоню, схватят нас. Выйти навстречу – так миршаб сразу увидит, что нас бояться ему нечего: добыча сама далась ему в руки.

Приятель мой не на шутку перепугался. Попадись мы – ему пришлось бы откупиться частью тех денег, которые он нес Кори Ишкамбе. Нас могли и задержать, бросить в тюрьму, а в этом случае открылась бы тайна, которую приятель так тщательно скрывал от отца.

Я успокоил его, уверил, что бояться нечего, велел следовать за мной, а сам стал осторожно пробираться вдоль стены. У лавок продавцов красок отряд миршаба почти настиг нас. Прячась в тени крытых рядов, мы поднялись на суфу одной из лавочек. Отломив небольшой кусок кирпича и взяв его в руку, я приготовился ко всяким неожиданностям.

Сообразив, что мы спрятались в тени крытых рядов, люди миршаба окликнули нас, желая узнать, не разбойники ли мы.

– Кто идет?'

Вместо ответа я швырнул в их сторону обломок кирпича. Они решили, что мы разбойники. Миршаб, замыкавший свой отряд, повернул коня назад, поскакал в переулок, где торгуют углем, затем по направлению к своему сторожевому посту у базарного перекрестка. Отряд устремился за ним, перестал бить в барабаны и кричать. Когда они исчезли из виду, мы вышли из-за укрытия. Обогнув зловонное болото, куда стекала грязная вода со всего квартала Кемухтгаран, мы свернули налево, в тупичок, к дому Кори Ишкамбы.

* * *

Приятель предупредил меня, что я должен тихо стоять сбоку от ворот, не говорить ни слова, не производить ни малейшего шума.

– Если Кори Ишкамба догадается, что я привел с собой постороннего, то ворот не откроет.

Я отошел в сторонку, а он постучался.

Кори Ишкамба поджидал моего приятеля в узком коридорчике, ведущем к воротам, и тотчас же откликнулся:

– Кто там?

– Я ваш знакомый, дядюшка Кори, отворите!

Кори Ишкамба открыл. Однако, заметив меня, испуганно вскрикнул и потянул к себе ворота, намереваясь их захлопнуть.

Но мой приятель не дал ему это сделать, – потянул к себе створку ворот, он ступил ногой на порог.

– Да не пугайтесь же, дядюшка Кори, это свой! – сказал он и, обратившись ко мне, пригласил войти. Пропустив меня вперед, вошел и сам. Кори Ишкамба заложил засов, повесил замок и только после этого последовал за нами.

Коридорчик был темный и очень узкий. Пробираясь ощупью, я заметил дверь; очевидно, она вела во внутреннюю половину дома. Пройдя мимо, Кори Ишкамба отворил другую дверь. За ней открылась крутая лестница. В полной темноте он стал подниматься, пригласив нас следовать за собой.

Мы шли, упираясь руками в стены, нащупывая ступени. Лестница вывела нас на небольшую открытую террасу над коридорчиком. К ней примыкала комнатка с двумя дверями, одна из которых служила окном. С другой стороны открытой террасы находился навесик, пройдя под которым, Кори Ишкамба открыл дверь и пригласил нас войти.

Наконец мы оказались в комнате. В ней было совершенно темно, мы ничего не видели и стояли, не зная, куда сесть. Хозяин прошел в передний угол, откуда послышался шорох.

– Дядюшка Кори, что вы там делаете? – спросил мой спутник.

– Лампу, лампу ищу, – сказал он и прибавил: – У вас не найдется спичек?

– У меня нет, – ответил мой приятель, пошарив за пазухой и в карманах.

– И у меня нет, – добавил я.

Кори Ишкамба постучал ногой об пол.

– Что это, дядюшка Кори! Уж не танцуете ли вы там? – спросил я.

– Под этой комнаткой жилое помещение. На мой стук кто-нибудь подыметесь сюда, чтобы помочь мне зажечь лампу, – ответил Кори.

И действительно, прошло немного времени, и на лестнице раздались шаги.

– Вынеси лампу, я зажгу, от нее свою! – велел Кори Ишкамба тому, кто был на лестнице.

– Почему же вы просите принести лампу, вместо того, чтобы попросить спички?! – спросил мой товарищ у хозяина.

– В моем доме все построено на строгом расчете, – ответил тот: – За день должна тратиться только одна спичка, по утрам, когда разжигают очаг, чтобы вскипятить чай. – Помолчав немного, он добавил: – Люди думают, что те два-три гроша, которые я скопил, мне дало ростовщичество. Это неверно: все, что у меня есть, все я нажил только благодаря бережливости. Как говорится: «Бережливость у очага создает купца».

– А если лопнет стекло, пока несут лампу, – ведь это довольно легко может случиться – сейчас идет снег, – что даст тогда ваша бережливость? Вот уж поистине убыток в тысячу раз превзойдет стоимость спички, – промолвил я.

– Мне-то что! Убыток понесет тот, кому принадлежит лампа, – ответил Кори Ишкамба. – Потому-то я и велел вынести сюда лампу с женской половины и не позволю брать туда свою!

– А кому же принадлежит лампа?

– Моим женам! – ответил Кори Ишкамба и пояснил: – Они шьют тюбетейки. Раньше лампой и керосином снабжал их я и за это получал половину денег от продажи тюбетеек. Но женщины оказались в расчетах хитрее меня, заявили: «Не так уж много тратите вы на свет, чтобы половину нашего заработка забирать себе!». После этого все расходы на освещение они взяли на себя, но и весь доход попадает к ним.

– Теперь понятно, почему вы стараетесь продать тюбетейки подороже – вы заботитесь о своих женах? – спросил я не без ехидства, намекая ему на разговор с продавцом тюбетеек, свидетелем которого я оказался. – Странно это! Ваши рассуждения о лампе говорят том, что вам дела нет до расходов ваших жен, что вы печетесь только о своей выгоде! Что же заставляет вас стараться продавать тюбетейки подороже?

– Я забочусь только о своей выгоде, – хвастливо сказал Кори Ишкамба и разъяснил, что тюбетейки, которые шьют его жены, он берет у них по той цене, какую уплачивают скупщики, покупая тюбетейки оптом. А потом он отдает эти тюбетейки знакомым торговцам для продажи по розничной цене. Разница в цене идет в его пользу.

– Значит, вы превратились в скупщика! – сказал товарищ.

– Да, я становлюсь скупщиком, – ответил Кори Ишкамба. – Но не таким, как другие! – я не вкладываю в торговлю своих денег, не обременяю себя сидением в лавке и разговорами с покупателями. Я перекупщик, доход от торговли получаю без расходов и трудов.

Тем временем кто-то принес горящую лампу и поставил ее на нижнюю ступень лестницы. Кори Ишкамба спустился, взял лампу, снова поднялся по ступенькам и, войдя в комнату, поставил лампу на низенький столик. Подкрутив немного фитиль, он снял стекло. Вероятно, оно было очень раскаленным и обожгло ему руку: он принялся дуть на пальцы, приговаривая: «Ой, моя рученька!».

– Зачем же брать стекло голой рукой? Прихватили бы рукавом или платком, – заметил я.

– Хорошо еще, что не прихватил рукавом или платком, – ответил он, все еще дую на пальцы. – Руке больно от ожога, да боль пройдет, и все обойдется, а вот если обгорел бы рукав, я понес бы большой урон!

Когда боль немного утихла, Кори Ишкамба приподнял край паласа, устилавшего пол, и, вытащив из циновки соломинку, поджег ее от пламени лампы и перенес огонь на фитиль своей, потом отнес лампу своих жен на лестницу, а свою поставил на покрытый одеялом низенький столик – сандали, под которым было углубление для углей.

Лампа была маленькой, трехлинейная, все же при ее скудном свете мы смогли рассмотреть убранство комнаты. На полу лежала ветхая, во многих местах изъеденная молью дешевая кошма. Одеяло, покрывавшее сандали, действительно было такое грязное, что, как говорил Кори Ишкамба Рахими Канду, почти не отличалось от потника из-под ослиного седла. Еще

грязнее были курпачи ¹³, тюфячки по краям сандали, – они выглядели не чище, чем потник осла, спина которого покрыта гнойными струпами.

– Будьте любезны, присаживайтесь! – пригласил нас Кори Ишкамба, так как мы, уstraшенные видом тюфячков, все еще стояли посреди комнаты.

Мы сели, плотно подвернув под себя полы своих верхних халатов, опасаясь запачкаться об одеяло, тюфячки и палас этой «гостиной». Мы уселись справа и слева от сандали и протянули под него ноги, надеясь согреться под горящими углями. Но под сандали было гораздо холоднее, чем снаружи. Пришлось подобрать ноги под себя.

– Мне кажется, у вас под столиком лед вместо горящих углей – ноги обожгло от стужи! – заметил мой приятель.

– Неужели на вас так сильно действует слабый морозец? – удивился Кори. – Теперь я понимаю, какая нежная кожа на ногах у сыночков богачей.

– У ученика из деревни, как известно, не такая уж нежная кожа на ногах, но и он замерз, – вмешался я. – В лютую зимнюю стужу даже у верблюда мерзнут ноги, что же говорить о людях, у которых снег забивается в калоши?! Выйдите да пройдитесь по заснеженным улицам – и почувствуете, как стынут на морозе ноги!

– Я сам только что с улицы! – ответил Кори Ишкамба. – И обошел не один квартал – полгорода обошел, а ведь на ногах у меня только рваные ичиги да кожаные калоши. И все-таки мои ноги не почувствовали холода! Что ж, значит, они у меня крепче и выносливее, чем у верблюда!

– Из этого следует, что кожа у вас толстая, как у слона! – сказал сынок купца.

«Разве почувствует слон укол острия палки, которой погоняют волов!» – припомнил я известную поговорку и обратился к нашему хозяину с вопросом:

– Позвольте, а зачем же вам понадобилось в эту пору бродить по заснеженным улицам?

– Зачем? Станный вопрос. Я был у своих знакомых, ужинал с ними, пил у них чай. Если бы я не должен был ждать вас сегодня, я зашел бы еще в несколько домов, где ужинают позже, и вернулся бы домой только к полуночи, вполне насытившись.

– А ужинаете ли вы когда-нибудь в своем собственном доме?

Кори Ишкамба расхохотался:

– Никогда! Зачем мне разжигать очаг в своем доме и тратить деньги, которые достаются мне ценой огромных усилий, если в домах друзей я всегда нахожу готовый плов и хлеб. Мудрецы сказали: «Что за прелесть чужой дом; нет ни хлопот с водой, ни забот о топливе!» – Подумав, Кори Ишкамба поправился: – Нет, я сказал вам не совсем верно! Дважды в год я все-таки ем дома!

¹³ Курпача – род подстилки.

– Ну, я этому не верю! – сказал мой приятель. – Никак не могу себе представить, чтобы вы потратили свои деньги на приготовление пищи!

– Вот еще! Я и не трачу денег! – воскликнул Кори Ишкамба. – Мои жены дважды в год, в месяцы мухаррам и раджаб ¹⁴, на свои деньги приглашают чтецов Корана и устраивают поминки по своим родителям. Так как у нас нет ни детей, ни прислуга, я сам выношу плов муллам и присоединяюсь к ним.

– Ведь вы сами чтец Корана, почему же вы не читаете Коран в память родителей своих жен и не берете деньги за это себе? Как вы допускаете, чтобы деньги уплывали из вашего дома и попадали в чужой карман? – с насмешкой спросил мой приятель.

– Это верно, – сокрушаясь, ответил Кори Ишкамба, – я очень хотел бы делать это сам, но женщины, у которых волос долог, да ум короток, никак не соглашаются – говорят, что я обману и самого бога: деньги получу, а Коран не прочитаю. Вот так-то, – вздохнул Кори Ишкамба, но тут же добавил: – Ничего, я нашел способ прибрать к рукам хоть часть этих денег!

– Каким же образом? – спросил я.

– Обычно жены поручают мне пригласить на обряд трех чтецов и для каждого из них дают по семь тенег, завернув их в отдельные бумажки. Пока я несу деньги через коридорчик, мне удается вынуть из каждой бумажки по две тенги и положить себе в карман. Остальные монеты выношу чтецам Корана. В результате они получают по пять тенег, а я – шесть.

– Скажите уж прямо, я ворую шесть тенег, принадлежащих чтецам Корана!

– Какое же это воровство? – обиженно проговорил Кори Ишкамба. – Чтецы получают деньги за чтение Корана, да ведь я лучше их умею делать то же самое! Пусть мои глупые жены не знают этого, бог-то знает!

– Дядюшка, Кори, от ваших длинных речей теплее не становится, – сказал мой спутник. – Хотите получить деньги – несите скорее горячие угли. У меня ноги окоченели, руки одеревенели, сидеть больше не могу, не то что деньги считать.

– О, вы знаете, куда целиться, куда направить стрелу! – сказал Кори Ишкамба, вставая с места. Он постучал об пол ногой, прибавив: – Пригрозить мне, что не дадите деньги, пока не принесу горячих углей, – значит ранить меня стрелой в самое чувствительное место!

Не прошло и минуты, как послышались шаги. Кори Ишкамба сошел вниз, принес совок, в котором золы было больше, чем углей, и поставил его в углубление под столиком.

– Зачем же вы поставили туда совок, а не высыпали золу? – спросил я его.

– И в этом есть свой смысл, – ответил он.

– Смысл? Какой же?

– Потом поймете!

¹⁴ ...месяцы мухаррам и раджаб... – первый и седьмой месяцы мусульманского лунного календаря.

Хотя тепла было маловато, все же снег, налипший на нашу обувь, растаял.

– Раньше под сандалом был ледник, а теперь яма с ледяной водой, – сказал я.

– Ну, это неплохо, если о моем доме у вас останется воспоминание как об ушате холодной воды! – пошутил Кори Ишкамба, намекая на свои прежние подозрения. – Это и вас остудит, и меня успокоит.

Эти слова Кори Ишкамбы показали, что сомнения его на мой счет не совсем рассеялись.

– Вытаскивайте вашу тетрадь. Закончим побыстрее все наши расчеты и уйдем. Долго оставаться в этом доме опасно, недолго и окоченеть! – сказал мой спутник.

Кори Ишкамба поднялся и, показав знаком, что хочет поговорить наедине, вышел из комнаты. Приятель, подмигнув мне, последовал за ним. Они немного пошептались за дверью. Потом Кори Ишкамба куда-то ушел, а мой приятель, смеясь, вернулся к своему месту.

– Что за секреты?! – спросил я его.

– Какие уж там секреты! Все ростовщики одинаковы! Говорит, что не может получить от меня деньги в твоём присутствии и оставить их в доме, не доверяет тебе. Пошел привести кого-то, кому доверяет. Говорит: «Получу от вас деньги в его присутствии, запишу, а потом мы выйдем вместе с вами, вы пойдете своим путем, и мы с тем человеком отнесем деньги в известное мне место. Пусть ваш спутник не воображает, что я оставляю их дома».

Услышав это, я оскорбился было, но, поразмыслив, успокоился – нельзя же было обижаться на безумца! Такая чудовищная подозрительность – признак безумия! Мне даже стало жаль этого беднягу, который до конца жизни обречен мучить себя необоснованными страхами.

Пока я размышлял об этом, Кори Ишкамба вернулся.

– Что, не нашли вы своего человека? – спросил мой приятель.

– Я еще за ним не ходил, вспомнил об одном очень важном деле, пришлось вернуться, – сказал Кори Ишкамба и, подойдя поближе, пояснил, что это за важное дело: – Ведь вы хорошо знаете друг друга, узнаете друг друга по голосу, а пока меня не будет, вам только и останется, что сидеть и беседовать. Так зачем же жечь лампу? Ведь это ненужная расточительность, лишний расход! Потушу-ка я ее! Снесу вниз и поставлю на ступеньку, а когда вернусь, то снова зажгу от лампы моих жен, и тогда при свете произведем расчеты. Правильно?

Прежде чем мы успели возразить, он взял лампу, снес ее вниз и, уходя, потушил.

* * *

– Ну, раз мы знакомы и можем узнать друг друга в темноте по голосу, давай поговорим о чем-нибудь, – предложил я товарищу. – Вот у тебя богатый отец, я знаю, что все его деньги в твоём распоряжении, – зачем же тебе понадобилось брать в долг у ростовщика? Для меня,

бедняка, это непостижимо. Был бы очень рад, если бы ты открылся мне. Твой рассказ разгонит тоску, которую навел на меня разговор с этим мерзким негодяем.

– Ну, что ж, – я ведь и так сделал вас поверенным своей тайны и привел сюда. Слушайте же, каким образом у меня оказался долг. Вы знаете ведь, что я сижу в одной лавке с отцом. Он неграмотный, и, вы, наверно, заметили, все деньги и расчеты в моих руках. Иногда я трачу на себя деньги из лавки, и довольно много – пятьсот или даже тысячу тенег. Случается, что как раз сразу после этого надо внести деньги в банк или уплатить какому-нибудь торговцу за товары. Вот тут мне и приходится занимать необходимую сумму, чтобы отец не заметил в лавке недостачи. А потом опять понемногу беру из лавки деньги и, собрав нужную сумму, расплачиваюсь с долгами, отдаю и набежавшие проценты.

– Ну, ладно, в жизни богатых молодых людей все это бывает, – сказал я, – но зачем ты обращаешься к этой двуногой скотине? Почему не взять в долг у какого-нибудь индуса или у другого ростовщика?

– Во-первых, у всех ростовщиков – индусы они или мусульмане – нравы одни и те же, они не отличаются от этого типа. Ну, во-вторых, боюсь, что если свяжусь с другим ростовщиком, моя тайна может сделаться известной отцу. А Кори Ишкамба скорее даст отрубить себе голову, чем выдаст тайну. Потому-то и беру я деньги у этой «двуногой скотины».

Звук шагов прервал признания моего приятеля. Вернулся Кори Ишкамба. С лампой в руке он поднялся в комнату. С ним был еще один человек. Кори поставил лампу на столик, и при ее свете мы узнали пришедшего. Это был сторож склада русской фирмы «Кавказ и Меркурий».

Кори Ишкамба спустился еще раз и принес тетрадь. Он и мой молодой приятель погрузились в расчеты. Наконец Кори принял деньги, юноша получил из его рук свою расписку и, порвав ее, сунул в карман. Мы поднялись, чтобы уходить.

– Подождите немного, выйдем вместе! – сказал Кори Ишкамба. Передав сторожу лампу, сам он одной рукой взял тетрадь, а другой вынул из-под столика совок с углями. В совке не оставалось и следа огня – все угли успели прогореть и превратиться в золу.

– Что вы собираетесь делать с этой золой? – спросил я Кори.

– Здесь не только зола, – объяснил он, – есть еще угольки, видите, тлеют. Вот если бы я высыпал их в ямку под столиком, все угли превратились бы в золу. Теперь вы, наверно, поняли, почему я поставил угли прямо в совке: высыплю эту горячую золу под столик во внутренней комнате, где я сплю, и буду перед сном греть ноги.

С лестницы мы спустились в коридор, а оттуда вышли на улицу. Позвав своих жен, Кори Ишкамба велел им закрыть ворота и никому не открывать. Кори со сторожем направились к крытым базарным рядам, а мы снова обогнули болотце, занимавшее часть квартала Кемухтгаран, и зашагали по направлению к дому. Снег все еще падал, его навалило так много, что ноги утопали по щиколотку. Мороз усилился.

Коль скоро, рассказывая о Кори Ишкамбе, пришлось мне упомянуть о моем приятеле – сыне богатого торговца, познакомлю вас с ним поближе.

Знакомством с этим юношей я обязан покойному поэту Мухаммеду Сиддику Хайрату ¹⁵, одному из моих близких друзей.

Молодой сын торговца был неплохим человеком. Он не кичился богатством отца, как это нередко случалось с другими состоятельными юнцами, и не гнушался дружбой с деревенскими париями – учащимися медресе, даже предпочитал наше общество компании богатых и заносчивых мальчишек.

Отец моего приятеля был человеком своеобразным. Будучи неграмотным, скрывал это не только от посторонних, но и от меня, друга своего сына. Мне часто приходилось проходить мимо его лавки. Иногда ему надо было прочесть только что поступившее деловое письмо, а сына, обученного грамоте, в лавке не оказывалось, и он подзывал меня:

– Сделайте милость, выпейте пиалу чая!

Я садился. Он вынимал письмо и подавал мне.

– Прочесть вам? – спрашивал я.

– Нет, я уже прочел сам, только вот не разобрал некоторые слова – стар стал, глаза плохо видят. Сделайте одолжение, прочтите мне места, которые я покажу вам.

И он начинал показывать мне эти «некоторые места». Они составляли ту часть письма, в которой, после обычных приветствий, излагалась суть. За вступительной частью письма проводилась черта, чтобы облегчить чтение. Я читал отдельные строки. Если смысл не выяснялся из этих строк, он просил прочитать немного выше.

А потом заставлял прочесть еще несколько мест, и таким образом в конце концов я прочитывал ему все письмо, за исключением начала, содержащего общепринятые приветствия.

Он любил строить из себя муллу. Когда бывал свободен от торговых дел, подзывал прохожего муллу и затевал с ним схоластический спор на знакомые ему понаслышке религиозные темы. Иногда старик пытался втянуть в спор и меня. Но я уклонялся, ссылаясь то на неотложные дела, то на нелюбовь к спорам. В ответ он язвительно улыбался и говорил с упрёком:

– Когда шейх не знает своего дела, жалуется, что мечеть тесна... – И старик принимался за наставления: – Вы, домулла, целиком отдались поэзии, не думаете о многом другом, более важном. Не стоит с головой погружаться в чтение чужих стихов и даже в сочинение своих. Разве когда-нибудь разбогател хоть один поэт? Не надейтесь сколотить себе капитал поэзией!

Он был знатоком шариата, большим ханжой и старался каждый свой шаг согласовать с предписаниями религии: входить в уборную обязательно с левой ноги, в мечеть или в дом – с правой. Это было постоянной его заботой. Он никогда не нарушал подобных правил и упорно наставлял других. Сына он держал в ежовых рукавицах, требуя, чтобы и тот строго соблюдал предписания шариата. Он не разрешал ему курить даже чилим, хотя в Бухаре курили очень

¹⁵ Мухаммад Сиддик Хайрат (1876–1902)– таджикский поэт, ученик и последователь Ахмада Дониша, таджикского просветителя XIX века; был другом С. Айни.

многие. Это не мешало, однако, сыну не только курить, но и пить вино, что было решительно запрещено исламом и в Бухаре строжайше преследовалось.

Бай был скуповат и сам проверял все домашние расходы. Сыну было строго-настрого наказано не тратить на себя ни гроша ни дома, ни вне дома. Зато дважды в год ему разрешалось устраивать с ведома отца угощение для друзей. Одно проводилось в принадлежащем их семье загородном саду, другое – также за городом, на мазаре ¹⁶ ходжи Бахауддина, во время гуляний на празднике Красного Мака ¹⁷.

Гостей, которые также выбирались самим папашей, должно было быть не более пяти-шести. К ним присоединялись два младших сына бая и один слуга. Однако мой приятель не ограничивался этим и тайком приглашал всех своих приятелей.

В день, назначенный для приема гостей, бай выдавал сыну, рассчитывая на известных ему гостей, рис, сало и лепешки домашней выпечки. Мясо, морковь и лук он также покупал сам в соответствующем количестве. Чтобы отвезти гостей к месту пирушки, он приказывал заложить собственную арбу с невысокими колесами. Отведя младших сыновей в сторонку и подергав их для остротки за уши, бай строго приказывал им доносить обо всех лишних тратах или совершаемых в тайне от него проделках старшего сына.

На этих пирушках я бывал в числе гостей, приглашаемых с ведома отца. Мы складывали выданные баем продукты в хурджин и, погрузив его на арбу, отправлялись в путь.

Как только мы выезжали за город, мой приятель, останавливал арбу и спрашивал младших братьев:

– Хотите проехаться в фаэтоне?

– Хотим, хотим!

– Я найму фаэтон, только с условием, что вы не скажете отцу!

– Не скажем, не скажем!

Он шел на биржу и нанимал два новых, модных фаэтона, запряженных парой лошадей, увешанных бубенчиками. Мы садились в фаэтоны и отправлялись дальше. По пути арба поверх продуктов, выданных баем, нагружалась всяким добром, купленным без его ведома.

К тому времени, как мы добирались к месту пирушки, следом за нами прибывали и остальные гости, также в фаэтонах, приглашенные молодым хозяином тайком от отца. С фаэтонщиками он расплачивался, конечно, сам.

А бай радовался своей ловкости и считал, что ему удалось без больших расходов оплатить за все угощения, на которые приглашали его сына в течение года.

¹⁶ Мазар – гробница, место захоронения мусульманских святых.

¹⁷ Праздник Красного Мака – весенний праздник, связанный с появлением первых цветов. Жители Средней Азии выезжали в окрестные места отдыха «за тюльпанами», устраивались гулянья, связанные с праздником Навруза.

Х

Было время суровых зимних холодов. В Бухаре, где обычно осадков выпадает мало, уже целую неделю, с того самого вечера, когда мы были у Кори Ишкамбы, не переставая, шел снег.

Дворов перед домами, как правило, не было, и поэтому жители вынуждены были сбрасывать снег с крыш прямо на улицу. В эту зиму узкие переулки оказались забиты снегом – сугробы поднимались выше домов. Каждый домохозяин лопатой или кетменем прокладывал от своей калитки узкий проход в сугробах и выбивал в снегу ступеньки, чтобы можно было подняться по ним на улицу.

Одежда моя мало годилась для таких холодов, и в последний день учебной недели, – он падал на вторник, – я решил не идти на занятия. Я лежал в своей худжре, укрывшись потеплее. Часов около десяти в дверь постучали. Это был богатей-торговец, отец моего приятеля. Я сильно удивился его приходу – никогда раньше он не посещал меня. В замешательстве, вместо того чтобы сказать «будьте любезны, войдите», я невольно спросил:

– Что случилось?

– Не могли бы вы пойти ко мне домой, – услышал я.

– Хорошо, – ответил я.

Не расспрашивая и не рассуждая, я пошел за нити. Дорогой бай не произнес ни слова. Мне говорить было нечего. Мы шли молча. По выражению лица моего спутника я догадался, что он в большом затруднении.

Когда мы вошли в его дом, он открыл комнату для гостей. Я подсел к низенькому столику, покрытому одеялом, и с удовольствием протянул ноги к горячим углям.

Бай принес чай, лепешки, поставил на столик, сам сел с другой стороны, и мы принялись пить чай.

Бай молчал, изредка бросая на меня быстрый взгляд. Мы были совсем одни. Молчание начало тяготить меня, и я спросил:

– Где ваш сын?

– В лавке, он заменяет меня, когда я ухожу. Нельзя же днем запираться лавку.

– А почему же вы оставили лавку в разгар торговли?

– У меня важное дело к вам!

Я был озадачен: какое дело может быть у бая ко мне? Он никогда не обращался ко мне ни с какими делами, если не считать чтения писем, да и то лишь в тех случаях, когда рядом не оказывалось его сына. Что могло случиться? Может быть, он узнал о расточительстве сына и хочет выведать у меня, сколько тот транжирит? Что мне ему отвечать? Сказать всю правду – значит предать, а скрыть – значит солгать... Я умолк, погружившись в размышления. Упорно молчал и он. И все поглядывал на меня, как бы стараясь понять и оценить меня.

- Что же у вас за дело ко мне? – спросил я, не в силах оставаться в неведении.
- Да, да, – как бы очнувшись, проговорил старый торговец. – Есть у меня просьба, не знаю только, исполните вы ее или нет...
- Если смогу...
- Если кто и сможет – только вы один!
- Ну, хорошо, скажите, в чем она заключается?
- Я хочу, чтобы вы съездили в селение Розмоз, Вабкендского туменя.
- От Бухары до Розмоза не так близко, как от моей худжры до вашего дома! Ровно четыре санга¹⁸ – тридцать две версты! Согласитесь, добраться туда в такой мороз не просто!
- Вам не придется идти пешком! Я оседлаю для вас своего коня!
- Одежда у меня легкая, промокнет от дождя и снега, ни суконного халата, ни особой накидки от дождя у меня нет.
- Это пустяки. Я дам вам свой нарядный чекмень, в нем не почувствуете ни холода, ни сырости, – сказал бай и опять замолчал. Видно, размышлял, не вздумаю ли я после этого считать его халат своей собственностью. Я не ошибся, минуту спустя он добавил: – Я отдал бы вам свой чекмень насовсем, но беда в том, что у меня нет другого. Я отблагодарю вас чаем или деньгами – в безвозмездных услугах я не нуждаюсь...
- Если я возьмусь выполнить вашу просьбу, то не за плату, а из дружеских чувств к вашему сыну. Умный человек не станет губить себя в такую погоду ради денег!
- Хвала вам, домулла, – сказал бай обрадованно. – Я слышал, что гиждуванцы во имя дружбы готовы идти на смерть. Оказывается, это правда.
- Бай коснулся моей слабой струнки. В то время я еще был очень глупым гиждуванцем, считал, что если гиждуванец чего-нибудь не выполнит во имя дружбы, то это опозорит всех его соотечественников. В этот момент мне казалось, что если я не выполню просьбу отца моего друга, земляки-гиждуванцы непременно скажут: «Ты не пошел ради дружбы трудным путем. Этим ты опозорил имя гиждуванца, унизил нас перед горожанами. Позор тебе!» Это соображение заставило меня решиться.
- Ну, ладно, ради дружбы я поеду, что бы ни случилось!
- Увидев, какое впечатление произвела на меня его ловкая лесть, бай решил одурачить меня еще больше:
- Был у меня слуга по имени Абдунаби, верный и бесстрашный. Он заболел, вернулся в родное селение и умер, вы знаете об этом. Мой сын, увы, не отличается таким мужеством, чтобы в зимнее время, когда поля и степи безлюдны, решиться ехать из города за тридцать две

¹⁸ Санг – мера длины, равная приблизительно 8 км.

версты, тем более что ехать надо в Розмоз, где большинство жителей из рода Файзи Святого¹⁹. Да что там, не только мой сын, никто из горожан не поедет в такое время года. А если и поедет, то потеряет или одежду, или лошадь. Я знаю, что вы из бесстрашных гиждуванцев, потому и решил вас побеспокоить!

– Я ничего не боюсь! – воскликнул я со свойственным гиждуванцам бахвальством. – Что мне потомки Файзи Святого, пускай хоть сам воскреснет и преградит мне дорогу, я сумею убрать его с пути... Когда надо ехать?

– Сегодня, сейчас!

– Так поздно? Ведь пока я соберусь и выеду, будет час дня, до сумерек останется всего четыре часа. В Розмоз за это время не доехать в такую погоду. Дорога очень тяжелая.

– В том и состоит трудность этого дела, что надо съездить туда именно сегодня. Завтра вы должны привезти сюда двух человек. Они нужны здесь в четверг утром. Если это не удастся сделать, поездка не будет иметь смысла.

– Эх, – вскричал я, – будь что будет!

Бай пошел седлать лошадь, а я сидел, обдумывая предстоящую мне поездку, и живо представил себе долгую дорогу, занесенную снегом, покрытую льдом...

Вскоре бай вернулся в комнату и высокопарно произнес:

– Милости прошу, конь готов!

– Но объясните в конце концов, – к кому же я еду и каких двух человек должен привезти сюда? – спросил я.

Бай рассмеялся:

– Верно, верно! За хлопотами я разговорами о дороге и дружбе позабыл объяснить! – Пошарив рукой в боковом кармане, он вынул оттуда запечатанное письмо и передал его мне. – В Розмозе есть весьма почтенный человек, арбаб²⁰ Хатам. Вы заедете прямо к нему. Отдайте ему это письмо вместе с пачкой чая, которую я положил в ваш хурджин. Он найдет нужных мне людей и отправит с вами.

Я сунул письмо во внутренний карман, надел толстый суконный халат бая и вышел из комнаты. Бай перекинул через седло хурджин, отвязал лошадь, взял ее под уздцы и вывел на улицу.

¹⁹ Файзи Святой (Файзи Авлия) – известный разбойник из селения Розмоз. Он в одиночку грабил дома богачей и отнимал у сборщиков собранный ими налог. Эмир. Музаффар казнил его, сбросив с Большого Бухарского минарета (авт.).

²⁰ Арбаб – хозяин, господин; в Бухарском ханстве староста, старшина селения или городского квартала.

Я сел на коня и взял из рук бая камчу²¹. Он вытащил из-за пазухи хорошую домашнюю лепешку я, подавая ее мне, сказал!

– В пути очень хорошо иметь при себе хлеб. Заключенная в нем благодать охраняет путника от опасностей.

Затем он молитвенно поднял руки и провел ладонями по лицу:

– Да сохранит вас бог в пути, да озарит он ваш путь!

Я положил лепешку за пазуху и погнал лошадь.

По заваленным сугробами улицам продвигаться было очень трудно, поэтому я поторопился выехать на большую проезжую дорогу, ведущую к Мазарским воротам, хотя это удлиняло путь. Оказавшись за воротами я поехал вдоль городской стены, миновал площадь Машки Сарбаз²², добрался до Самаркандских ворот к Гиждувану.

На широкой дороге сугробов не было, но снег, прибитый, утрамбованный копытами лошадей и ослов, колесами арб, превратился в сплошной темноватого цвета лед, напоминающий асфальт. При каждом шаге ноги у лошади разъезжались и она едва не касалась брюхом земли. Окрестность – поля, водоемы, лощины, арыки, овраги, осушительные каналы – все было занесено снегом; всюду лежал сверкающий, слепящий глаза снег.

Вода в придорожных арыках поднялась и стала на одном уровне с мостами и дорогами. Осыпанные снегом ивы, карагачи и тутовые деревья, росшие по сторонам дороги, напоминали цветущий урюк. Жаль, что долго любоваться ими было нельзя – глаза не выдерживали блеска снежинок.

В степи не было видно ничего живого. Только вороны стаями купались в снегу, как домашние куры в пыли: они ложились грудью на снег и лапками подгребали его себе под крылья. Подобно уткам, ныряющим в воду, они погружали свои головы в снег. Если бы мне предстояло заново дать имена всяким тварям, я назвал бы ворон «снежными птицами». Тишину этой мертвой снежной пустыни нарушало лишь громкое карканье.

Никого не было видно и на улицах кишлаков, через которые я проезжал. Лишь кое-где над лачугами дехкан вился дымок, единственный признак жизни, несколько смягчавший жуткую пустоту молчаливых полей.

Когда я добрался до кишлака Гала-Асийа, расположенного в одном фарсах²³ от Бухары, день уже клонился к вечеру, до захода солнца оставался какой-нибудь час. Боясь оказаться темной ночью на опасной дороге, в безлюдной степи, я усердно подгонял лошадь, но она окончательно выбилась из сил. Вся она была покрыта хлопьями пены, словно сбивалка для

²¹ Камча – кнут.

²² ...площадь Машки Сарбаз...– Площадь в Бухаре, где проходило учение сарбазов – солдат, завербованных в эмирское постоянное войско и получавших ежемесячно определенную сумму.

²³ Фарсах–мера длины, равная приблизительно 7–8 км.

нишаллы²⁴, и пар от нее валил, как из котла мотальщика коконов; на гриве и хвосте болтались ледяные сосульки, напоминая подвески на девичьих косах. При каждом неловком шаге лошади, мне грозила опасность кубарем скатиться на землю.

Селение Гала-Асийа осталось позади, я ехал по направлению к Яланги, когда заметил вдалеке стаю ворон. Они то опускались на дорогу, то снова взлетали в воздух. Выше, над ними, парили, распластав крылья, стервятники. Мой конь, испуганно попятился, но удары плетки заставили его идти вперед...

Подъехав поближе к тому месту, над которым кружились птицы, я увидел на дороге труп лошади. Наверное, у бедняги не хватило сил на этот тяжелый путь, а может, она упала и сломала себе шею. Хозяин содрал с нее шкуру и ушел, оставив тушу в качестве «жертвы» хищным птицам.

Около туши вертелось несколько собак. Рыча друг на друга, они рвали и жадно пожирали мясо. Иногда они затевали драку и, сцепившись клубком, визжали, пуская в ход когти и зубы, а потом снова принимались за еду.

Со всех сторон налетали вороны и в меру сил и смелости старались ухватить свою долю. Собаки злобно косились на них, рычали, лаяли, и птицы то и дело взмывали в воздух. Они не опускались на труп, но и не отлетали далеко, верно, завидуя собакам. Птицы как будто сожалели, что им останется слишком мало. Содрогаюсь, я проехал мимо.

Настала ночь, и я почти не различал темноватого «асфальта», и только лежавший по обеим сторонам нетронутый снег своей белизной слегка помогал мне ориентироваться: освещал путь. Лошадь моя ступала теперь с удивительной осторожностью, ощущывая землю копытом.

Тут меня осенила мысль: «А что если съехать с дороги?» По мягкому снегу лошади легче будет идти. Не беда, если попадутся арыки, канавы или болотца. Здесь, вероятно, хорошо подморозило, а если лед и проломится где, так это не страшно – лошадь легко сможет выбраться сама.

Не долго думая, я так и сделал. И в самом деле, неезженный путь оказался удобнее. Лошадь пошла свободнее, будто ступала по твердой почве, а через арыки и ямы просто перескакивала. Единственно, что меня беспокоило, так это отсутствие уверенности, что новый путь доведет меня до цели. А вдруг я потеряю направление и окажусь в противоположной стороне?

Я все время осматривался вокруг, но ничего не видел, кроме заснеженной степи, никаких признаков человеческого жилья.

Прошло около часа, как вдруг впереди, на расстоянии примерно тысячи шагов, показался черный, пронизанный искрами дым, столбом взлетающий к небу. Я понял, что выехал к базару

²⁴ Нишалла – сладкое блюдо в виде сметанообразной массы, приготовленное из сбитых белков, виноградного сока и пшеничной муки.

Яланги. Дым, конечно, шел от танура²⁵ базарной пекарни или от костра во дворе одного из караван-сараяв.

На душе у меня стало спокойнее – значит, я не так уж сильно удалился от большой дороги – и погнал лошадь прямо на север.

Спустя еще час я увидел перед собой широкое поле, вспаханное под пар, да так и оставленное. Оно было покрыто крупными, не разбитыми бороной глыбами земли, такими большими, что их было видно из-под толстого слоя снега.

Я решил пересечь поле напрямик. Однако лошадь испуганно попятилась, заупрямилась и не хотела ступать ни шагу вперед. Я бил ее камчой – это не помогало. При каждом ударе она опускала голову, храпела, но не двигалась с места. Тогда я взял камчу в левую руку и ударил ее по брюху. Этого она не стерпела. Не в силах противиться моей воле, она опустила морду к земле и, фыркая, сделала два шага вперед а почему-то погрузилась передними ногами в почву, будто ступала в жидкую грязь. Она остановилась, но я снова стегнул ее по брюху. Она неохотно сделала еще два шага вперед и тут же завязла всеми четырьмя ногами, из-под них забулькала вода. Лошадь моя погружалась в воду. Скоро вода достигла подпруги и начала растекаться по глыбам вокруг.

Только теперь я понял, в какую беду попал. Это было не поле, а берег замерзшего Зеравшана. Быстро бегущая вода реки в сильные морозы замерзает не сверху, а со дна. Льдины, принесенные течением сверху, примерзают там, где око слабее; к ним пристают другие, обломки льда сталкиваются, встают на ребро, и поверхность реки кажется покрытой крупными комьями земли или камнями. В темноте я принял замерзший Зеравшан за вспаханное поле. Когда вода достигла кошмы седла, я понял, что оказался в реке. Поспешно соскочив с лошади на лед, я снял хурджин и отбросил его в сторону. Боясь, что лед подо мной может проломиться и я попаду в прорубь, я держался рукой за стремя, в случае чего, я мог бы спастись, ухватившись за лошадь.

Потом я осторожно отошел назад, насколько позволяла длина стремянного ремня. Убедившись, что лед под моими ногами крепок, я хотел отпустить стреми, но не смог отнять руку – кожа примерзла к бронзе. В это время лошадь рванулась, и стремя само оторвалось от моей руки. Нестерпимая боль, – будто открытую рану посыпали солью, – обожгла мне ладонь. Однако мне было не до боли, – я думал, как бы скорее выбраться на берег. Мне это удалось, а лошадь продолжала беспомощно барахтаться в воде. Она сделала еще один прыжок в направлении течения, но лед проломился и там, и она погрузилась в воду еще глубже. Постояв немного спокойно, словно собираясь с силами, лошадь снова прыгнула в сторону берега. Таким образом, чередуя передышку с прыжками, она выбралась наконец на берег и, сильно встряхнув гривой, замерла, понутив голову. Ее трясло как в лихорадке, сосульки в хвосте и гриве позванивали, ударяясь одна об другую.

Я тоже промок, и мои кожаные калоши, и ичиги, и подол халата обледенели. Меня тоже била лихорадка.

²⁵ Танур – печь для выпекания лепешек.

По моим расчетам, я находился невядалеке от моста Мехтаркасым. Я бросил хурджин на седло, надел обледеневшую уздечку себе на руку поперх чекменя и, ведя лошадь в поведу, пошел, держа направление на восток.

Я не ошибся. Через четверть часа показались силуэты строений базара, что у моста Мехтаркасым, а спустя еще несколько минут я уже был под их крытыми торговыми рядами.

* * *

Я постучался в первую попавшуюся чайную. Чайханщик проснулся, открыл дверь и, увидев, что у меня лошадь, разбудил своего слугу и велел взять ее у меня. Заметив, что одежда на мне вымокла и обледенела, чайханщик поднял сандали и развел огонь. Сняв с меня одежду, он развесил ее просушить, а на меня набросил свой халат. Затем стащил с моих ног мокрые ичиги и поставил вместе с кожаными калошами у костра. Однако не позволил мне протянуть к огню озябшие, совершенно одеревеневшие от холода ноги, он укутал их в теплое одеяло, которым покрыт был сандали. Я сел у ярко пылавшего огня, подставив грудь и плечи живительному теплу...

Немного согревшись и передохнув, я снова почувствовал острую боль: горела ободранная рука, протянул ее к огню, увидел, что ладонь довольно сильно ободрана. Чайханщик собрал со стен паутину – в ней недостатка не было, приложил к моей ране и перевязал руку платком.

– До утра все пройдет, заживет, не успеешь заметить, как заживет.

И действительно, рука у меня болела недолго. Уже через пять дней ободранное место зажило.

Успокоившись и придя в себя, я рассказал чайханщику, как провалился в реку.

– Если так, то надо отогреть и лошадь, – сказал он.

Окликнув слугу, хозяин велел ему развести в конюшне костер, развесить и просушить всю упряжь.

Вскипела вода в медном кувшине, чайханщик заварил чай, я разломил лепешку, которую дал мне бай, чтобы она «хранила меня от несчастий».

Горячий чай окончательно вернул меня к жизни, я обогрелся. Чайханщик разрешил скинуть с ног одеяло и протянуть их к огню. Очаг уже прогорел и был полон тлеющих угольков, похожих на цветки граната. Чайханщик поставил над ними сандали и накрыл его одеялом. Я прилег, опираясь на руку, и, засунув ноги под одеяло, незаметно уснул.

Когда я проснулся, уже рассветало. Я попросил оседлать лошадь. Денег, чтобы расплатиться с чайханщиком, у меня не было, поэтому я вытащил из хурджина пачку чая, переданную мне баем для арбаба, и отсыпал немного чайханщику. Отблагодарил его таким образом и выразил признательность за приют и заботы.

– Благодарить не надо. Кто живет у дороги, должен оказывать услуги попавшим в беду путникам, – сказал он и добавил с легкой усмешкой: – Что от вас скрывать, случается иногда забрести к нам и молодым львам со своей добычей, Тогда нам перепадают голова в ножки для холодца! Этой платы достаточно, чтобы оказывать услуги и таким людям, как вы.

Он намекал на разбойников, которые останавливались у него после грабежей.

Я тронулся в путь. Проехав через мост Мехтаркасым, погнал лошадь вправо по дороге, ведущей к кишлаку Розмоз. Дорога эта, хотя и покрыта льдом, была лучше вчерашней: лошадь довольно уверенно ступала по аробной колее.

* * *

В Розмоз я приехал часов в десять утра и спросил у встречного, где живет арбаб Хатам. Мне указали на большой дом с такими огромными воротами, что в них могли одновременно пройти верблюды и груженная арба.

Во дворе мне попался слуга, он провел меня в комнату для гостей и сказал:

– Арбабы находятся здесь!

В переднем углу гостиной у сандали сидел белолицый и рябоватый человек. Судя по его длинной с проседью бороде, ему было за пятьдесят. Крупная голова венчала плотную коренастую фигуру. Он был бы даже красив, если бы не косою левый глаз.

Его полнота свидетельствовала о том, что питается он неплохо, ублажая свой желудок свежей кази²⁶ и жирной бараниной. На нем было надето три халата: два ватных, подпоясанных широким кушаком, а поверх них – хороший суконный, небесно-голубого цвета. На голову накинута бала белая пуховая чалма, длинный конец которой спускался ему на грудь.

По другую сторону сандали сидели два старика, внешне мало отличавшиеся друг от друга, оба с узкими красными лицами, слезящимися глазами без ресниц, оба с козлиными бородками и коротко подстриженными усами. Только носы у них были разные: один был курносый, другой горбоносый.

И возраста они были примерно одинакового: оба выглядели лет шестидесяти-семидесяти. Они были худы, одежда плотно облегла их тела. На каждом был надет стеганный халат из домотканой коричневой материи, а поверх – другой, легкий халат. Длинные концы больших чалм из накрахмаленной фабричной ткани спускались им на грудь.

Возле курносого старика стоял чайник, он разливал из него чай.

По обычаю, я поздоровался сначала с человеком, сидевшим на самом почетном месте, а потом уже со стариками – с курносым и горбоносым.

²⁶ Кази – колбаса из конины особого изготовления, заправляемая разными специями; считается деликатесом.

Здороваясь со мной, полный человек слегка привстал, но оба старика протянули мне руки, даже не пошевельнувшись. Видя, что они не слишком соблюдают обычную вежливость, я тоже, не дожидаясь приглашения, подсел к свободному углу сандали, ниже того места, где сидел полный человек, но выше того, где сидели старики. По обычаю, воздев руки, я прочел молитву.

– Думаю, не грех спросить, откуда гость и из каких мест к нам пожаловали, – начал разговор человек, сидевший на почетном месте.

– Из Бухары, – ответил я, вытаскивая из-за пазухи письмо.

Однако я не знал, кто же из трех арбаб Хатам: хозяину не полагалось сидеть на более почетном месте, чем гости, особенно, если они были преклонных лет. Следовательно, полный человек не мог быть арбабом Хатамом.

Но догадаться, который из двух стариков, сидевших ниже него, хозяин дома, было трудно. Хозяину дома полагается прислуживать гостям, поэтому я заключил, что, вероятно, курносый старик и есть арбаб Хатам, и протянул ему письмо со словами: «Бай передали вам привет». Курносый не принял из моих рук письма и сказал с запинкой;

– Я... с баем незнаком, даже имени их не знаю. Вероятно вы ошиблись?

– Разве вы не арбаб Хатам?

Курносый, взглянув на полного человека, рассмеялся, а тот, тоже улыбаясь, произнес:

– Арбаб Хатам – это я. Примета утверждает, что если хозяин дома займет самое почетное место, выше своих гостей, это поведет к дешевизне, вот я и сел на более почетное место, чем мои гости.

Я протянул ему письмо. Он взял его и, разорвав конверт, обратился ко мне:

– Не можете ли вы прочесть?

– Посмотрим, – улыбнулся я, – может быть, и смогу!

После обычных приветствий и молитв о здравии бай писал: «Пришлите мне двух свидетелей половчее, договоритесь с ними о плате и напишите мне об этом». В конце письма он сообщал, что посылает в подарок пачку чая²⁷ с подателем письма, и обещал в будущем оказывать арбабу услуги. Заканчивалось письмо приветом и подписью: «ваш покорный слуга... бай».

Прочитав письмо, я вышел в переднюю, вынул из хурджина чай и, положив перед арбабом, рассказал о том, как я провалился в реку и должен был отдать часть чая чайханщику.

– Ничего! – сказал арбаб Хатам. – Этот чай свалился мне с неба, и не беда, если часть его снова унес ветер.

Подозвав слугу, он приказал ему подать дастархан, чай и не забыть принести кази. Сделав знак обоим старикам, арбаб вышел вместе с ними из комнаты. Пошептавшись, они вернулись и

²⁷ ...посылает в подарок пачку чая... – В оригинале «нимча чой»; нимча – мера веса, равная приблизительно 400 г.

снова расселись по своим местам. Между тем слуга подал чай и еду. Арбаб нарезал кази, и мы принялись есть.

– Вы, конечно, переночуете у нас? – спросил меня арбаб. Я ответил, что к ночи мне необходимо вернуться в город, и извинился, что не могу остаться.

– Если так, нужно покормить лошадь! – сказал он и, подозвав слугу, приказал ему разнуздать мою лошадь и бросить ей сена.

– У нас в кишлаке нет ни одного человека с приличным почерком. Я несколько раз поручал имаму нашей мечети писать письма, но кому бы я их ни посылал, никто не (мог прочитать, – сказал арбаб.

– Хороший почерк – дар всевышнего! – заметил курносый. – Не всякий, кто берется за учение и становится муллой, может научиться и писать!

– То же можно сказать и насчет чтения! – добавил горбоносый. – Если бог не даст, человек и читать не научится, сколько бы ни учился. Вот, к примеру, наш имам: они учились, стали муллой, даже сделались имамом мечети такого кишлака, как Розмоз, а прочитать мне деловую бумагу – купчую крепость или долговую расписку, так они никак не могут разобрать – начинают запинаться.

– А вы сами умеете писать? – спросил арбаб меня.

– Немного! – ответил я.

– Если так, может, напишете баю письмо от моего имени?

– Извольте!

– Есть у вас калам²⁸?

– Нет, я не взял с собой.

Арбаб позвал слугу и приказал сходить к имаму за каламам и бумагой. Минут через пять слуга вернулся с пустыми руками.

– Имама нет дома, они уехали на мельницу к Достбаю помолиться за одного больного.

– Ладно, зачем писать? Вы можете передать баю мои слова и устно, – сказал арбаб, но горбоносый старик с ним не согласился.

– Лучше пусть будет письмо, это послужит документом.

– Тогда – найдите калам и бумагу сами, – проворчал в ответ арбаб.

– Калам я найду, – сказал горбоносый, – а вот достану ли бумагу – не знаю.

– Найдите хотя бы калам, – воскликнул я. – Написать ответ можно и на обертке от чая!

²⁸ Калам – тростниковое перо, употреблявшееся для писания.

– Да сопутствует вам удача во всем за то, что нашли выход! – поклонившись мне, сказал горбоносый и вышел из комнаты.

Немного спустя он вернулся с огрызком карандаша.

– Где вы взяли? – спросил его довольный арбаб.

– У плотника Усто Рузи. Когда строили дом Наурузабая, я видел этот карандаш у него в руках. Он делал отметки на досках!

– Хорошо, что он не потерял его до сих пор, – заметил курносый.

Горбоносый протянул мне карандаш. Я отточил его ножом, которым резали колбасу. Арбаб высыпал чай в свой платок и подал обертку мне.

Я написал: «После приветствий доводится до вашего сведения...» – и посмотрел вопросительно на арбаба.

– Что писать?

– Пишите: «После бесконечных молитв за вас и бесчисленных приветствий, передаваемых заочно, я, ничтожный, полный недостатков, бедняк, арбаб Хатам...».

– Все это я уже написал, скажите то, что хотите сообщить, – прервал я его.

Арбаб и оба старика, вытянув шеи, глядели на написанные мною слова.

– Я сказал много, а у вас написано мало, – недоверчиво заметил арбаб.

– Я пишу убористо, слова занимают у меня мало места, – возразил я.

Курносый старик, незаметно показав на меня пальцем из своего угла, сделал одобрительный знак. Я притворился, будто ничего не понял.

– Ну, если так, пишите дальше, – сказал арбаб и принялся диктовать: – «Я посылаю вам двух ловких свидетелей. Один – Халик-ишан²⁹, бывший мюрид покойного большого ишана Шайахси, другой носит имя Разык-халифа, он стал халифом³⁰ у Ибадуллы-Махсума, потомка святого халифа Хусейна, у них имеется посвятельная грамота от их наставника». И еще напишите: «Мы договорились со свидетелями, что если вы выиграете дело, то уплатите каждому по пятидесяти тенег, а если проиграете – по двадцати пяти. Расходы по проезду несете вы». Напишите еще, что каждое утро свидетели должны получать чай со сливками, да чтобы сливок было побольше... а вечером – хороший, жирный плов. Напишите: «Будете кормить также их лошадей, давать им клевер и ячмень». Пишите еще: «Передаю вам привет» – и подпишитесь: «Вечный бедняк, ничтожный арбаб Хатам из Розмоза».

²⁹ Ишан – представитель высшего мусульманского духовенства, которому беспрекословно подчинялись его мюриды – ученики, рядовые члены, отдававшие ему часть своих доходов.

³⁰ Халифа – должностной чин в Бухарском эмирате, в обязанности которого входил контроль за выполнением предписаний шариата; наместник шейха, главы религиозной общины.

Конечно, я написал не совсем так, как диктовал арбаб: я изложил суть дела в нескольких строчках. Сложив бумагу вчетверо, сунул ее во внутренний карман и обратился к арбабу:

– Хорошо, а где же ваши Халик-ишан и Разык-халифа? Нам надо поскорее трогаться в путь!

– Вот они – Халик-ишан. – Арбаб Хатам указал, на курносого старика. – А они, – кивнул на горбоносого, – Разык-халифа.

* * *

Халик-ишан и Разык-халифа, оседлав своих лошадей, подъехали верхом к воротам дома арбаба Хатама. Сел на своего коня и я, и мы втроем направились в Бухару. Солнце стояло в зените – был полдень.

Лошади моих спутников выглядели хуже моей, но шли по льду намного лучше и проворнее. Я спросил стариков о причине этого.

– Наши лошади подкованы, а ваша, наверно, нет, а если и подкована, то подковы сбиты, – ответил Разык-халифа.

– Она совсем не подкована, – объявил Халик-ишан, ехавший сзади, – ему хорошо были видны копыта моей лошади.

Мы подъехали к мосту Мехтаркасым, откуда начиналась ужасная «асфальтовая» дорога. Я поделился со спутниками своим вчерашним опытом, который, однако, чуть было не окончился моей смертью и гибелью лошади. Все же «опыт» мой был одобрен, и мы съехали с дороги.

Когда мы добрались до селения Гала-Асийа, солнце уже близилось к закату. Если бы мы не успели подъехать к городским воротам до наступления вечера, пришлось бы остановиться в какой-нибудь чайхане, так как на ночь ворота закрывались. Надо было спешить, но моя лошадь выбилась из сил и не в состоянии была прибавить шагу, особенно после того, как, миновав селение, мы вынуждены были вернуться на покрытую льдом дорогу, – множество канав, ям, овражков и разных строений не позволяло здесь гнать лошадей целиной. Даже удары камчи не помогали моей лошади – стоило ей ускорить шаг, как все ее четыре ноги разъезжались в разные стороны.

Пришлось Халик-ишану уступить мне свою лошадь, а самому идти пешком, ведя моего коня на поводу. Таким образом ко времени вечернего намаза мы успели войти в городские ворота.

Я вручил баю привезенный мною из Розмоза «товар», неподкованную лошадь и письмо арбаба Хатама. Сняв с себя чекмень, – полы его топорщились после просушки у огня, стали твердыми, как карагачевая доска, – я вернул его баю. Несмотря на настойчивое приглашение зайти поесть плова и обогреться, я поторопился вернуться к себе в худжру. Я долго не мог уснуть, хотя очень устал и, можно сказать, почти не спал в прошлую ночь: меня донимали

мысли о привезенных мною свидетелях, я все думал, за что им заплатят пятьдесят тенег, если дело будет выиграно, и двадцать пять – если его проиграют, и вообще – что это за загадочная история.

Поднявшись часов в девять и выпив чаю, я вышел на улицу. Меня все еще занимали мысли о «свидетелях» и письме арбаба Хатама. Разгадать эту загадку я мог только с помощью сына бая и поэтому направился прямо к их лавке. К счастью, приятель мой был один.

Я присел около него и рассказал о моей поездке, о письме его отца к арбабу и ответе на него. Рассказал еще о двух стариках, которых арбаб послал сюда в качестве «свидетелей», и спросил, что все это означает.

– Я вам вполне доверяю и знаю, что вы никому не раскроете нашей тайны, – сказал он. – Мой отец совершает большую несправедливость по отношению к нашему старому слуге Абдунаби. Он служил у нас десять лет и ничего не получал от отца, кроме пищи и одежды. Правда, я давал ему иногда четыре-пять тенег из лавки, но отец этого не знает...

Отхлебнув чай из стоявшей перед ним пиалы, он налил мне и продолжал:

– Когда Абдунаби заболел, отец не стал о нем заботиться, и тому поневоле пришлось вернуться в родное селение, к братьям, бедным дехканам. Болезнь одолела его, он вскоре умер. Отец мой взял да предъявил его братьям иск. Он утверждает, будто уплатил Абдунаби еще до его болезни две тысячи тенег – за четыре года работы и будто половина этой суммы была уплачена вперед, а Абдунаби умер, не отработав. Теперь отец требует от его братьев уплатить этот долг на том основании, что они наследники Абдунаби.

– Раз они бедные дехкане, как же он выжмет из них столько денег? – прервал его я.

– Главное – взвалить на них этот долг и тем самым закабалить. Если суд признает должниками, отец сумеет выколотить из них деньги. Они подрабатывают поденной работой. Просто им придется все свои деньги отдавать отцу, в счет долга, отказывая себе в еде и одежде. Короче говоря, они до конца жизни будут его рабами.

– А как твой отец собирается взвалить на них этот долг?

– Вы же привезли «свидетелей», они как раз и подтвердят притязания отца, – объяснил сын бая. – Дело один раз уже разбиралось – утром в прошлый вторник. Казий потребовал представить документ об уплате денег или привести свидетелей. Отец обещал, что свидетели будут в четверг. Вот они и пошли сейчас на разбор дела.

– Так ведь эти «свидетели» не знают ни Абдунаби, ни твоего отца! Какие же смогут они дать показания?

– Я и сам убежден, что отец никогда их раньше не видал, но вчера, после вечернего плова, он выслал меня из комнаты и имел с ними секретный разговор. Я попробовал подслушать, да не все разобрал. Отец наставлял их, как держаться на суде, а чему учил – я так и не понял.

– Чему он их учил, узнать нетрудно, – заметил я и, распрощавшись, пошел прямо в дом казия.

* * *

Во дворе у казия собралось много тяжущихся, дела которых должны были разбираться сегодня. В одном углу сидели бай со своими «свидетелями» и ответчики – братья Абдунаби, приведшие с собой старосту своего кишлака.

Спустя некоторое время служащий казикалана подошел к баю и сказал:

– Будьте любезны, проходите. Ваша очередь!

Бай со своими «свидетелями» впереди, ответчики со старостой за ними вошли на высокую глинобитную суфу перед канцелярией казия.

Казикалан сидел в комнате, у самого окна. У него было узкое, птичье лицо, жидкая, но очень длинная козлиная борода, узкие обезьяньи глаза с воспаленными веками без ресниц, длинные, как у зайца, уши и острый, загнутый книзу нос, похожий на клюв кеклика.

На суфе во дворе перед окном разостлана была простая циновка. Истец и ответчики сели на эту циновку рядом, подобрав под себя ноги. Когда бай и братья Абдунаби опустились на циновку, казий, сощуриив свои узкие глаза, оглядел их одного за другим и спросил у служителя:

– Бай привел своих свидетелей, – ответил тот с поклоном и передал казию исковое прошение.

Пробежав глазами прошение, казий обратился к баю:

– Кому дали вы эти две тысячи тенег?

– Абдунаби, брату этих людей, – сказал бай, указав на ответчиков. – Вот они – его кровные братья и наследники.

– Признаете вы этот долг или не признаете? – спросил казикалан у ответчиков, пронизывая их взглядом своих маленьких глаз.

– Нам известно даже, когда мы умрем, а вот об этом долге – понятия не имеем, – начал один из ответчиков, который казался постарше другого. – Мы знаем только одно – наш брат Абдунаби служил у них десять лет и не получал никакой платы, а как заболел...

Казикалан грубо прервал его:

– Не распространяйся! Говори – признаешь или не признаешь?

– Не признаю, господин!

Казикалан задал тот же вопрос другому брату я, получив такой же ответ, обратился к истцу:

– У вас документ или свидетели?

– У меня свидетели, господин!

Казикалан передал служителю прошение и приказал:

– Выведи их и разберись! Если удастся, уладь миром, если нет – приведи их обратно. Решение вынесем согласно священному закону шариата.

– Хорошо, господин! – промолвил слуга с поклоном и сделал знак тяжущимся выйти за ним.

Когда все спустились с суфы, слуга казикалана объявил:

– Ваше дело отложено до субботы. Вам дается целый день на обдумывание. Если примиритесь, выдам вам бумагу о прекращении дела. Если нет – в субботу опять явитесь к господину защитнику шариата. А теперь платите мне за труды!

Бай вынул пять тенег и протянул их служителю.

– Этого мало! – сказал тот. – Сегодня, завтра да суббота – это три дня. По пять тенег за день – это будет пятнадцать тенег!

– Ну, теперь очередь за вами, – сказал слуга, обращаясь к братьям Абдунаби.

Староста открыл кошелек, чтобы заплатить за них.

– Хватит ему с нас и пяти тенег! – сказал вполголоса один из братьев старосте.

– Почему? – удивился тот. – Разве не знаете государственного порядка? Пока тяжба не разрешится, обе стороны несут расходы поровну, а когда тяжба окончится, казий решит, кому оплачивать все эти расходы. – Он вытащил из кошелька двенадцать тенег и вручил их служителю казикалана.

– Удовлетворите и старосту, – сказал тот, взглянув на ответчиков.

– Хватит того, что вас удовлетворили, а мы уж как-нибудь договоримся друг с другом! – возразил староста.

После этого все разошлись.

Я сожалел, что тяжба не была решена сегодня, мне очень хотелось узнать, чем кончится дело.

«Сумею ли я прийти к разбирательству в субботу – ведь это как раз день занятий?» – подумал я. Мне предстояло в субботу прослушать шесть лекций, причем все в разных, отдаленных друг от друга местах. Правда, в субботу я должен был заниматься у казикалана – урок был назначен на одиннадцать часов. Но было неизвестно, совпадет ли он с разбором дела по времени.

* * *

В субботу я бегал как угорелый из одного медресе в другое. Не терпелось поскорее кончить все лекции, чтобы пораньше попасть в канцелярию казия. Разумеется, как бы я ни торопился, я не мог изменить ни очередности, ни продолжительности занятий. И все же я торопился, мчался в надежде на то, что, может, увижу, как выступят подкупные лжесвидетели.

Едва закончилась последняя лекция, я чуть ли не бегом пустился в путь и явился за пятнадцать минут до начала занятий у казия. Внутренняя и наружная части судебного помещения были заполнены приглашенными на суд, но тех, кто меня интересовал, не было видно.

Огорченный, я уселся у двери рядом с моими товарищами, так же, как и я, ожидавшими начала занятий у казикалана.

Постепенно собрались все мои однокашники. Группа слушателей, занимавшихся у казикалана до нас, уже вышла. Мы разместились в просторной канцелярии, – занятия с учащимися медресе проводились в ней. Ученики образовали круг, подобно маддахам – проповедникам и рассказчикам священных историй, какой образуется обычно вокруг маддахов, когда они рассказывают свои истории о святых. Рассевшись один за другим от передней стены комнаты до самых дверей, ученики образовали круг.

Я пришел к казикалану раньше других и успел занять место против окна, у которого сидел казикалан. Обычно эти места доставались плечистым здоровякам, которые становились у входных дверей и не давали пройти вперед таким, как я. Сами они старались усесться как можно ближе к казикалану, чтобы быть у него на глазах.

В перерыве между занятиями с двумя группами казикалан успевал разобрать несколько тяжб. И сейчас, используя время до начала занятий с нами, он опрашивал тяжущихся, которые находились при этом снаружи, на террасе.

Когда закончилось разбирательство того дела, которое начало слушаться до моего прихода, на циновку уселась другая группа тяжущихся. Затем их сменила третья группа лиц.

Ими оказались те, кого я ждал, – бай и его ответчики.

Я весь обратился в слух, не сводя с них глаз.

Казий взял из рук служителя прошение бая, снова задал те же вопросы, что и два дня назад, и выслушал те же ответы. Когда он спросил, есть ли у бая подтверждающий его иск документ или свидетели, тот ответил, что у него есть свидетели.

– Представьте своих свидетелей! – велел казий.

Бай подал знак привезенным мной из Розмоза «свидетелям», стоявшим за его спиной. Те уселись на циновку рядом с баем.

– О-о, да это давно знакомые мне честные мусульмане, верные и безупречные, всегда говорящие одну правду, – пробормотал себе под нос казикалан.

Услышав слова казикалана, я подумал: «Видно, он их знает и понял, что эти люди подкуплены». И у меня появилась надежда, что казикалан, выслушав их, обвинит в даче

ложных показаний, скажет, что они подкуплены, и, отвергнув их свидетельство, прикажет даже заключить в тюрьму.

– Знаете ли вы, как положено по шариату давать свидетельские показания? – спросил казикалан свидетелей.

– Знаем, господин, знаем! – в один голос ответили курносый Халик-ишан и горбоносый Разык-халифа.

– Давать свидетельские показания может только правоверный мусульманин. Вам известны основные религиозные предписания?

– Известны, господин, известны!

– Известна ли вам глава Корана о гибели за веру и знаете ли вы на память двадцать одно обязательное правило?

– Знаем, господин, знаем!

– Если так, изложите мне их по порядку!

Сначала Халик-ишан, а за ним Разык-халифа изложили эти правила так точно, полно и даже изысканно, как, пожалуй, не смог бы изложить их перед казикаланом ни один ученый мулла-имам.

– Прекрасно! Теперь давайте показания! Сначала, пересев немного вперед, дал показания Халик-ишан.

– Аузу биллахи минашай танир-раджим, бисмиллахи-рахмани рахим³¹. Свидетельствую перед богом нелицеприятно, что покойный Абдунаби, их брат (при этом Халик-ишан указал рукой на ответчиков), взял у бая в долг при нас, седовласых старцах, когда мы были у бая в гостях, две тысячи тенег, что составляет триста рублей русскими бумажными деньгами, обязавшись отработать за них четыре года.

И Разык-халифа, в свою очередь, дал точно такое же показание и так же «честно» заслужил свои пятьдесят тенег.

Вопреки моим ожиданиям, казикалан, взглянув на ответчиков, сказал:

– Теперь долг в две тысячи тенег считается за вами. Расходы по суду также падают на вас. Вы должны уплатить их наличными здесь же, в канцелярии суда, а не то будете заключены в тюрьму. Если договоритесь с баем, можно будет тут же оформить долговое обязательство.

Ответчики с возгласами: «Господин, господин», – обратились к казикалану, желая объяснить что-то, но он с шумом захлопнул окно, заклеенное бумагой, – она заменяла стекло, – и повернулся к учащимся, чтобы начать лекцию.

³¹ Аузу биллахи минашай танир-раджим, бисмиллахи-рахмани рахим. – Слова из Корана, которыми начинаются все главы и которые произносят в качестве клятвы.

Ответчики, дрожа и плача, вскочили со своих мест и бросились к окошку, желая поговорить с казикаланом, но служитель, грубо прикрикнув на них, силой стащил их с суфы перед канцелярией. Однако голоса их еще доносились до нас. Несчастные бедняки, потеряв теперь всякую почтительность к баю и называя его на «ты», всячески поносили и проклинали. Служители казикалана старались запугать их, заставить замолчать и кричали: «Хватай их, вяжи, тащи в тюрьму!».

Не знаю, о чем задумался казикалан, но некоторое время он молчал, опустив голову. Я подумал, что, может быть, его терзает совесть, что он сожалеет о несправедливом приговоре. Наконец, взглянув на старшего ученика, который всегда читал текст, разбираемый на занятиях, он сказал:

– Читайте!

Не дав ему начать читать, я поднял руку и обратился к казикалану:

– Господин! Разрешите сказать!

– Что тебе? – казикалан недоуменно уставился на меня.

– Мне знакомо дело, которое вы сейчас разбирали. Бай клеветает, а его свидетели подкуплены. Они не знали раньше ни бая, ни покойного Абдунаби! – торопливо и волнуясь проговорил я.

Казикалан пожевал губами и, все так же пристально глядя на меня, произнес:

– Шариат принимает за истину то, что очевидно. Он не велит докапываться до тайн, как стараешься сделать ты. Свидетели, правоверные мусульмане, дали показания в соответствии с шариатом. Ответчикам присуждено выплатить долг, а ты не можешь доказать ни того, что бай лжет, ни того, что свидетели подкуплены. Если они узнают, что ты назвал их лжесвидетелями, предъявят тебе иск за оскорбление. Ты же, конечно, не сможешь привести двух правоверных мусульман в свидетели и будешь наказан сам. Лучше тебе не вмешиваться в такие дела, а стараться понять свои уроки.

После такого наставления мне не оставалось ничего другого, как опустить голову и замолчать.

Насмешливые улыбки моих товарищей, завидовавших тому, что я сел близко к казикалану, говорили, что они согласны с его мнением, и это заставило меня опустить голову еще ниже.

К счастью, начался урок. Наш староста начал громко читать текст, который предстояло нам разобрать. Когда он прочел, ученики, вытянув шеи и нахохлившись, словно боевые петухи, начали громко спорить между собой о толковании прочитанного места. В пылу спора обо мне, конечно, забыли.

Целый час кричали и шумели ученики, каждый ругал другого, не слушая и не понимая того, что твердит его противник. Наконец казикалан не выдержал и стал ругать всех нас:

– Ах, вы, ослы, ах, вы, олухи, невежды! Замолчите! Поймите лучше, что хотел сказать покойный автор, да будет над ним милость аллаха!

Так окончились занятия, и мы разошлись. От служителя я узнал, что ответчики, кроме двух тысяч тенег баю, обязаны были согласиться уплатить сто тенег судебных издержек. Но мало этого: их засадили в тюрьму за то, что они бранили бая и его свидетелей.

Больше я ничего не слышал ни о бае, ни о его сыне. Все, что я мог сделать, – это порвать с ними знакомство.

XI

Вернемся, однако, к Кори Ишкамбе. Постепенно я разузнал кое-что о его прошлом.

Отец дал ему имя Исматулла. В школу он ходил мало. Едва научился немного читать, отец отдал его в обучение к чтецам Корана. Когда он выучил его наизусть, к его имени стали прибавлять почетное «кори», что означает «чтец Корана».

Тем временем отец его умер, оставив в наследство сыну дворик и две худжры в одном бухарском медресе, имеющем много вакуфного имущества, так что худжры приносили владельцу хороший доход.

Сообразительный Кори стал сдавать эти деньги, а также и то, что он зарабатывал чтением Корана, малосостоятельным соседям по кварталу и мелким торговцам в рост, под проценты.

Вскоре он нашел и другой источник дохода: подружившись с мальчишками со своей улицы, научил их азартным играм. Добывал для них где-то карты и игральные кости и вовлекал их в игру на деньги. Раскрашивал кости и продавал их ребятам по высокой цене. За пазухой у него всегда имелась нераспечатанная колода карт, которую он перепродавал игрокам втридорога, когда потрепанные меченые карты не могли больше служить ребятам.

Он стал получать от игры регулярный доход – так называемый «чутал» – обусловленный процент с общей суммы банка. Он ссужал проигравшихся, «попавшим в рабство»³² давал деньги до следующего вечера, причем они должны были вернуть долг в двойном размере.

Из своих денег Кори Исмат на себя ничего не тратил. Обедал он с теми, кто жил в принадлежавших ему худжрах, а вечером наедался досыта, садясь за дастархан вместе с другими игроками, обычно приносившими с собой из дому какую-нибудь снедь.

Впрочем, дружба его с мальчиками продолжалась недолго. Однажды вечером завязалась азартная игра, она тянулась до рассвета. В конце игры подвели итог, и оказалось, что некоторые проиграли все свои деньги, да еще задолжали Кори Исмату; другие же обнаружили, что, хотя они несколько раз выигрывали, денег в их карманах меньше, чем до начала игры. Сложив вместе все деньги, они решили проверить, сойдутся ли расчеты.

– Сколько у тебя было тенег вечером? – спросили одного.

³² ...«попавшим в рабство». – Бухарские игроки считали проигравшего «попавшим в рабство», то есть рабом выигравшего; «освободиться от рабства» можно было, лишь уплатив долг (авт.).

– Десять тенег.

– А у тебя?

– Двадцать...

Так они подсчитали, сколько денег было у каждого до начала игры, и прибавили к ним сумму долга, который считал за проигравшимися Кори Исмат. Затем сложили все наличные деньги. Оказалось, что они не составляют и половины той суммы, которая имелаась у них перед игрой.

– Куда же девались деньги? – удивились ребята.

– Э! – сказал вдруг один из них. – А мы не подсчитали тех денег, которые отдали Кори за «чутал».

– Действительно! – воскликнул другой и, взглянув на Кори Исмата, предложил: – Ну-ка, ну-ка, вынимайте деньги, подсчитаем, сойдется или нет!

Кори Исмат, услышав это, плотно запахнул полы халата.

– Еще чего не хватало! Нет, нет, я своих денег не покажу!

– Покажите, мы только подсчитаем и вернем вам! – вежливо предложил один из мальчиков.

Кори Исмат, запахнувшись еще плотнее, решительно ответил:

– Сказал – нет, значит, нет!

– Ну, если так, отнимем силой! – крикнул другой мальчик и вцепился в Кори. Остальные бросились помогать товарищу. Кори, втянув голову в плечи и поджав ноги, свернулся в клубок, как испуганный еж. Ребята таскали его по земле, но он, катаясь, как мяч, не разжимал рук и ног, подтянутых к животу, и никому не удалось достать до его кармана и вытянуть кошелек на свет божий.

– Бейте его! – крикнул кто-то.

Удары маленьких кулаков дождем сыпались на голову Кори.

Один из мальчиков размахнулся и сильно ударил Кори Исмата по голове кулаком, но тут же захохотал, дуя на свою ушибленную руку.

– О, рука, ой, моя рука!.. Ну, погоди же! – Потом в ярости схватил обломок кирпича, которым они пользовались во время игры в кости, и швырнул его в голову Кори Исмата.

Удар оказался сильным, из рассеченной головы потекла кровь, Кори Исмат постепенно обмяк, невольно разжал руки и ноги. Мальчики забрали кошелек, выгребли из его карманов все деньги, которые тот собрал за эту ночь. Они поделили их между собой и, прочтя молитву, дали зарок не играть больше в азартные игры и не позволять играть в них и другим ребятам своего квартала. А Кори Исмата выволокли на улицу и велели ему отправиться домой. Но у него не

было сил двинуться с места. Из разбитой головы все еще текла кровь. Он повалился на суфу и остался лежать.

Мать мальчика, в доме которого шла игра в этот вечер, узнав о драке, вышла из внутренних комнат: ей жаль стало Кори Исмата. Она приложила к ране жженую кошму, перевязала ему голову и, втащив его в комнату, уложила на тюфячок. Только через час Кори Исмат пришел в себя и смог добрести до своего дома.

На память об этом случае Кори осталась большая неровная плешь. Даже из нее он сумел извлечь выгоду: платил парикмахеру вдвое меньше других.

* * *

Когда Кори Исмат лишился доходов от азартных игр, он целиком переключился на мелкое ростовщичество и всячески добивался даровых угощений у своих должников и учеников медресе, которым сдавал худжры. Не бросал он и чтения Корана – за плату, разумеется.

Возмужав и сколотив постепенно небольшой капиталец, он оставил мелкое уличное ростовщичество, где всегда есть риск потерять деньги, и начал вести дела с более крупными купцами – долг за ними почти никогда не пропадал. Если даже иному купцу и грозило банкротство, он все же полностью старался рассчитаться с Кори Исматом, понимая, что ростовщик может пригодиться ему и в дальнейшем.

По словам самого Кори Ишкамбы, в молодости у него было два случая, когда его деньги, казалось, должны были пропасть. Обанкротились два бая, взявшие у него большую сумму в долг. Однако и тут Кори сумел возместить потерю: без всяких расходов на свадьбу он получил в счет долга дочерей своих должников. Две его жены – искусные вышивальщицы тюбетеек, которые говорили со мной, когда я впервые пришел к Кори, – были как раз дочерьми тех самых обанкротившихся баев.

Заведя дела с солидными купцами, Кори Исмат окончательно избавился от необходимости покупать мясо и сало для обеда. Каждый вечер он заходил к кому-либо из своих должников и угощался жирным пловом с мясом, жареными курами, жарким из молодого барашка, пельменями, колбасой и прочими яствами, причем съедал столько, сколько мог осилить.

Кори стал быстро толстеть, живот его все увеличивался. И тогда люди, прибавив к его имени прозвище «ишкам», то есть «живот», стали называть его Кори Исмати Ишкам.

Когда же его обжорство перешло всякие границы, а он все не мог насытиться, его прозвали Кори Исмат Ишкамба. Но многим лень было произносить такое длинное имя, и оно постепенно сократилось, превратившись в прозвище «Кори Ишкамба».

* * *

В то время, когда я познакомился с Кори Ишкамбой, поговаривали, что капитал его достигает уже пятисот тысяч тенег, то есть семидесяти пяти тысяч золотых монет.

Деньги, которые ему не удавалось отдать в долг под чудовищные проценты, Кори Ишкамба держал в банке. Но одно событие чуть не подорвало его доверие и к банкам. Произошло это так.

Среди банков, имевших свои отделения в Бухаре, был и Русско-Китайский, иначе – Русско-Азиатский. В нем-то и держал ко времени нашего рассказа свободные деньги Кори Ишкамба.

Здание этого банка было расположено в узкой улочке, которая начиналась от мануфактурных рядов, шла мимо запутанных тупиков еврейского квартала и через холм Пуштаизаган выходила к городским воротам «Скотобойня».

За воротами банка стоял охранник с ружьем. Однажды, когда операции в банке закончились и банк уже закрывался, произошла эта перепугавшая Кори Ишкамбу история.

Все посторонние лица уже покинули банк, внутри оставались только служащие. В это время к банку незаметно подошли человек десять – двенадцать неизвестных, одетых в европейское платье. Они встали в ряд, прижавшись к стене так, что, открывая дверь, охранник их не мог заметить.

Стоявший первым постучал в ворота, Приоткрыв калитку, часовой сказал:

– Уже два часа, банк за...

Не успел он договорить, как постучавший бросился на него и вырвал ружье. За ним ворвались внутрь и остальные. Один из них запер за собой ворота, другие, угрожая оружием, заставили охранника молчать. Боясь за свою жизнь, тот не издал ни звука. Повалив его на землю, бандиты стащили с него форму, связали ему руки и ноги. Один из неизвестных, переодевшись в форму охранника и взяв в руки ружье, занял его место. Остальные с револьверами в руках пробрались наверх, где служащие банка еще заканчивали подсчеты и записи в книгах.

– Руки вверх!

Служащим банка пришлось покориться вооруженным бандитам. Некоторые так перепугались, что не могли пошевелинуться, другие без чувств упали на пол. Вытащив из-за пазухи веревки и ремни, грабители связали работникам банка руки и ноги, заткнули им рты, повалили всех на пол. После этого они перерезали телефонный провод и занялись своим делом: взломали кассы, вытащили деньги и ценные бумаги, уложили добычу в специальные банковские мешки, упаковали их в холщовые мешки-канары. Затем, еще раз пригрозив служащим, грабители ушли, оставив двух человек караулить связанных. Тот, кто стоял на страже у ворот банка, открыл калитку, выпустил товарищей, а сам остался «охранять». Через некоторое время спустились и те, что оставались наверху караулить пленников. Бандиты повесили на железные ворота большой замок и благополучно скрылись.

Пока служащие банка освободились от пут и подняли крик, прошло добрых пятнадцать минут. За это время, разумеется, грабители успели уйти далеко.

* * *

На крик и шум служителей банка собрался народ. Узнав о происшествии, явились люди миршаба, помощники кушбеги, казикалана и сам раис. Сломав замок, они проникли в здание банка, расспросили служащих и принялись за поиски. Однако не нашли ни одного подозрительного человека.

Кушбеги выслал в погоню отряд отборных эмирских сарбазов, которые назывались «кавказцами», потому что носили форму кавказских войск. Преследователи поскакали во все стороны, однако им удалось найти лишь пустые банковские мешки, валявшиеся у болота Шуркуль, за Северными воротами города.

Большой отряд сарбазов был послан в северном направлении. Однако и он не напал на след грабителей.

Только одна группа преследователей, искавшая бандитов к юго-востоку от города, наткнулась возле железнодорожной станции Мургак на трех неизвестных. Попытались схватить их, но те открыли стрельбу. После короткой перестрелки одного сарбаза ранило, и остальные отказались от преследования, повернули назад.

Грабителей так и не поймали.

После этого происшествия в работе банков, находившихся в Бухаре, произошли некоторые изменения. Ни один из них не оставлял теперь в городе денег. Сразу же по закрытии банка все наличные деньги отвозились в Каган – там находилась центральная касса, а утром деньги для очередных операций под усиленной охраной снова привозились в Бухару.

После ограбления банка люди стали пугать Кори Ишкамбу, уверяли его, что деньги всех вкладчиков пропали. Он и сам не очень надеялся получить их обратно. Это так сильно повлияло на него, что в его поступках появились признаки безумия.

Однако страхи оказались напрасными. Как только банк открыли, Кори пошел и потребовал свои деньги. Ему тут же их выдали без всяких разговоров.

Тогда доверие Кори Ишкамбы к банкам еще более возросло. Он в тот же день снова сдал свои деньги в этот банк и после того вкладывал туда каждую свободную копейку. Если деньги попадали ему в руки вечером или в конце дня, когда банк уже закрыт, ростовщик впадал в сильнейшее беспокойство. С одной стороны, его огорчало то, что деньги пролежат один день без пользы, не принося процентов, а с другой – он боялся бандитов. Боясь ограбления, он стал искать потайное место, где смог бы прятать деньги.

Постепенно я понял, как тяжела была жизнь этого человека: его терзал постоянный страх, он подозревал каждого встречного, ему казалось, что все следят за ним, что все только и стараются разузнать, где у него деньги, и похитить их.

Одному только человеку доверял Кори Ишкамба – смотрителю караван-сарая «Кавказ». Один он знал, где прячет ростовщик свои деньги, попавшие к нему после закрытия банка.

История того, как возникло это доверие, столь забавна, что стоит рассказать.

Однажды, когда Кори Ишкамба выходил на улицу из караван-сарая «Кавказ», смотритель, желая подшутить над ним, вынул из кармана и бросил на землю пятнадцатикопеечную монету, Кори этого не заметил, Смотритель окликнул его:

– Дядюшка Кори, не вы ли обронили эти деньги? Кори Ишкамба, подобно человеку потерявшему, поспешно вернулся и озабоченно спросил:

– Где? Где?

Смотритель поднял монету и показал ему. Тот схватил ее, восклицая:

– Да, да, да. Оказывается, карман у меня дырявый, вот и выпала монета! Спасибо тебе! – И он в замешательстве сунул деньги в тот самый карман, который был, по его словам, дырявым. – Пошли тебе бог счастья, братец! – продолжал Кори. – Конечно, будь на твоём месте кто другой, не вернул бы мне этих денег. Оказывается, и в наше время не перевелись люди, которые боятся присвоить себе чужое...

После этого случая Кори Ишкамба проникся к смотрителю безграничным доверием. С тех пор, если ему нужно было получить от кого-нибудь деньги вечером, он обязательно брал его с собой.

Потому и в тот раз, когда Кори получал долг от моего знакомого – сына бая, он тоже привел этого человека, в его присутствии взял деньги и унес вместе с ним в такое место, о котором знали только он да сторож.

Однако доверие к этому смотрителю также продолжалось недолго – произошло событие, после которого смотритель попал в число самых низких преступников, и тогда Кори Ишкамба твердо решил, что в мире нет человека, который удержался бы от соблазна воспользоваться чужим добром. О том, как это случилось, мы расскажем дальше, в свой черед.

ХII

В городе Бухаре, где ростовщиков было очень много, Кори Ишкамба не мог получать больше двух с половиной тенег за сотню в месяц. Ссужая крупные суммы баям, он вынужден был довольствоваться даже еще меньшим. Все богатые купцы были связаны с российскими банками, откуда они получали ссуды за восемь процентов годовых, то есть за каждые сто тенег должны были отдавать восемь тенег в год, а не за месяц. Но все же иногда им приходилось прибегать к услугам Кори Ишкамбы и других ростовщиков. Банк выдавал ссуду только в соответствии с состоянием, а это не всегда устраивало торговцев. Так, в период скупки ценных сезонных товаров – шкурок каракуля и хлопка – крупные торговцы, проводящие широкие операции, нуждались в ссудах более значительных, чем даваемые банками, и они обращались к

ростовщикам типа Кори Ишкамба и выплачивали им проценты в два – два с лишним раза больше, чем банкам.

В Бухаре знавали в те времена ростовщиков и более богатых, чем Кори Ишкамба. Хотя они называли себя менялами, но ссужали деньгами только самых крупных баев. При наличии таких сильных конкурентов ростовщики меньшего масштаба, каким был и Кори Ишкамба, принуждены были довольствоваться меньшим процентом, чем тот, который они получали от своих обычных клиентов – лавочников и средних торговцев.

В то же время сельские ростовщики выжимали из бедняков-дехкан по десять тенег в месяц с каждой данной им в долг сотни. Кори Ишкамбу душила зависть к сельским ростовщикам, когда он слышал об этом. Как говорится, от зависти извивался, как волос, попавший в огонь.

Но выезжать за пределы городских стен Кори Ишкамба не решался, ведь даже в городе, под защитой эмирских властей, он мучился постоянным страхом, подозревая каждого в недобром умысле против себя.

Его страшили и бедняки-дехкане, и вражда соперников – сельских ростовщиков.

«Я не дурак, чтобы в надежде на крупный доход ехать в кишлак и подвергать там опасности свою жизнь и свои деньги, а деньги для меня дороже жизни», – думал он. Поневоле приходилось довольствоваться двумя с половиной процентами, получаемыми с лавочников и мелких торговцев, да сезонными доходами, которые были не так велики, хотя он и получал их с крупных баев. Вот почему не все его деньги были в обороте, – свободный капитал он вынужден был держать в банке, получая всего пять процентов годовых.

Банками Кори Ишкамба был недоволен больше, чем всеми своими клиентами.

– Если банки и богаче всех, – говаривал он, – то они и скупее всех. Несчастные лавочники дают мне по две с половиной тенги в месяц, а из банка я получаю всего пять в год.

Самыми щедрыми «хатамами мира» он считал³³ бедняков-дехкан, которые, беря деньги в долг, дают по десяти тенег в месяц с каждой получаемой ими сотни.

– Настоящую выгоду можно получить только в кишлаке! – твердил он. – Эх, дал бы мне бог завязать дела с дехканами, вот тогда я наконец насытился бы, вместо жалких процентов с «жадюги» банка получал бы в десять – пятнадцать раз больше с дехкан, – у них при пустых кошельках такие щедрые сердца!

И вот наконец произошел случай, который открыл Кори Ишкамбе путь к установлению связей с кишлаком.

Однажды, по своему обыкновению, он пришел к ранней утренней молитве в старинную бухарскую мечеть Магок. Окончив первую молитву, выслушав священные стихи из «Месневи»

³³ ...«хатамами мира» он считал... – Хатам из племени Тай – легендарный богач, необычайная щедрость которого вошла в поговорку.

³⁴, прочитанные после нее, совершив вторую молитву при восходе солнца, он вышел из мечети с четками в руках и присел на суфу возле входа, чтобы закончить обряд чтением дополнительных молитв и, перебирая четки, помянуть при этом сто эпитетов аллаха.

Тут к нему, как к старому доброму знакомому, подошел не очень молодой дехканин среднего роста, в бедной крестьянской одежде. Почтительно приветствуя, он подал Кори Ишкамбе обе руки. Затем сел на суфу с другой стороны входа в мечеть, опустив голову, время от времени исподлобья поглядывая на Кори Ишкамбу.

Кори Ишкамба подумал, что перед ним, может быть, один из тех, кто по обету принес что-то во всеми почитаемую мечеть и принял его сидящего с четками в руках, за шейха, которому обычно отдаются приношения. Кори Ишкамба решил, что дехканин сидит и дожидается, пока он кончит свои молитвы. Желая усилить доверие к себе, чтобы вырвать приношение пощеднее, Кори Ишкамба стал читать свои молитвы громче и выразительнее, как настоящий профессиональный чтец Корана. Он старательно произносил арабские звуки и щелкал бусинами четок так звонко, будто это были костяшки купеческих счетов.

Убедившись, что произвел на дехканина достаточно сильное впечатление мастерским чтением молитв, Кори Ишкамба воздел руки кверху и произнес молитву, обязательную при начале какого-нибудь дела. Затем он с благочестивым видом провел ладонями по лицу. Только после этого ответил на приветствие дехканина и сказал:

– Послушайте, братец, если вы принесли приношение по обету, то вытаскивайте, я приму во имя святого Хызра, который незримо присутствует в этой мечети во время всех пяти ежедневных молитв.

– Никакого приношения у меня нет, – сказал в ответ дехканин. – Я подошел к вам в надежде одолжить у вас немного денег!

– Что ж, и это хорошо! Сколько же вы, хотите получить и на каких условиях? Кто ваш поручитель? ³⁵ – спросил Кори Ишкамба.

В это время стали подходить москательщики, владельцы лавок, находившихся поблизости от мечети Магок. Кори Ишкамба заметил, что, открывая свои лавки, они прислушиваются к его разговору с дехканином.

Кори Ишкамба, избегавший не только производить при ком-нибудь денежные операции, но даже говорить о деньгах, встревожился и, не дав дехканину ответить, поспешно предложил:

– Вставайте-ка, братец, и следуйте за мной. Поищем местечко поукромнее!

³⁴ ...священные стихи из «Месневи»... – Имеется в виду суфийско-философское произведение классика персидско-таджикской литературы Джалалиддина Руми (1207–1273) под названием «Месневи манани» («Духовное месневи»).

³⁵ ...Кто ваш поручитель? – В практике ростовщических операций имелся институт поручителей. Поручитель являлся посредником между ростовщиком и берущим у него в долг. Он обязывался выплатить долг в случае несостоятельности должника (Примечание переводчика).

С этими словами он направился к чайным рядам. Миновав их, свернул в поселок, где находились лавки и мастерские гребенщиков; пройдя еще немного, вошел в помещение для омовений, что расположено с восточной стороны переулка. Следом за ним переступил порог и дехканин.

Хотя до часа очередной молитвы было далеко и потому вряд ли кто-нибудь еще вошел бы в помещение, осторожный Кори Ишкамба запер дверь изнутри и только после того опустился на небольшую глинобитную скамью. Предложив дехканину сесть рядом, он повторил свои вопросы:

– Скажите, сколько вы хотите взять и под какие проценты? Кто ваш поручитель?

Дехканин сообщил, что он из кишлака Бульмахурон, владеет пятью танабами земли. Рассказал, что его земля находится рядом с владениями некоего арбаба Рузи, который вздумал прибрать к рукам его участок и для этого вошел в сговор со старостой их кишлака – арбабом Хамидом и затеял тяжбу.

– Тяжба закончилась вчера вничью, я из-за нее в долг влез, занял пятьсот тенег у чайханщика – надо уплатить расходы, да с условием – прибавлять по пяти тенег ко времени каждой молитвы. В сутки нарастает двадцать пять тенег. К сегодняшней утренней молитве – она ведь только что кончилась, мой долг вместе с процентами составил уже пятьсот двадцать пять тенег. Дадите мне деньги сегодня, хватит этой суммы, а если завтра, то надо будет пятьсот пятьдесят тенег. Чем дальше, тем больше мне потребуется денег. Сколько процентов придется платить вам – зависит от вашей воли и справедливости. Говорят, что вы справедливый ростовщик.

У Кори Ишкамбы при виде «жирного барашка, который пришел к нему сам, своими ногами», потекли слюнки. Одно вызвало у него сомнение: каким образом этот «барашек» миновал лапы «степных волков» и обратился к «городскому шакалу»?

«Может, – думал он, – тут что-то кроется? Может, мои враги хотят расставить мне ловушку?»

Охваченный сомнениями, он спросил дехканина:

– Разве в вашем кишлаке нет порядочного ростовщика? Раз у вас есть имущество, он мог бы дать вам в долг! Почему вы пришли за этим делом ко мне в город?

– У нас есть ростовщики – арбаб Рузи и арбаб Хамид, о них я зам уже говорил. Ежели они дадут мне в долг, так им мало будет одних процентов, они прежде всего потребуют в залог мою землю, а потом отнимут ее, если не сумею расплатиться в срок,

– Так-то оно так, да ведь и я не дам денег без залога! – воскликнул Кори Ишкамба.

– А я так рассудил: если вы и возьмете в залог мою землю, так все равно не станете отбирать ее у меня – вам ведь неохота переезжать в кишлак, пахать да сеять? Значит, не будете пытаться завладеть моей землей. Так думают и те, кто направил меня к вам.

– Это верно. Ну а сколько вы дадите ссуды в месяц на каждые сто тенег?

– Я дам вам по пяти тенег в месяц, – сказал дехканин.

– Ну, нет! – возразил Кори. – Если дадите по десяти, я возьмусь за это дело, а если нет – обращайтесь к тем своим ростовщикам, которые только и зарятся на вашу землю.

– Ростовщики нашего кишлака, и арбаб Рузи, и арбаб Хамид, тоже просят по десяти. Меня это не устраивает, боюсь, тогда мой долг вырастет так, что мне его не выплатить, и я все равно потеряю землю. Мне указали на вас как на справедливого ростовщика – вы довольствуетесь двумя с половиной тенгами с сотни. Я не хочу обижать вас – согласен платить вдвое больше. Ежели к сотне набавлять в месяц десять тенег, конечно, долг выплатить не смогу и в конце концов придется продать землю нашим ростовщикам. Сделайте так, чтобы и «шашлык обжарился, и вертел не обгорел», – чтобы я землю сохранил, и вы не потеряли процентов, вдвое больших, чем получаете с других. Подумайте, а ежели не согласны, уж лучше взять мне деньги у наших ростовщиков, хоть не рассорюсь с ними, хоть до поры до времени поживу спокойно.

Немного помолчав, дехканин ответил на вопрос Кори Ишкамбы о поручителе:

– Я дам вам в залог землю. Мы оформим документ у казая, и не нужен будет поручитель! Положим, я не смогу выплатить долг – тогда продадите мою землю и вернете свои деньги. Ведь поручитель нужен, когда у берущего в долг нет залога.

Не желая затягивать разговор о Кори Ишкамбой и видя, что аппетит у ростовщика еще не разыгрался, дехканин сказал в заключение:

– Дядюшка Кори, ежели доверяете мне и хотите дать деньги, то берусь выплачивать вам ежемесячно по пяти тенес с сотни. Перед вами «похлебка из кислого молока». Хотите – отведайте ее, нет – вылейте «степным собакам», пусть достанется кишлачным ростовщикам, воля ваша!

Сказав это, дехканин встал. Кори Ишкамба снова усадил его.

– Ладно уж, – сказал он примирительно. – Я хочу съесть эту «похлебку из кислого молока», только прошу долить ложку масла – прибавьте еще одну тенгу, пусть будет шесть. Если не ради моей ссуды, так ради доброго дела – я стану ежедневно после каждой молитвы поминать вас. – Он протянул руку дехканину. – Давайте, соглашайтесь! Да благословит вас бог!

Дехканин решил, что из-за одной тенги не стоит сердить своего будущего кредитора, и они ударили по рукам.

– Пусть и вас благословит бог! – сказал он. – Коли договорились, пойду в канцелярию, оформлю закладную на землю, чтобы вы могли сегодня же дать мне деньги, а то растет долг чайханшику.

– Не пойму, простак вы или хитрец! – слегка вспылив, сказал Кори Ишкамба. – Разве могу я вынести и отдать вам деньги за пустую бумажку, не осмотрев вашей земли, не разузнав про вас? Деньги – ведь не душа, которую можно приносить в жертву за кого и за что угодно!

– Ну, а когда же вы сможете приехать осмотреть мою землю, скоро ли наведете обо мне справки?

– Мне нужно два, а может и три дня.

– Дорогой дядюшка Кори! – воскликнул дехканин. – Приезжайте как можно скорее, чтобы не рос мой долг чайханщику. Приезжайте в селение Бульмахурон и спросите у любого встречного – от семилетнего ребенка до семидесятилетнего старика – где земля Хамра Рафика, и вам всякий покажет! Вы убедитесь, что свои пять танабов я обработал и возделал, как цветник перед домом!

– Постараюсь приехать поскорее, но денег с собой возьму. Когда мы окончательно договоримся, придете за ними в город! – сказал Кори Ишкамба, поднимись с места.

Они вышли из помещения для омовений. Хамра Рафик еще раз попросил Кори Ишкамбу поторопиться приехать, после чего они расстались, и каждый отправился по своим делам.

* * *

Кори Ишкамбу весьма привлекала возможность получить шесть тенег с каждой сотни – чуть не втрое больше процентов, получаемых им обычно с горожан. Устраивал его и район, куда предстояло ехать, – кишлак Бульмахурон, где жил дехканин, относился к селению Гала-Асийа, в котором должность наиба – заместителя казия – занимал один из давних друзей Кори Ишкамбы. Это придавало ростовщику храбрости и позволяло решиться на «полное опасностей» путешествие.

Ему казалось рискованным откладывать посещение кишлака на долгий срок: он опасался, как бы «тамошние волки», проведая, что Хамра Рафик поладил с городским ростовщиком, не согласились бы на более льготные для дехканина условия и не вырвали «жирного барашка» из пасти «городского шакала».

На следующей же день, первый раз в жизни пропустив утреннюю молитву и чтение стихов из «Месневи» в мечети Магок, Кори Ишкамба на рассвете отправился в путь.

Он решил идти пешком и, несмотря на свою необычайную тучность, шагал быстро, чуть не бежал. Он торопился поспеть в Гала-Асийа до того, как его приятель отправится в объезд кишлаков. Кори Ишкамба хотел подготовить во время дружеской встречи оформление своей сделки с Хамра Рафиком.

В Гала-Асийе Кори Ишкамба вошел во двор канцелярии заместителя казия и увидел его верхом на лошади, готового к выезду. Заметив Кори Ишкамбу, наиб тотчас же слез с лошади и подбежал к нему, чтобы встретить старого друга с подобающей теплотой.

Заместитель казия бежал не быстрее черепахи: он был толст и пузат не меньше Кори Ишкамбы; его отвислый двойной подбородок сливался с грудью, а жирный затылок и короткая шея так же незаметно переходили в спину. Он отличался от Кори Ишкамбы непропорционально маленькой головой, жиденькой бороденкой да короткими толстыми ногами, напоминавшими – может, из-за отечности – чурбаны.

Все это придавало заместителю казия сходство с полным, туго набитым мешком пшеницы, завязанным бечевкой. Его маленькая головка, сидящая на толстом теле, напоминала тот конец мешка, который остается над перевязью.

Когда приятели подбежали друг к другу и захотели, по обычаю, обняться, служители наиба, стоявшие у лошадей, не могли удержаться от смеха. Два обнимавшихся толстяка походили на поставленные рядом большие пузатые корчаги для воды. При попытке обняться соприкоснулись лишь их огромные животы, и как ни старались гость и хозяин дотянуться друг до друга руками – не могли достать даже до боков. Руки оказались слишком короткими, чтобы охватить толстые тела приятелей.

После этой комической встречи наиб ввел своего гостя в комнату и приказал служителю принести для начала дастархан с лепешками и холодным мясом, а потом приготовить двух жирных кур, хорошенько их зажарив.

Он спросил Кори Ишкамбу, каким образом тот, нарушив свой обычай, выбрался из города и оказался в Гала-Асийе.

– Прикажите подать чай, мне надо перевести дух, чтобы как следует очистить ваш дастархан! И тогда я смогу рассказать вам, почему попал сюда. Восемь верст ходьбы привели меня в такое состояние, что я и слова промолвить не в силах.

– Неужели в такую пору вы шли пешком все восемь верст и тащили свое тело весом в два мана? Почему вы не наняли лошадь или осла, чтобы пользоваться ими в подобных случаях?

– Вы, наиб, рассуждаете, как наивные, беззаботные люди, не знающие цену деньгам, – ответил Кори Ишкамба. – Какой же умный человек станет тратить нажитое трудом на прокорм осла или лошади только для того, чтобы какой-то час с лишним ехать с удобствами... Я даже пилу в дом не вношу из-за того, что у нее зубы, а вы советуете мне держать лошадь или осла! Да они же разорят меня!

Тем временем служитель принес хлеб, чай и холодное мясо и расстелил перед Кори Ишкамбой скатерть. Кори Ишкамба при виде горячих лепешек и блюда, полного мяса, замолчал и, как голодный бык, рвущийся к жмыху, жадно набросился на мясо и хлеб. Больше он не поднимал головы от скатерти и даже позабыл о чае, который просил принести, чтобы «изгнать из своего тела дорожную усталость».

Наиб тоже прервал свой разговор с гостем и принялся за холодное мясо. Отрезая куски пожирнее, он завертывал их в горячую лепешку и глотал, почти не жуя.

Кори Ишкамба, увидев, как успешно действует хозяин, пододвинул блюдо с мясом к себе поближе и невнятно, так как рот его был набит пищей, пробормотал:

– Разве вы еще не завтракали?

– Утром приносили мне двух жареных кур, но моим сотрапезником был вот этот «слабак»-служитель с плохим аппетитом, поэтому и у меня пропал аппетит. С трудом съел одну курицу, а другую отдал слугам. Мне нужен сотрапезник вроде вас, чтобы у меня разыгрался аппетит!

– А мне для хорошего аппетита совсем не нужен сотрапезник, особенно подобный вам, который, угощая меня, половину съедает сам! Аппетит у меня никогда не пропадает и не нуждается ни в каком возбuditеле.

Тут Кори Ишкамба заметил, что, пока он говорил, хозяин проделал в блюде с мясом целый ров. Поэтому он снова потянул блюдо к себе и принялся есть, прикрывая его своей большой головой и толстыми плечами. Он похож был на коршуна, с распростертыми крыльями, склонившегося над стиснутым в когтях голубем.

Хозяин дома, считая, вероятно, что подвинуть блюдо к себе – значит проявить негостеприимство, подвернул край скатерти и сам подвинулся к блюду. Склонив голову еще ниже, чем Кори Ишкамба, он оказался к блюду ближе, чем гость.

Оба друга в это мгновение напоминали ходящих в одной упряжке быков. Как быки, связанные одним ярмом и общей кормушкой, не пускают в ход рогов, а только теснят друг друга, так и два приятеля старались нагнуться к блюду поближе и захватить себе куски побольше и пожирнее.

В обжорстве заместитель казия и Кори Ишкамба стояли друг друга. Разница между ними заключалась в том, что ростовщик имел обыкновение наедаться у своих должников или учеников медресе, снимавших у него худжры, угощаться на свадьбах и пиршествах, устраиваемых другими, старался принять участие в трапезах лавочников, с которыми имел торговые дела, сам же никогда не тратился на приготовление пищи, а заместитель казия любил поесть не только у сельских богачей, но и у себя дома на средства, награбленные у бедняков, и по принципу «воруй и оказывай милость» не забывал угощать, как положено, друзей, вроде Кори Ишкамбы и своих сподручных.

После того как наиб и его гость с завидным аппетитом прикончили жареных кур, они принялись за чай. Во время чаепития Кори Ишкамба рассказал о цели своего прихода в селение и поинтересовался, что это за человек Хамра Рафик.

Заместитель казия сообщил, что Хамра Рафик – дехканин среднего достатка; работник он старательный, имеет пять танабов земли, одного вола и корову.

– Это человек правдивый, простодушный и доверчивый. Именно поэтому, как говорит пословица: «От беды бежал, да в другую попал», иными словами, спасаясь от здешних ростовщиков, очутился в ваших сетях.

Кори Ишкамба самодовольно рассмеялся.

– Скажите уж прямо: «Тебе попала молодая, молочная, удоиливая буйволица!» – Потом спросил серьезно, с тревогой в голосе: – А если этого легковверного простака перехватит мой конкурент, что мне тогда делать?

– Тогда, – заговорил хозяин, – поможет хорошо составленный, оформленный в соответствии с шариатом, скрепленный печатью казикалана документ, который действует, как остро отточенный нож. А пустить этот нож в ход, снять при его помощи с туши шкуру, отделить голову и ноги и вручить вам – это уж будет моей обязанностью.

– Ну, коли так, – сказал Кори Ишкамба, – поскорее посылайте за Хамра Рафиком, оформим закладную на его землю. Составим документ, и я тут же отправлюсь с ним в город и дам деньги. Боюсь опоздать, боюсь, как бы лакомый кусок не прошел мимо рта и не достался бы другому ростовщику.

– Придется ехать в тот кишлак, где он живет, и оформить сейчас же закладную в присутствии арбаба и старейшин. Недаром говорят: «Повидай сперва арбаба, а потом уж грабь селенье». Дело, совершенное без их участия, хороших результатов не дает.

– Едем, скорее едем! – воскликнул Кори Ишкамба.

– Что ж, едем! – согласился заместитель казия и приказал слугам седлать лошадей.

* * *

Заместитель казия со своими служителями, а вместе с ним и Кори Ишкамба, отправились в селение Бульмахурон. Кори Ишкамба никогда в жизни не садился на лошадь. Несмотря на это, хозяин, желая, вероятно, подшутить над гостем, выбрал для него норовистого, малообъезженного жеребца. Только они выехали, как конь под Кори Ишкамбой зашалил – лягался и вставал на дыбы, взбрыкивал задними ногами, как бы защищаясь от лошадей, идущих за ним.

Кори Ишкамба, уцепившись обеими руками за луку седла, кричал: «Ой, умираю!» – и, вне себя от страха, грязно бранил и заместителя казия, и дехкан кишлака Бульмахурон, и Хамра Рафика, и самого себя за то, что сглупил, поехал, надеясь умножить свои деньги, подверг себя опасности разбиться насмерть и лишиться того, что имел. Служители наиба насмехались над горожанином, издевались над ним.

Если бы один из них, опытный наездник, не ехал рядом с Кори Ишкамбой и не вел его коня, взявшись за узду, необъезженная лошадь, наверное, понесла бы Кори Ишкамбу и сбросила на землю.

Когда заместитель казия достиг со своим отрядом кишлака Бульмахурон, насмешки и издевки над Кори Ишкамбой перешли всякие границы. Сам наиб, несколько отстав, заехал в хвост коню Кори Ишкамбы и слегка похлестывал его камчой. Большая чалма Кори Ишкамбы размоталась и повисла на шее, как моток пряжи, опутала все тело. Полы обоих халатов – верхнего и нижнего – развевались, как тряпки на веревке.

Жители селения Бульмахурон, слышав, что к ним едет заместитель казия, вышли на дорогу навстречу неожиданной напасти. При виде Кори Ишкамбы крестьяне, кажется, в первый раз в жизни от души расхохотались. От крика ребятишек и улюлюканья слуг наиба конь под ростовщиком все больше расходился.

Когда приезжие въехали во двор усадьбы старосты – арбаба Хамида – и все слезли с лошадей, несколько человек окружили Кори Ишкамбу. Успокоив коня, они сняли всадника и на руках отнесли на высокую суфу перед водоемом. Кори Ишкамба испускал при этом

душераздирающие вопли, потому что нижняя его одежда прилипла к натертым в кровь ляжкам и каждое движение причиняло нестерпимую боль.

ХІІІ

Заместитель казия со своими служителями расселись на суфе, застланной ковром и мягкими курпачами. Для Кори Ишкамбы, который из-за своих ран не мог сидеть, как другие, подобрав под себя ноги, приготовили особое сиденье: положили вчетверо сложенную курпачу, а по обеим сторонам ее навалили подушки. Кори Ишкамба полулежал, опираясь на них, и со стонами переваливался с боку на бок.

Почтенные люди кишлака тоже забрались на суфу, уселись рядом с гостями. Хозяин, арбаб Хамид, приветствуя гостей обычным «добро пожаловать», уселся пониже. Слуги его притащили жирного сосунка-барашка и зарезали на глазах у наиба. Это было знаком особого уважения.

Затем перед гостями расстелили скатерть. На ней разложили большие лепешки из пресного теста, замешанного на молоке, и маленькие сдобные лепешки. Были поданы всевозможные фрукты. Перед гостями поставили чайники с чаем и пиалы.

Заместитель казия обвел внимательным взглядом дехкан в рваных халатах, собравшихся у дома и сидевших на корточках, прислонившись кто к дереву, кто к глинобитному забору. Хамра Рафика среди них не было.

– А где же Хамра Рафик? – спросил наиб. – Не вижу его здесь.

– Он землелашец работающий, времени даром не теряет, наверное, в поле жнет пшеницу!

– Хорошо бы позвать его!

Арбаб послал одного из дехкан за Хамра Рафиком, недоумевая, зачем тот понадобился наибу.

– Что-нибудь узнали про Хамра Рафика? Может, выяснилось, что он убил Турамурада? – спросил он, снedaемый любопытством.

– Нет, – сказал наиб, – у господина Кори договоренность с ним о предоставлении под залог денег. Сегодня, в вашем присутствии, мы оформим окончательно это дело. Составим необходимые бумаги.

Услышав это, арбаб повернулся к Кори Ишкамбе и, сложив руки на груди, слегка поклонился, выразив ему таким образом свое почтение. Однако он не мог скрыть недовольства появлением городского ростовщика. Изменившись в лице, взглянул на наиба и сказал с видимой неприязнью:

– Что ж, очень хорошо! Только есть ведь порядок: когда кто-нибудь собирается продать землю, сад или дом, должен сначала, по шариату, предложить тому, чьи владения рядом. А уж

если сосед откажется купить, тогда продающий имеет право найти другого покупателя. Что так велит шариат, вы знаете лучше меня, но раз покупателем является господин Кори, а вы, выполняя обязанности арбаба между покупателем и продающим, облегчили нашу задачу, противодействовать этому делу мы не будем.

– Я совсем не брался за дела арбаба! – примирительно сказал наиб. Он не видел нужды обижать арбаба, своего первого помощника по части ограбления бедняков-дехкан. – Сам Хамра Рафик решил так: оказывается, ему неприятно отдавать землю соседям. Не знаю уж, по чьему совету отправился он в город и договорился там с господином Кори... Вы, конечно, понимаете, что ни господин Кори, ни кто другой из города не будет обзаводиться хозяйством в вашем кишлаке, до города отсюда не так-то близко. Вряд ли Хамра Рафик скажется в состоянии выплатить свой долг вместе с процентами на проценты господину Кори, не продавая земли. Так или иначе земля его все равно окажется вашей или того из жителей кишлака, кому вы сочтете возможным уступить ее. Во всяком случае, оттого что господин Кори направили свои стопы в кишлак, ни вам, ни какому-нибудь другому из уважаемых жителей кишлака вреда не будет: они – человек полезный, даруют людям божье благословение и выгоду! – Произнеся эту речь, заместитель казия спросил: – А кто владеет землей по соседству с участком Хамра Рафика?

– Арбаб Рузи, староста кишлака Сангсабз, – сказал арбаб Хамид и, указывая на входившего во двор человека, добавил: – Вот они и сами пожаловали!..

* * *

Как только арбаб Рузи подошел к суфе, все сидевшие встали в знак уважения к нему. Поднявшись на суфу, он поздоровался сначала с наибом, потом с Кори Ишкамбой и со служителями наиба. Наконец подал обе руки хозяину дома. Тот указал ему место выше того, на котором сидел сам. Арбаб Рузи сел, не поздоровавшись со старейшинами кишлака, ограничился легким кивком в их сторону.

Люди арбаба Хамида внесли во двор подарки арбаба Рузи для наиба – высыпали на землю у водоема мешок дынь, а перед наибом развернули скатерть – в нее были завернуты пресные сдобные лепешки, замешанные на коровьем масле, поверх лепешек лежали четыре жареные курицы.

Две из них наиб положил перед собой и Кори Ишкамбой, две другие передал приехавшим с ним служителям. «Щедрость» наиба, видимо, не понравилась ростовщику. Хотя он тут же разодрал на части лежавшую перед ним курицу, глаза его не отрывались от тех двух, которые были разделены между гостями. Он хорошо понимал, что они ему не достанутся, но не сожалеть об этом не мог.

После того, как куры были съедены, на скатерти появилось блюдо с жареным барашком: жирный курдючок и грудинка тоже достались Кори Ишкамбе и его приятелю – наибу....

На вот скатерть убрали, обглоданные кости были брошены собакам, крошки высыпаны курам, объедки – куски лепешек и кости, на которых еще оставалось немного мяса, – отданы

беднякам-дехканам, все еще сидевшим вокруг суфы и вдоль забора и глазевшим на пиршество. Хамра Рафик, в честь которого, вернее, в честь ограбления которого состоялось это угощение и которого позвал сам наиб, приглашен на него не был.

Покончив с горячими блюдами, все принялись за дыни. Наиб рассказал о договоренности между Кори Ишкамбой и Хамра Рафиком арбабу Рузи, который мечтал завладеть землей трудолюбивого дехканина. Наконец, когда и дыни были съедены, а дынные корки убраны, Хамра Рафику велели подняться на суфу. Дехканин сел с краю и смиренно опустил голову. Арбаб Хамид, взглянув на наиба, сказал:

– Нас не было при разговоре между господином Кори и Хамра Рафиком. Будьте любезны, расскажите в присутствии арбаба Рузи, о чем они договорились, чтобы это слышали все жители кишлака, чтобы и стар и мал знал, в чем дело.

Наиб, еще раз рассказав о согласии ростовщика ссудить деньги Хамра Рафику под залог земли, спросил дехканина:

– Сколько ты думаешь взять у господина Кори?

– Не знаю... Знаю только, что я был должен содержателю чайханы пятьсот тенег. Этот долг за два дня вырос до пятисот пятидесяти.

– Значит, ты хочешь взять пятьсот пятьдесят тенег?

– Как будто так.

– А для других расходов деньги у тебя есть?

– Ни гроша, – ответил Хамра Рафик и, в свою очередь, задал вопрос: – А какие еще нужны расходы?

– Ну и простак же ты! – укоризненно сказал наиб. – Во-первых, пока господин казий приложит печать и ты получишь у Кори деньги, пройдет еще день, и твой долг чайханщику достигнет пятисот семидесяти пяти тенег. Не так ли?

– Да, это так, – согласился Хамра Рафик.

– А не считаешь ли ты, что нужно дать хотя бы двадцать пять тенег арбабу Рузи за его хлопоты, который потрудился прийти сюда для решения твоего дела, со скатертью, полной снеди, с крупным подношением?

– Нужно дать! – ответил за Хамра Рафика арбаб Хамид.

– Необходимая тебе сумма уже достигла шестисот тенег. Ну, а разве не следует дать хотя бы сорок тенег арбабу Хамиду? Ведь это он угостил нас для успешного завершения твоего дела. А как староста он распоряжается и твоей жизнью, и твоей смертью!

На этот раз за Хамра Рафика ответил арбаб Рузи:

– Нужно дать!

– Вот видишь, нужная тебе сумма выросла до шестисот сорока тенег. А можешь ты не дать по две тенга пяти почтенным старцам вашего кишлака, которые присутствуют здесь в качестве свидетелей при решении дела?

– Даст! – ответил за него арбаб Хамид.

– Значит, тебе надо иметь уже шестьсот пятьдесят тенег, – продолжал наиб. – За печать в канцелярии господина казикалана, мне за написание бумаги, моим людям за услуги – разве за все это ты не должен дать хотя бы пятьдесят тенег?

– За приложение печати и за услуги найба очень уж мало пятидесяти тенег! – воскликнул арбаб Хамид. – Сто, сто! Никак не меньше.

– Надо бы сто, да я не могу не принять во внимание трудолюбие и порядочность Хамра Рафика. Уж так и быть, поступлюсь пятьюдесятью тенгами. Пусть он в благодарность за мою доброту помолится за меня и за господина казия! – важно произнес наиб и, обращаясь опять к Хамра Рафику, продолжал: – С этими пятьюдесятью тенгами сумма дошла до семисот тенег. Согласно условию, на котором дает тебе деньги господин Кори, на семьсот тенег за месяц нарастает сорок две тенги, – по шесть на сотню, а за год – пятьсот четыре тенги. Если эту сумму прибавить к тем семистам тенгам, которые ты берешь в долг, то получится тысяча двести четыре тенги.

Сделав эти подсчеты, наиб перешел к разбору условий закладной. Он снова обратился к Хамра Рафику:

– Так вот, ты запродашь свою землю господину Кори и выдашь им документ на сумму тысяча двести четыре тенги, из которых семьсот тенег ты получишь на руки, а остальные составят проценты за год. Если в конце года ты уплатишь весь долг, получишь документ обратно и земля станет снова твоей собственностью. А если же к концу года ты сможешь уплатить только проценты, то условия останутся прежними. Эти же условия сохраняются и на третий, и на четвертый год. Но как только ты откажешься платить проценты или вернуть взятый тобой долг, господин Кори получит право отобрать у тебя всю твою землю. – Пояснив условия, заместитель казия спросил Хамра Рафика: – Ну как, правильно?

– Наверное, правильно, – неуверенно произнес Хамра Рафик. Но все лицо его говорило о душевном колебании и недовольстве.

– А что скажете вы? – обратился наиб к Кори Ишкамбе.

– Скажу, что ваши расчеты неправильны! – резко ответил тот.

– Как так?

– Видите ли, когда я даю в долг горожанину, то получаю с него проценты каждый месяц. Деньги эти я также пускаю в рост. А по вашему расчету получилось, что проценты за первый месяц – сорок две тенги – пролежат без пользы для меня и не будут приносить мне доход одиннадцать месяцев; проценты за второй месяц пролежат без всякой пользы десять месяцев и так далее. Мне это принесет большой урон!

Уразумев всю тонкость этих расчетов, заместитель казия сказал:

– Теперь я понял. А сколько же составят проценты на проценты в течение года?

– Если несколько округлить и говорить так, чтобы было понятно дехканам, проценты на проценты с этой суммы – я их зову внуками своих денег – составят сто шестьдесят тенег в год.

– Значит, если Хамра Рафик получит от вас семьсот тенег, он должен будет дать вам документ на тысячу триста шестьдесят тенег, – подытожил наиб.

– Почти что так! – ответил Кори. – Однако есть еще одна тонкость в расчетах, по которой Хамра Рафику следует дать мне документ на тысячу четыреста тенег.

Хамра Рафик до сих пор сидел молча, печально раздумывая, чем же кончатся для него все эти подсчеты, которых он совсем не ожидал. Но когда Кори Ишкамба назвал полную сумму его долга, Хамра Рафик вспыхнул, словно огонь, который дымил, разгораясь, и вдруг под свежим ветром загорелся ярким пламенем.

Поднявшись со своего места, он закричал, обращаясь к собравшимся:

– Если уж вы хотите сжечь мой дом, подожгите его сразу, продайте и поделите между собой мою землю, а меня самого прогоните из кишлака! Если вам и этого покажется мало, посадите меня в эмирский зиндан, а то и вздерните на виселицу! А по своей воле согласиться с такими подсчетами я никак не могу!

Неизвестно, что он хотел сказать еще, но от волнения у него перехватило дыхание, и он запнулся.

Члены почтенного собрания расхохотались, а когда смех утих, арбаб Хамид сказал мягко:

– Братец мой Хамра! Не хочешь соглашаться, на надо – дело твое! Никто тебя силой не заставит. Ты не волнуйся понапрасну, сядь-ка послушай, что я тебе скажу.

– Уф! – тяжело перевел дух Хамра Рафик, садясь на свое место. Понутив голову, он уставился в землю, а арбаб Хамид продолжал:

– Разве это несчастье на твою голову призвал я, или арбаб Рузи, или их милость наиб, или господин Кори?

Хамра Рафик ничего не ответил на эти слова. Может, ему нечего было ответить, а может, и было что сказать, да он не осмеливался теперь, когда гневный порыв его стих.

Арбаб Хамид невозмутимо продолжал:

– Мне известно только, что, когда ты во время праздника Красного Мака решил пойти на могилу святого Бахауддина Накшбенда, с тобой пошел и батрак арбаба Рузи – Турамурад. А когда ты на следующий день вернулся, Турамурада с тобой не было. Когда тебя спросили, куда он делся, ты ответил; «Я не знаю. Дорогой он расстался со мной, мы пошли в разные стороны». А среди людей прошел слух, что ты убил Турамурада и забрал у него деньги. И все же мы с арбабом Рузи не потащили тебя по одному лишь подозрению к казнию, мы помнили пословицу: «Подозрение лишает веры!». Их милость наиб хотели замять это дело, чтобы не волновать народ, но слух дошел до ушей казия и миршаба Бухары, и они приказали схватить тебя. Поневоле пришлось их милости найбу отправить тебя в город, и ты попал в тюрьму по

обвинению в убийства. А наша вина – арбаба Рузи и моя – только в том, что мы несколько дней хлопотали за тебя и освободили за пятьсот тенег. Когда б не мы, тебя казнили бы, или заставили выплатить за кровь убитого десять тысяч тенег, или ты сгнил бы в тюрьме.

– А другая наша вина, – прервал слова арбаба Хамида арбаб Рузи, – в том, что мы согласились на посредничество и заняли у содержателя чайханы при канцелярии казия пятьсот тенег и освободили тебя.

– Как видишь, ни я, ни арбаб Рузи не причинили тебе никакого зла. А разве к господину Кори мы тебя послали? – спросил арбаб Хамид у Хамра Рафика.

Хамра Рафик будто и не слышал этого вопроса, он ничего не ответил и не поднял глаза.

– Может быть, я послал тебя к господину Кори? – присоединил свой вопрос и заместитель казия. Хамра Рафик продолжал молчать.

– Эй! Посмотри-ка на меня и отвечай! – закричал разгневанный наиб. – Я, что ли, послал тебя к господину Кори?

– Нет! – пробормотал Хамра Рафик, но лица так и не поднял.

– Кто послал тебя к господину Кори? Ну-ка отвечай, скажи внятно, чтобы все слышали!

– Сам пошел!

– Врешь! С каких это пор ты знаком с господином Кори?

– Я знаю, его послал имам кишлака. Уж он-то знаком с господином Кори. Имам сказал ему, что он сможет взять долг с меньшим процентом и тем самым освободиться от притязаний почтенных жителей кишлака, – сказал арбаб Хамид.

– Позовите имама! – приказал наиб. – Как посмел он вмешаться в дело этого клязника!

– Мы уже побранили его за этот поступок. Не знаю – то ли он обиделся, то ли ему стыдно стало, но куда-то уехал, бросил свою мечеть! – ответил арбаб Хамид.

– Тебе, видно, не понравилось, что я к процентам присчитал проценты на проценты? – сказал Кори Ишкамба. – Если так, можешь каждый месяц приносить мне сорок две тенги – тогда тебе не придется платить мне лишних сто шестьдесят пять тенег!

– Где же мне их взять?! Круглый год копаешься в земле, откуда же будут наличные деньги каждый месяц? – вскричал Хамра Рафик. – У меня ведь только раз в год, когда созревают пшеница и дыни, бывают в руках деньги!

– А если так, чего же ты негодуешь? Вспомни-ка, ведь ты оторвал меня от дел, просил и молил приехать сюда! А теперь жалуешься на всех и на меня тоже. Если ты отказываешься от своего намерения, скажи – и я сейчас же вернусь в город. А что будешь делать дальше – знаешь сам да тот чайханщик.

Сказав это, Кори Ишкамба приподнялся с таким видом, будто тут же собирался ехать. Нет, Хамра Рафик не мог отказаться от денег. Через неделю или через десять дней его долг

чайханщику достигнет такой цифры, что ему не останется ничего, как тут же продать землю арбабу Рузи. Вот почему голос его зазвучал примирительно:

– Я понял все ваши расчеты дядюшка Кори, мне ничего не остается, как согласиться. Да уж очень обидно стало, когда вы взяли да ни с того ни с сего прибавили к тысяче тремстам шестидесяти девяти тенгам еще какие-то тридцать одну тенгу и довели мой долг до тысячи четырехсот!

– И эту сумму я прибавил не без причины, – объяснил Кори Ишкамба. – Ведь в городе я каждый день или, по крайней мере, через день угощаюсь у моих должников. Не стану же я ходить сюда из города и требовать угощения от тебя! Вот в счет этого я и прибавил тридцать одну тенгу! Если ты будешь угощать меня каждый день или через день – как это делают моя должники-горожане, – за год это обойдется много дороже. Я пожалел тебя и избавил от тяжелых расходов, присчитав к долгу всего тридцать одну тенгу!

– Ладно уж, поступлюсь этим! – сказал, обращаясь к Кори Ишкамбе, арбаб Хамид. – Ведь чем может угостить крестьянин? Разве что дынями, арбузами да луком! Как поедет Хамра Рафик в город продавать их, так завезет вам сколько-нибудь взамен угощения!

Кори Ишкамба согласился, наиб составил документ, обещав, что он завтра же поставит на него печать в канцелярии казия. Завтра Хамра Рафик получит у наива документ передаст его господину Кори, возьмет деньги, уплатит то, что причитается содержателю чайханы, а остальные деньги передаст арбабу Хамнду, чтобы тот поделил их в соответствии с принятым решением между всеми причастными к делу.

Наиб, его люди и Кори Ишкамба сели на лошадей, собираясь в обратный путь. Все присутствующие выстроились двумя рядами, готовясь проводить их до ворот. Не успели они выехать со двора, как к наibu подбежал какой-то юноша и закричал:

– Турамурад вернулся!

Турамурад был тем самым крестьянином, в убийстве которого обвиняли Хамра Рафика. Наиб сделал вид, будто ничего не слышал. Но дехкане, стоявшие у ворот, подняли крик. Со всех сторон слышалось:

– Турамурад вернулся! Выходит, Хамра Рафика оклеветали! А теперь нужно правителям возратить назад деньги Хамра Рафика, чтоб спасти его от разорения!

Вскоре подошел и сам Турамурад и стал здороваться с жителями селения. К нему подбежал Хамра Рафик.

– Здороваться будешь потом! Пойдем со мной, покажись наibu, скажи скорей, что я тебя не убивал!

Турамурад поспешно направился к наibu и низко ему поклонился. Хамра Рафик сказал наibu:

– Спросите теперь у него самого, убивал ли я его? Знал ли я, куда он ушел?

Наиб с видимой неохотой спросил Турамурада:

– Где ты пропадал?

– Я пять лет служил арбабу Рузи, – ответил Турамурад. – Ни одежды новой не видал, ни сыт не бывал. А тут дошла до меня весть, что сестра моя, – она замужем в Азизабаде, – захворала. Я попросил у хозяина пять тенег, хотел сходить повидать ее, он не дал. Обидело меня это сильно. Вот я и решил сбежать от него. Из кишлака я вышел с Хамра Рафиком, а на полпути покинул его и не сказал, куда иду. А когда я услышал, что Хамра Рафик попал в тюрьму за то, что будто бы убил меня, то сказал себе: «Будь что будет, вернусь, лишь бы освободить его».

– Господин, хочу слово сказать, – поднял руку арбаб Рузи и приблизился к наибу.

– Говорите!

– Я похоронил родителей этого мальчишки, затратив двести тенег. Его самого кормил, поил, одевал, растил. На это ушло тоже не меньше двухсот тенег. А когда он подрос, вместо того, чтобы помогать мне и своей ничтожной службой отплатить мне, он сбежал. Прошу вас, посадите его в тюрьму и накажите. Пусть это другим голодранцам послужит примером. А когда он раскается и станет биться головой о стенку, поручите мне его, пускай послужит в моем доме и погасит свой долг за похороны отца и матери, пускай расплатится со мной за расходы на него самого!

– Вы правы, – сказал наиб арбабу и, обратившись к своим людям, приказал: – Ну-ка свяжите этому юнцу руки да погоните за лошадьми. А после того – бросьте его в каталажку при моей канцелярии.

Служители наиба схватили Турамурада.

Дехкане, обрадовавшиеся его возвращению, – они надеялись, что это вызовет из беды Хамра Рафика, – совсем приуныли.

– Лучше бы ему не возвращаться! – огорченно говорили они. Но сам Турамурад смеялся.

– У людей сердце разрывается на части из-за твоего ареста, чего же ты смеешься, – удивился Хамра Рафик.

– Мне уже тридцать лет. В услужение к арбабу Рузи я поступил двадцатипятилетним. А смеюсь я потому, что если раньше богачи присваивали себе труд и заработок своих слуг, то мой хозяин крадет у меня мои годы – называет меня, взрослого мужчину, мальчишкой! Удивительно, что и их милость наиб тоже вслед за моим хозяином назвали меня юнцом.

– От тебя еще материнским молоком пахнет, а говоришь, что тебе тридцать лет! – возмутился тут Кори Ишкамба.

Наиб не оставил безнаказанной эту дерзость Турамурада и велел своим людям дать ему несколько ударов камчой и гнать лошадей, чтобы скорее убрать его с глаз. Распоряжение наиба было исполнено, и он со своим отрядом выехал из кишлака. Жители Бульмахуруна, весело смеявшиеся над нелепым видом Корн Ишкамбы, когда он въезжал в кишлак, теперь провожали отряд наиба гневными проклятиями и бранью.

XIV

Богатеям не понравилось, что Кори Ишкамба узнал дорогу в кишлак. Особенно это приводило в ярость арбаба Рузи – самого крупного ростовщика в кишлаках Сангсабз и Бульмахурон. Он не собирался терять прибыль, давая ссуду за шесть процентов. Не такой уж у него был капитал, чтобы тягаться с богачом вроде Кори Ишкамбы. Впрочем, больше денег его интересовала возможность прибрать к рукам землю дехкан, закабалить их. Добиться этого, давая ссуды под малый процент, было труднее и требовало более длительного времени. Он понимал, что если даже станет брать меньше, чем Кори Ишкамба, то и тогда дехкане предпочтут обращаться к ростовщику-горожанину: Кори Ишкамбе не нужна их земля, он не пойдет в кишлак заниматься земледелием.

Но арбаб Рузи не мог преградить Кори Ишкамбе путь в кишлаки ни при помощи местных властей, ни угрозами – он знал, что заместитель казикалана друг ростовщика и в любой момент защитит своего приятеля.

У арбаба Рузи была лошадь, потом он купил вторую и поставил в ту же конюшню. Поначалу обе лошади кусались и лягались, когда им давали корм, и обе оставались голодными. Постепенно они привыкли друг к другу и дружески делили ячмень и клевер. И случалось даже так, что если одна насыщалась, а другая еще продолжала есть, то первая ласково почесывала зубами шею второй.

Были у арбаба Рузи и две собаки. Хотя обе они выросли на одном дворе и привыкли друг к другу, стоило бросить кость, как они затевали драку, в ярости кусали друг друга, – шерсть летела клочьями, и в конце концов случалось, что кость не доставалась ни той, ни другой.

«Если между мной и Кори Ишкамбой установятся такие отношения, как между моими собаками, то ни ему, ни мне не извлечь выгоды из нужды дехкан в деньгах, а если поладим, то оба сумеем насытиться – в меру своего аппетита».

С этим решением он отправился к Кори Ишкамбе и договорился, что будет брать у него деньги из расчета по три тенги с сотни за месяц, а сам станет ссужать нуждающихся дехкан, как и раньше, по десяти или по восьми тенег с сотни, получая в залог их земли. Если за каким-нибудь должником деньги пропадут, то весь убыток он возьмет на себя, а Кори Ишкамба не потерпит никакого убытка.

Условия эти были выгодны Кори Ишкамбе, и все же временами собачья жадность брала в нем верх, он вскипал и выражал арбабу Рузи свое недовольство.

– Деньги мои, а выгоду извлекаете вы! Я получаю с каждой сотни только три тенги, а вы за мои деньги – от пяти до семи тенег с сотни! Разве это справедливо?!

В ответ арбаб Рузи рассказывал ему, как живут друг с другом его лошади и собаки, и говорил:

– Господин Кори, в своих отношениях с людьми берите пример с лошадей, а не с собак!

Эти слова успокаивали ростовщика. Действительно, у Кори Ишкамбы не было оснований быть недовольным своим соглашением с арбабом Рузи. Благодаря ему та часть его капитала, которая раньше лежала в банке и давала всего пять процентов годовых, приносила теперь доход в десять раз больший и притом без всяких забот, без опасения, что деньги могут пропасть. Сбылась мечта всей его жизни.

Был доволен этим и арбаб Рузи. Получив возможность оперировать большими суммами, которые предоставлял ему Кори Ишкамба, он стал брать в залог, а потом и захватывать в полную собственность такое количество земли, о котором раньше не мог и помышлять. Получая от дехкан закладные на землю не на год или два, как это было раньше, а на «востребование», он мог теперь при помощи наиба требовать со своих должников деньги в любой момент, даже в самое трудное для них время года – когда еще не был собран урожай.

Первой жертвой этих двух собак, «превратившихся в лошадей», был Хамра Рафик. Кори Ишкамба, по просьбе арбаба Рузи, потребовал у своего должника деньги в самый трудный сезон. Тот не смог их вернуть, и пять танабов прекрасной возделанной земли Хамра Рафика, стоивших десять тысяч тенег, перешли к арбабу Рузи за четыре тысячи.

Так как жадность все-таки не давала покоя Кори Ишкамбе, терзала ему душу и нет-нет да прорывалась наружу, арбаб Рузи решил пригласить его к себе на судебное разбирательство с дехканами и дать ему возможность увидеть своими глазами, ценой каких споров удастся ему урвать ту прибыль, которую он от них получает. Поэтому в день судебного разбирательства арбаб Рузи привел Кори Ишкамбу к себе домой и устроил угощение.

Стояла осень, но урожай был собран еще не весь. Коробочки хлопка раскрылись, початки джугары тяжелыми гроздьями свешивались со своих стеблей, колосья проса отливали золотом, осенние дыни пожелтели – так и манили взгляд!

Но дехканам кишлака Сангсабз, собравшимся у дома арбаба Рузи, было не до уборки урожая. Они сидели с печальными лицами по обе стороны ворот, как сидят люди, пришедшие на похороны. Однако во дворе не слышалось ни плача, ни причитаний. Напротив, оттуда доносились веселые голоса, шутки, смех – будто там происходила свадьба.

В доме арбаба Рузи шел пир. Украшением его были Кори Ишкамба и заместитель казикалана по округе в селении Гала-Асийа Мирза-ходжа по прозвищу «Раб желудка». Остальные места в просторной комнате для гостей занимали служители наиба и всякие прихлебатели – старейшины Сангсабза и Бульмахурана.

Когда были съедены все кушанья, а чай выпит, наиб сказал арбабу Рузи:

– Ну, можно начинать, день идет к вечеру!

– Очень хорошо, – согласился арбаб и поднялся со своего места. Открыв стоявший в нише ящик, он вынул из него узелок и передал наибу. В узелке хранились документы. Просмотрев их, наиб спросил у арбаба:

– А разве сегодня надо рассмотреть все?

– Да, придется рассмотреть все. Если часть дел отложим, то могут найтись люди, которые собьют с пути наших должников; ведь сказано, что «человека сбивает с пути человек».

Наиб взял в руки одну из закладных.

– Эта на имя Мухсина! – сказал он. – Начнем с нее?

– Нет, – ответил арбаб и пояснил: – Мухсин везде кричит, что вернул мне деньги, и, пока не приведет меня к присяге, никаких денег не даст! Сами понимаете, во время разбора дела он всякое наговорит, его пример подействует на других, у них тоже развяжутся языки. Благоразумнее разобрать его дело в самом конце.

Наиб выбрал другой документ.

– Этот на имя Шадмана, можно начинать с него?

– Можно! – ответил арбаб. – Первые деньги от господина Кори я ссудил именно ему. Это – поспевший раньше других плод с привитого нами дерева, первый результат нашей совместной деятельности.

Наиб приказал своим людям ввести Шадмана.

Один из служителей принес небольшую циновку и бросил ее у двери в ту комнату, где сидел наиб. Затем тот же служитель нашел среди дехкан, ожидавших за воротами, Шадмана и усадил его на циновку. За Шадманом вошли во двор и остальные дехкане. Они встали за его спиной.

Наиб обратился к арбабу:

– Сядьте на циновку и вы, рядом с тем, против кого возбуждаете тяжбу.

– Разве так уж необходимо и мне садиться на циновку? – недовольным голосом спросил арбаб.

– Да, уж тут ничего не поделаешь! По шариату, каждый, кто бы он ни был, при разборе иска должен сидеть рядом с ответчиком.

Арбаб Рузи, почесывая в затылке, с презрительной усмешкой нехотя вышел из комнаты и сел рядом со своим должником – Шадманом.

Наиб пробежал глазами документ.

– Кто Шадман, сын Юсуфа? – спросил он.

– Я, господин! – ответил дехканин.

– Верно ли, что ты три года назад взял у арбаба Рузи в долг тысячу тенег?

– Верно, господин!

– Верно ли, что за эту тысячу тенег ты заложил четыре танаба своей земли арбабу Рузи, а потом взял у него эту землю в аренду, с условием уплачивать ежемесячно восемьдесят тенег?

– Верно, господин!

– В закладной написано, что ты дал обещание вернуть деньги по первому требованию, а если не сможешь вернуть долг или внести арендную плату, обязан отдать арбабу свою землю. Верно ли это?

– Верно, господин!

– Теперь арбаб Рузи предъявил иск, в котором он пишет: «Если Шадман не вернет мне своего долга и арендной платы за год, прошу передать мне его землю». Вот ты в должен вернуть ему деньги или отдать землю. Что ты скажешь на это?

– Господин, – обратился к наибу Шадман. – В течение этих трех лет проценты на долг арбабу Рузи...

– Не говори «проценты», говори «плата за аренду земли»! Казикалан и его заместитель не разбирают тяжб по взысканию процентов, проценты запрещены законом ислама. В документе написано «плата за аренду земли»!

– Слушаюсь, – проговорил ответчик. – Все годы я выплачивал за аренду вовремя. Кроме того, я помогал арбабу по хозяйству, одалживал и своего быка, и осла, и серп, и кетмень. Прошу арбаба принять во внимание мои безвозмездные услуги и дать мне отсрочку недели на две, чтобы я успел снять урожай и уплатить долг!

– Что скажет арбаб? Дадим ему отсрочку? – спросил наиб арбаба.

– Нет, – заявил тот. – Не дам ни одного дня! Или пускай вернет мне деньги в вашем присутствии, или же передаст документы на землю.

– Истец не согласен дать тебе отсрочку, ты должен сейчас уплатить ему долг или же отдать землю – иного выхода нет! – вынес заключение наиб.

– У меня нет наличных денег.

– А где ты возьмешь их через две недели?

– У меня есть танаб трехлетней марены³⁶. Урожай с него почти покроет долг арбабу. А еще один танаб земли засеян у меня хлопком, он раскрылся, стал как цветник. Через некоторое время я соберу хлопок и продам, тогда у меня появятся деньги!

– Дайте уж ему отсрочку, если не на две недели, то хоть на десять дней! – предложил наиб арбабу. – Пусть ваш должник соберет урожай и добудет деньги,

– Нет! – сказал тот. – Как бог один, так и слово у меня одно. Не дам ни часу отсрочки!

– Делать нечего, – проговорил наиб. – Согласно документу, ты, Шадман, должен сейчас же отдать им деньги или землю!

– Чтобы отдать землю, надо ведь снять с нее урожай! – сказал Шадман.

– Господин, позвольте сказать! – обратился к наибу арбаб Рузи.

³⁶ Марена – многолетнее растение, из корней которого вырабатывают прочную краску для тканей.

– Говорите!

– Будьте любезны, прочтите еще раз закладную. Если в ней написано, что земля передается мне после снятия урожая, тогда я соглашусь, чтобы Шадман передал мне пустую землю, если этого в запродажной не сказано, то я требую, чтобы вы сейчас же оформили передачу земли со всем, что на ней растет.

Прочитав документ еще раз, наиб посмотрел на Шадмана и сказал:

– В закладной такого условия нет. Поэтому движимое имущество вроде кетменя, топора или сохи ты можешь взять, если они там, а собрать урожай не имеешь права, обязан передать арбабу землю со всем, что на ней растет.

– Не передам! – воскликнул Шадман решительно. – Не подчиняюсь такому несправедливому решению. Это грабеж! Не соглашусь, даже если сто раз отрежут голову!

– Что ты сказал? – грозно закричал наиб. Он привстал и снова сел. – Что ты называешь несправедливым, грабительским? Мое решение, согласное с шариатом, или требование арбаба Рузи? Что ты имел в виду?

– Мне все равно, кто решил, кто требует? Это несправедливо, грабеж это! – упорствовал Шадман.

– Верно он говорит, несправедливо это, не по закону! Грабите вы его! – заговорили дехкане, стоявшие за спиной Шадмана.

– Что кто за люди? – спросил наиб у своих помощников, указывая на дехкан.

– Тоже должники арбаба, ждут разбирательства своих дел, – ответил один из служителей.

– Сгоните их с суфы, вытолкайте за ворота! Когда придет их черед, вызовете по одному. Никто их не просил защищать тут интересы Шадмана!

Служители побоялись удалить дехкан силой, они обратились к нему вежливо, уговорили их сойти с суфы и выйти за ворота.

Когда дехкане удалились, наиб обратился к Шадману.

– Приговор шариата будет исполнен независимо от твоего желания. Четыре танаба земли со всем не снятым урожаем переходят к арбабу Рузи, а ты попадешь в тюрьму за то, что поносил шариат, заместители казикалана и такого уважаемого человека, как арба Рузи! – И он тут же распорядился: – Заприте пока этого преступника в конюшню арбаба Рузи, вечером заберем его с собой, а завтра отправим с сопроводительным письмом к господину защитнику шариата – казикалану.

Шадмана заперли в конюшне и стали вызывать одного за другим остальных дехкан для разбора их де Напуганные тем, что произошло с Шадманом, они безропотно соглашались отдать свою землю арбабу вместе со всем неубранным урожаем.

Дошла очередь и до Мухсина. Наиб посмотрел написанную на его имя закладную и сказал:

– Два года назад ты взял у арбаба Рузи полторы тысячи тенег и запродавал ему за эту сумму свою земли. Верно ли это?

– Верно, я заложил свои шесть танабов земли, оформил сделку по закону шариата, как написано закладной, и взял их у арбаба в аренду. До этого года я вовремя выплачивал им арендную плату, а месяц назад я вручил арбабу взятые в долг полторы тысячи тенег и тем самым полностью выкупил свою землю, – ответил Мухсин.

– Почему же ты не взял у них закладной, когда вручал им и свой долг, и арендную плату?

– Я принес деньги вечером и тогда же просил их вернуть мне закладную, но они сказали: «Вечером трудно найти твой документ среди других, найду его завтра днем, при свете и отдам», – и уверили меня, что все в порядке. А когда на другой день я спросил свою закладную, они стали отрицать, что получили деньги, да еще стали гнать меня, будто я разгневал их. А теперь требуют немедленно вернуть долг или землю! Деньги я отдавал уже затемно, вечером. Кроме бога, другого свидетеля у меня нет! – сказал Мухсин и, вытащив из-за пазухи какую-то бумажку, протянул ее наибу.

Служитель, стоявший у циновки, где сидели истец и ответчик, взял ее из рук Мухсина и передал наибу.

Наиб, внимательно просмотрев бумажку от начала до конца, сказал арбабу Рузи:

– Это заявление ответчика. Он отрицает иск. Мухсин пишет, что дал вам деньги, а закладная осталась у вас в руках. Он просит казия, судящего по законам ислама, заставить вас вернуть ему закладную. О том, что этот ответный иск соответствует положениям шариата, на полях документа имеется заключение законоведов; несколько бухарских муфтиев подтвердили свое заключение, приложив печати. – Разъяснив это, наиб спросил у арбаба Рузи: – Действительно ли вы получили сполна свои деньги и задержали у себя закладную?

– Я понятия не имею об этом! От Мухсина я денег не получал!

Наиб обратился к Мухсину:

– Ты можешь представить свидетелей для подтверждения своего притязания или будешь приводить арбаба к присяге?

– У меня нет ни документа, ни свидетелей, я прошу привести арбаба к присяге! Пускай арбаб поклянется, что не брал у меня денег, и я в вашем присутствии отдам сам деньги вторично и отберу свою закладную, – ответил Мухсин.

Наиб решил отложить разбор тяжбы до следующей недели, пообещав, что, если до тех пор стороны не договорятся миром, он вернется к разбору их дела, приведет арбаба к присяге и взыщет с Мухсина долг...

* * *

– Никто больше не верит ни вам, ни вашему шариату, – сказал арбаб. встав с циновки, на которой он сидел во время разбирательства.

– Почему, почему? – воскликнул наиб в замешательстве.

– Вы всегда твердите, что шариат в наших руках, что мы всегда можем использовать его в своих интересах. Что же случилось сегодня? Почему вы повернули дело в пользу Мухсина?

– Верно, я действительно говорил, что шариат в наших руках, – согласился наиб, – но никогда не утверждал, что шариат в моих руках. Ведь, кроме меня, у шариата есть и другие хозяева – муфтии. Они, конечно, указали Мухсину этот путь не бесплатно – им тоже надо есть хлеб при помощи шариата. Если я пренебрегу их решением, записанным на полях заявления Мухсина, они меня в живых не оставят!

– Значит, и на следующей неделе для меня не найдется способа выиграть тяжбу с Мухсином?

– Такой способ есть, – сказал наиб. – Надо принести присягу и получить таким образом деньги.

– Присяги я не дам! – воскликнул с раздражением арбаб.

– Почему же? Клянетесь же вы ежечасно без всякой к тому нужды?

– Это совсем другое! Когда клятва, как простое слово, сорвется с уст, никакого значения она не имеет! А того, кто дает ложную клятву в присутствии казиза, сидя на циновке, люди избегают как проклятого, относятся к нему с презрением.

– Я знаю способ, против которого и присяга, и решение муфтиев ничего не смогут поделать, – сказал Кори Ишкамба.

– Так укажите мне его! Если мне удастся выиграть иск у Мухсина, я до Страшного суда буду обязан вам!

– Дело Мухсина вы уже проиграли, не надейтесь одолеть его, – сказал Кори, – а в будущем поступайте с дехканином по-другому, следуйте моим путем.

– Каким? Говорите, не тяните! – вскричал арбаб Рузи.

– Обещайте, что выгоду от моего способа будем делить пополам, тогда я укажу мой путь, – отвечал Кори Ишкамба.

– Тысячу раз обещаю, обещаю в присутствии господина наиба, что весь доход буду делить с вами!

– Тогда слушайте! Этот путь – вексель! Вместо запродажной, которую оформляют казии, надо применять русский вексель, – ответил Кори Ишкамба и стал собираться в дорогу.

XV

После того как Кори Ишкамба своими глазами увидел в доме арбаба Рузи, как ведутся тяжбы с должниками, он заключил с арбабом новое соглашение – соглашение о ростовщических операциях, оформляемых по векселю. По новому условию, прибыль, извлекаемая арбабом Рузи от опротестования векселя, делилась пополам с Кори Ишкамбой. На Кори лежала обязанность руководить арбабом в оформлении векселей, указывать ему пути взыскания по ним.

Первой жертвой они наметили того же Мухсина.

Кори Ишкамба, стремясь расположить его к себе, повидался с дехканином перед возвращением в город и выразил свое неудовольствие поведению арбаба.

– Ну и бессовестный же у вас арбаб! – стал он возмущаться. – У меня взял деньги из расчета по три тенги в месяц с сотни, а тебе, оказывается, ссудил их из расчета девяти! Да разве может быть большая несправедливость?! Я довольствуюсь тремя, а этот мироед получает шесть! И ему еще мало этого. – Показав таким образом Мухсину, что и он обманут арбабом, ростовщик предложил свою помощь: – Как придет нужда в деньгах – приходи ко мне в город. Уж я тебя не обману!

Одержав при повторном разбирательстве полную победу над арбабом, Мухсин отправился в город к Кори Ишкамбе.

Кори принял его очень любезно и расспросил, чем кончилось дело.

– А чем оно могло кончиться? Арбаб отказался давать присягу. Понятное дело, наibu пришлось вынести решение в мою пользу, он признал иск неосновательным, тут же потребовал у него мою закладную и отдал мне!

– Молодец! – воскликнул с восхищением Кори Ишкамба. – Ты далеко пойдешь. Но тебе, верно, это дорого обошлось? Сколько ты истратил?

– Восемьсот тенег. Я дал каждому из четырех муфтиев по двести.

– Наверное, дал что-нибудь и наibu?

– Понятно, дал, – сказал Мухсин. – Не подмажешь, не поедешь. И ему смазал глотку двумястами. Да он потому и отложил тяжбу на неделю, что у него чесалась глотка!

– Выходит, ты потратил тысячу тенег, чтобы не давать арбабу тысячи пятисот?

– Если вдуматься, выходит так, – ответил Мухсин. – Да главное не в этом! Я вызволил из рук арбаба свою землю и унизил его перед всем миром, и друзья и враги узнали, каков он, люди

поняли, что и на сильного есть управа. А денег я потратил больше: на тысячу тенег, что я израсходовал на это дело, уже выросло триста тенег процентов.

– Да что ты? – всплеснул руками Кори Ишкамба. – У кого же ты занял эти деньги и на каких условиях?

– У посредника между муфтиями и нами. Муфтии торгуют шариатом, да нам без посредника не получить от них заключения и решения. Приходится платить в день по десять тенег с сотни!

– Ух, ух! – произнес Кори Ишкамба с сожалением. – Как же ты выдержал такие тяжелые условия, почему сразу не пришел ко мне?

Кори Ишкамба делал вид, что жалеет Мухсина, на самом же деле он терзался от сознания, что еще один «жирный кусок» пролетел мимо его рта. Его пальцы алчно зашевелились, как бы подсчитывая, сколько тенег набежало бы на каждую сотню в месяц.

– Откуда мне было знать? Я считал вас близким другом арбаба Рузи и не думал, что одолжите мне денег, раз я их против него использую.

– Во-первых, ростовщик ростовщику другом быть не может. Ростовщики всегда враждуют, как кошка с собакой. А во-вторых, мне не по душе, что он дает мне с сотни три тенги, а сам берет с дехкан восемь или десять... Это несправедливо и по отношению ко мне, и по отношению к бедным дехканам...

– Если хотите сделать мне добро, еще не поздно! – сказал Мухсин. – Дайте мне в долг на больший срок да под меньшие проценты, и я вырвусь из рук посредника – торговца заключениями.

– А сколько тебе надо, чтобы освободиться от него?

– Сегодня мой долг достиг тысячи трехсот десяти тенег. Завтра к ним прибавится еще десять. Вот из этого расчета и дайте мне.

– Коли так, возьми уж сразу тысячу четыреста тенег. Окажется лишнее – потратишь на свои нужды! – А сколько вы хотите процентов?

– На четыре тенги меньше, чем ты платил арбабу Рузи, то есть с сотни пять тенег в месяц, только срок уплаты надо определить теперь же.

– Думаю, что на будущий год после сбора урожая я смогу выплатить и долг и проценты.

– Значит, полный год?

– Да, ровно год! – подтвердил Мухсин. Потом спросил: – А на сколько танабов своей земли должен я оформить закладную?

– Не нужна мне закладная. Достаточно, если дашь мне вексель на деньги, которые получишь. К ним я прибавлю сумму, которую составят проценты.

Мухсин был и обрадован, и удивлен, и испуган словами Кори Ишкамбы. Он обрадовался, что Кори Ишкамба сказал «мне твоей земли не надо». Удивлен был доверием Кори Ишкамбы.

Шутка сказать – дает деньги без закладной! Но сейчас он впервые услышал от Кори Ишкамбы о новом документе, называемом «вексель», и потому его охватил страх.

«Что еще за штука – вексель? – раздумывал Мухсин. – А вдруг тут что-то кроется, и дело обернется не в мою пользу? – Но тут же он стал себя успокаивать: – Не может этого быть. Кори – чтец Корана, аккуратно совершает все пять ежедневных молитв, не может такой человек причинить зло бедному землепашцу, да к тому же попавшему в беду! Недаром же назвал он арбаба Рузи бессовестным! Неужто сам станет поступать так же?!

По тому, как глубоко задумался Мухсин, Кори Ишкамба почувствовал, что тот колеблется. Желая рассеять его сомнения, Кори сказал:

– Я пожалел тебя в твоём несчастье, потому и не потребую бумаги, оформленной у казия, – ведь на нее много расходов! Я тебе доверяю и хочу дать деньги безо всякого документа. Только вот беда – векселя нужны мне для моих дел в банке. Приходится брать и у тебя вексель. Не подозревай ничего худого, не сомневайся!

Мухсин еще колебался.

– А зачем вам вексель для ваших дел в банке?

– Какой же ты недоверчивый человек! – рассмеялся Кори. – Слушай, объясню: я возьму, к примеру, у тебя вексель на две тысячи тенег, понесу его в банк а заложу – мне могут дать ссуду в тысячу тенег, и я залечу ими кое-какие свои болячки! Другое дело – закладные. Будь их хоть полный мешок, банк не примет их и за копейку!

Кончилось тем, что Мухсин согласился дать вексель.

– Когда я смогу дать вам вексель и получить деньги? – спросил он.

– Приходи завтра утром! – сказал Кори Ишкамба, – Да, кстати, ты грамотный? Расписаться на векселе сумеешь?

Дехканин понуро опустил плечи.

– Откуда мне быть грамотным! Я ведь простой землепашец.

– Ну, не беда, у нотариуса кто-нибудь распишется за тебя!

* * *

На другой день Кори Ишкамба и Мухсин поехали в Каган. Сложив оплату оформления векселя, расход на нотариуса, деньги, которые придется дать тому, кто подпишется за Мухсина, проценты за весь год и прибавив эту сумму к тысяче четыреста тенгам, которые брал в долг Мухсин, ростовщик довел ссуду до двух тысяч четырехсот тенег. В переводе на русские деньги

получилось триста шестьдесят рублей. Тогда он вошел в здание банка и вынес оттуда купленный им вексель на эту сумму. Затем он разыскал грамотного человека, который мог бы поставить свою подпись за Мухсина, и все трое – Кори Ишкамба, Мухсин и грамотей – вошли в контору нотариуса. Там, в присутствии нотариуса, этот человек расписался за неграмотного Мухсина на «белом» векселе, в котором была проставлена сумма в триста шестьдесят рублей, но срок уплаты не указывался. После него расписался нотариус, скрепивший свою подпись печатью.

Уплатив нотариусу и тому, кто подписывал за Мухсина, Кори Ишкамба вышел из конторы и, взяв себе вексель, передал Мухсину тысячу четыреста тенег. При этом он сказал:

– Видишь, какой хороший документ вексель! Он не требует никаких хлопот и расходов. Для того чтобы дать вексель и получить деньги, не надо платить казикалану за печать, его писцу – за писанину, его помощникам за услуги, наибу – за его помощь, не приходится и на магарыч давать старейшинам и арбабу селения. Скажем прямо – здесь не нужно нести никаких лишних расходов, не нужно закладывать землю. – Объяснив таким образом все преимущество векселя, Кори Ишкамба продолжал: – С помощью векселя я могу освободить нуждающихся дехкан вашего селения из когтей арбаба Рузи и подобных ему ростовщиков. Они только и думают, как бы оттягать у вас землю. Расскажи об этом своим друзьям и соседям!

– Хорошо, обязательно расскажу! – обещал Мухсин, расставаясь с Кори Ишкамбой.

* * *

Спустя два месяца после того, как Кори Ишкамба дал Мухсину деньги под вексель, в кишлаке Сангсабз в доме арбаба Рузи опять происходила небольшая пирушка. Из наших старых знакомых присутствовала только Кори Ишкамба, наиб Мирза-ходжа и его помощники. Почтенных жителей кишлака на этот раз не пригласили.

Зато в пиршестве принимали участие два новых человека. Один из них лет сорока, среднего роста, с бледным лицом. Борода у него, вопреки бухарскому обычаю, была подстрижена, а над губами были короткие усы. Судя по халату – на шелковой ткани с крупным узором, оттороченному широкой тесьмой, он был из служилых людей. Голову его украшала белая чалма «репкой», которую носили только весьма образованные люди и чиновники. Под халатом виднелась одежда, похожая на европейскую. Обут этот гость был в бухарские хромовые сапоги.

Второй гость – рыжеватый, безбородый, безусый – одет был по-европейски. Он был высок, сухощав, строен.

Угощение в этот день подавалось, вопреки обычаю, не на разостланной на полу скатерти. Посреди комнаты стоял стол, высотой с пол-аршина, покрытый белой скатертью. Кори Ишкамба, наиб и его люди, как и в прошлые разы, угощались жареными курами, бараниной, жирным пловом и другими местными кушаньями. А тем двум подавали различные европейские

блюда вроде котлет и жаркого. Они, в отличие от остальных, не ели руками – резали мясо ножами, подхватывали его вилками.

Перед ними стояли два хрустальных бокала и две бутылки. На бумажках, наклеенных на бутылках, было выведено пять золотых звездочек, под которыми шли золотые буквы, непохожие на арабские.

Кори Ишкамба раньше всех запустил руку в блюдо с едой и изо всех сил старался съесть больше других, но взгляд его прикован был к бутылкам. Один из городских гостей взял в руки бутылку и стал читать надпись; Кори Ишкамба не выдержал и спросил:

– Что это такое?

– Это коньяк! – улыбнувшись, ответил гость.

– А что такое коньяк?

– Это лекарство! Оно дает силу старикам и увеличивает аппетит таких любителей поесть, как вы! – Гость налил в бокалы себе и своему товарищу. – Хотите – предложил он, – я налью и вам пиалу этого лекарства?

– В возбудителях аппетита я не нуждаюсь! Но если позволите, присоединюсь к вам и попробую эти новые блюда! – сказал Кори Ишкамба и, не дожидаясь ответа, тут же сгреб руками половину котлет к себе на блюдо с пловом и, не произнося больше ни слова, принялся набивать свой огромный рот...

* * *

Ублажив желудки обильной пищей, наиб сказал гостю в европейской одежде:

– Теперь можно приступить к делу!

– Да, надо начинать, время уходит! – согласился гость.

– Позовите сюда Мухсина, Сафарали, Пулада, Тимура и других должников! – приказал наиб своим людям.

Гость, одетый полуевропейски, открыл свой портфель, битком набитый сложенными в пачки векселями. Выбрав из одной пачки несколько векселей, разложил их у себя на коленях.

Люди наива привели дехкан-должников и посадили их на суфе перед дверью, Увидев это, тот же чиновник сказал:

– Введите их в комнату для гостей, здесь ведь не канцелярия казия или наива!

После того, как служители наива привели должников и усадили их напротив новых гостей, чиновник в полуевропейской одежде взял один из векселей, пробежал его глазами, затем обратился к должникам:

– Кто из вас Мухсин?

– Я! – откликнулся дехканин.

– Ты брал у господина Кори Исматуллы в долг триста шестьдесят рублей. А теперь господин Кори требует свои деньги. Ты должен сейчас же заплатить долг!

– Я получил от господина Кори наличными деньгами двести рублей. Сто пятьдесят рублей – это проценты за год и расходы по оформлению векселя, – возразил Мухсин. – Как же теперь, когда прошло всего два месяца, с меня требуют уплатить долг, в который входят проценты за целый год?

– Говори короче! – оборвал его гость. – Уплатишь немедленно триста шестьдесят рублей или нет? Отвечай: да или нет!

– Как же я могу уплатить через два месяца сумму, в которую вошли проценты за целый год? – повторил свой вопрос Мухсин.

– В векселе не написано, на какой срок ты получил деньги. По такому векселю господин Кори имеют право потребовать с тебя деньги не только через два месяца, но и на другой день! Хорошо еще, что они два месяца о тебя ничего не требовали. Это большая любезность с их стороны! А уж раз они теперь требуют, ты должен уплатить сейчас же!

– Неужто я должен платить проценты за целый год?! Я ведь продержал деньги всего два месяца! – не унимался Мухсин.

– Нас не касается – будешь ты платить годовые проценты через два месяца или через год! Наше дело получить с тебя по этому векселю сегодня же! Таков закон!

– Это закон его величества императора – царя России, – закричал арбаб Рузи. – Это тебе не приговор шариата, не закладная из канцелярии казния, чтоб ты мог подмазать муфтиев взяткой, подать встречный иск и грабить человека! – В голосе арбаба звучало злорадство.

– Вексель его величества императора – он не только улемов, он и камень пробьет! – добавил наиб.

– Что за несправедливость, что за... – чуть не плача, заговорил Мухсин.

– Закрой свой рот, а то лишишься языка! Как ты смеешь называть несправедливыми законы императора! Вот я сейчас прикажу, чтоб тебе вырвали язык! – гневно воскликнул наиб.

– Нечего тратить попусту время. Раз долг не возвращен, надо продать имущество должника с торгов! – сказал гость в европейской одежде.

Приняв решение продать с аукциона землю и все добро Мухсина и таким образом выручить триста шестьдесят рублей, чиновник вызывал одного за другим Сафарали, Пулада и других должников. Их имущество постигла та же участь.

Последним была очередь Тимура. Тимур всего за неделю до того получил у Кори Ишкамбы в долг тысячу тенег, к которым были приписаны проценты за два года. Вексель ростовщик взял у него на две тысячи тенег, то есть на триста тридцать рублей.

Когда его вызвали и задали те же вопросы, что Мухсину, Тимур принялся кричать и вопить, как безумный:

– Не буду я платить проценты за два года, неделя всего прошла! Убью того, кто купит мою землю, самого себя убью!

Гость грубо прикрикнул на Тимура:

– Замолчи, деревенщина! Знаешь, кто перед тобой? Я переводчик казикалана по вексельным делам, а это – судебный исполнитель каганского суда. Дикари вроде тебя не стоят культурного обращения. С вами надо поступать также по-дикарски! – Он несколько раз огрел нагайкой Тимура и приказал людям наиба арестовать его.

После опроса всех должников, из которых никто не смог уплатить долг, вся компания – судебный исполнитель, переводчик казикалана, наиб со своими людьми и Кори Ишкамба – отправились на поля осматривать земли должников, чтобы определить их стоимость для продажи с аукциона.

На аукцион собралось много народа, но, кроме арбаба Рузи, никто не смог принять участие в торгах. Поэтому каждый танаб земли, стоивший две – две с половиной тысячи тенег, был продан Рузи по четыреста – пятьсот тенег.

По окончании торгов переводчик обратился к наибу:

– Сейчас мы поедem в селение Харгуш, и там надо решить дела с вексельями, а на обратном пути опять заедem к арбабу Рузи. Пусть покончит с расчетами и ждет нас. – С этими словами он влез в фаэтон вместе с судебным исполнителем, и они отправились в селение Харгуш.

Когда гостей проводили, Кори Ишкамба обратился к арбабу Рузи:

– Давайте теперь закончим расчеты между нами.

– А какие еще между нами расчеты! Вы благодаря вексельям получили с должников деньги с процентами за год и за два, хотя ссудили их только на днях, а я завладел землей, о которой мечтал всю жизнь. Как говорится: «Письмо закончено, засим – привет». Какие же еще остались расчеты?!

– Так вы же при помощи моих вексельных комбинаций за двенадцать тысяч получили землю, которая стоит тридцать тысяч тенег!

– Это моя законная доля, – заявил арбаб.

– Ни в коем случае! – возразил Кори Ишкамба. – Разве не обещали вы в присутствии наиба делить со мной пополам доход от игры на вексельях?!

– А другие расходы вы принимаете во внимание?

– Какие еще расходы? – притворно удивился Кори Ишкамба.

– Я уж не говорю о расходах на угощение, – сказал арбаб Рузи. – Но разве не следует дать что-нибудь за услуги наибу с его людьми, ведь они присутствовали при нашем деле?

При этих словах арбаба Рузи наиб кивком выразил свое согласие. Кори не счел возможным отрицать, в присутствии наива необходимости дать что-нибудь ему и промолчал.

– И переводчику, и судебному исполнителю тоже ведь надо дать на водку! – заметил тут наиб.

– Разве мало им коньяка, который они здесь выпили? – спросил Кори Ишкамба.

– Конечно, мало! – сказал наиб. – Вы ведь слышали, что на обратном пути они собираются захватить к арбабу, «чтобы закончить все расчеты». Разве непонятно, что им нужно приготовить деньги?

– Да вы, оказывается, понимаете их язык, – проговорил Кори Ишкамба.

– Конечно, понимаю! – согласился наиб. – Разве не сказано, что «волчий язык понимают волки».

– Хорошо, пусть на все эти расходы уйдет тысяча. А что с остальными семнадцатью тысячами?

Наиб увидел, что ростовщики, как злые псы, сцепились не на шутку. Он подсчитал прибыль, полученную Кори Ишкамбой и арбабом Рузи, и разделил ее пополам, установив между ними «волчий мир».

* * *

Однажды в пору созревания дынь мой товарищ по медресе, сын дехканина из Шуркуля, пригласил меня и других своих приятелей отправиться в кишлак полакомиться дынями. Один из приглашенных нашел арбу, другой – достал лошадь. Но упряжи у нас не было. Вместо подруги и чересседельника мы пустили в ход веревку, а из старого халата скрутили что-то вроде хомута. Владелец старого халата взял на себя обязанности возницы и сел в седло. А мы все – нас было пятеро – влезли на арбу и отправились в путь.

Скоро выяснилось, что наш возница явно не умеет ладить с лошадью. Она натыкалась на ворота, на глинобитные стены, еле пробираясь с арбой по тесным, извилистым улицам Бухары. В конце концов арбакеш³⁷ все же вывез нас к городским воротам. Немножко освоившись в седле и привыкнув к лошади, пока мы ехали по городским закоулкам, наш товарищ, как только мы очутились на ровной загородной дороге, стал править гораздо уверенней. Когда же мы выехали на дорогу к Шуркулю, миновав площадь, он стал действовать свободно и ловко, как прирожденный арбакеш. В восторге от своих «успехов», он уселся на лошади боком и, обернувшись к нам, стал забавлять нас шутками и остротами. Время от времени он хлестал лошадь камчой, заставляя ее ускорить шаг, а сам громко распевал.

³⁷ Арбакеш – возчик на арбе, двухколесной подводе.

Наш путь лежал между площадью Машки Сарбаз, где обучали солдат, – от нее нас отделяла широкая канава, полная воды, – и загородным эмирским садом под названием Дилкуш.

За оградой на дереве сидела девушка, вероятно, дочь садовника, и собирала сливы. Наш возница громко распевал. Девушка тоже запела, то ли просто сама по себе, то ли ее вдохновила песня нашего приятеля.

Слива, слива, сливонька.

Слива, слива, сливонька.

Уж в саду созрела слива, приходи!

Без тебя тоскливо, приходи!

Удалой возница не оставил ее песню без ответа. Сдвинув набекрень чалму, кинув узду на шею лошади, привстав в седле, он устремил взгляд на сливовое дерево, листва которого скрывала девушку, и ответил:

Как агат, черны твои глаза,

Пусть не затуманит их слеза.

Почему печалишься, скажи,

Я пришел в твой сад, моя краса.

Видимо, девушке очень понравилась ответная песня: она сорвала сливу и кокетливо кинула ее в певца, но нечаянно угодила в морду лошади. Животное испуганно шарахнулось в сторону, никем не управляемая арба накренилась, левое колесо попало в канаву, потом повалилась вся арба.

У меня давно вошло в привычку быть внимательным в минуты опасности. Ехать на арбе с неопытным арбакешем было явно опасным делом, поэтому, едва колесо арбы попало в канаву, я тут же, прежде чем арба опрокинулась, прыгнул на другую сторону канавы. Мои товарищи не проявили предусмотрительности и вместе с арбой и лошадьёю угодили в канаву.

Лошадь лежала на боку и дрыгала всеми четырьмя ногами, пытаясь встать, но старания были тщетными, она не могла освободиться от упряжки. От резких движений положение животного только ухудшилось – хомут, подпруга и чересседельник давили ее больше, увеличивая ее страх.

Мои спутники вылезли из воды, стащили с себя мокрую одежду и принялись ее выжимать. О спасении лошади никто не думал, да и не знал, как это сделать. Правда, товарищ наш, выпросивший лошадь у своего знакомого, сокрушался, предвидя неприятное объяснение с ее владельцем.

По дороге из города шел молодой сарбаз. Увидев, что с нами приключилась беда, он снял с себя форму и, оставив ее на обочине дороги, обратился к нам:

– Есть у кого нож?

Наш «арбакеш», надеясь полакомиться дыней, взял с собой нож и, как заправские арбакешы, повесил его в футляре за пояс.

– У меня есть нож, – сказал он.

Сарбаз спустился в канаву, обрезал веревки, заменявшие подпруги и скреплявшие концы самодельного хомута. Оглобли арбы поднялись кверху, лошадь, почувствовав себя свободной от пут, живо вскочила на ноги и выбралась из канавы. На берегу она встряхнулась, во все стороны разбрызгивая воду.

Молодой сарбаз связал концы веревки, запряг лошадь в арбу, наш возница снова забрался в седло, и мы поехали дальше. Сарбаз натянул на себя свою форму и пошел следом за нами.

– Братец, иди садись к нам! – позвал я его.

Он взглянул на меня, саркастически улыбнулся и одним прыжком вскочил на арбу. Его улыбка показалась мне насмешливой, и я смутился. «Хотел бы я знать, почему он смеется надо мной?» – подумал я и спросил:

– Куда ты, братец, направляешься?

– В селение Шанбен, – ответил юнец, снова усмехнувшись.

Усмешка показалась мне явно неуместной, и я спросил его удивленно:

– Что ты смеешься надо мной?

Молодой сарбаз ответил, широко улыбнувшись:

– Да вот вы все называете меня братцем, а ведь по летам я вряд ли гожусь вам в младшие братцы. Вам, верно, лет двадцать пять – двадцать шесть, а мне уже сорок!

– Откуда же мне было знать, что вам сорок! – сказал я, переходя на «вы». – По внешнему виду вам семнадцать – восемнадцать.

– Не удивительно, что вы приняли меня за юношу, – сказал сарбаз примирительно. – Судьба создала меня безбородым, ростом я невелик, кость тонка, вот вы и приняли меня за юнца. Но когда вы назвали меня братцем, я вспомнил один случай из моей жизни – это было десять лет назад. Тогда меня тоже назвали братцем.

– Какой случай? Расскажите, – попросил я.

– В тридцать лет у меня сил и энергии было побольше, понятно, чем теперь. Хозяин мой хорошо знал, сколько мне лет. Однажды я потребовал деньги за работу – пять лет проработал на него! Хозяин не захотел платить и сказал заместителю казикалана: «Ну что мог наработать этот ребенок?». Я заявил наibu, что мне тридцать лет, а тут один человек из города по имени Кори Ишкамба поддержал моего хозяина и с издевкой заметил, что я еще молокосос!

Я уже говорил, что меня интересовало все, что касалось Кори Ишкамбы, поэтому, услышав из уст сарбаза его имя, насторожился. Сарбаз рассказал мне историю, уже известную читателю. Сарбаз оказался тем самым Турамурадом, которого арбаб Рузи при помощи заместителя казия

засадил в тюрьму, желая принудить служить себе. Турамурад согласился вытерпеть все тяготы, все тюремные муки, перенести пытку миршаба, лишь бы не возвращаться к арбабу Рузи.

Турамураду неоткуда было достать денег, чтобы выволить себя из тюрьмы. В конце концов слугителя миршаба продали его одному человеку, у которого брат бежал из армии, – тому надо было сдать кого-нибудь взамен сбежавшего. Они поделили деньги между собой, а Турамурад попал в солдаты.

– А Кори Ишкамба продолжает бывать у вашего бывшего хозяина, арбаба Рузи? – поинтересовался я.

– Нет. Плохо кончилось тогда для них дело: арбаб Рузи погиб, а Кори Ишкамба перестал появляться в Сангсабзе и Бульмахуроне, даже из города боится выезжать с тех пор.

Оказалось, что когда арбаб Рузи в том же году, по совету Кори Ишкамбы пустил в ход векселя и стал отнимать у дехкан землю, доведенные до отчаяния бедняки напали на его дом, убили арбаба, разграбили все, что было ценного, а усадьбу подожгли.

Тут наша арба свернула на узкую проселочную дорогу в Шуркуль. Сарбаз Турамурад прыгнул, распрощался с нами и отправился в сторону селения Шанбен.

XVI

За базарным перекрестком, известным у бухарцев под названием Сесу – там скрещивались три улицы, – на правой стороне узкого крытого проулка стоял небольшой караван-сарай. Как-то, проходя мимо, я увидел у ворот толпу, – все стремились войти внутрь, но здоровенный смотритель никого не пропускал. Опершись спиной о косяк ворот, он преграждал вход своей толстой дубиной.

Через открытые ворота хорошо был виден двор, там толпились люди миршаба и кушбеги, сновали слугители казикалана и чиновники градоначальника Бухары. Все они оживленно переговаривались между собой. Среди них метался Кори Ишкамба. Его большая чалма спустилась на затылок, он раскачивался из стороны в сторону, как плакальщица, рвал на себе бороду, царапал ногтями лицо, крича:

– Пропал я! Беда пришла, погиб я!

По щекам Кори Ишкамбы текли струйки крови. Рыданья перехватывали ему горло, и он начинал завивать, как пес, застрявший под оградой чужого сада и избиваемый при этом садовником.

Оказалось, что прошедшей ночью воры разобрали крышу над худжрой Кори Ишкамбы, которую он снимал в этом караван-сараяе, и взломали сундук с деньгами.

Люди миршаба обнаружили следы трех лиц, следы шли от склада «Кавказ», вниз по ступенькам, через перекрытие коридорчика, выходящего в проулок, к крыше этого небольшого караван-сарая, прямо к тому месту, под которым находилась худжра Кори Ишкамбы. Обратном

следы вели тем же путем к складу «Кавказ» – к лестнице на второй этаж, к всегда запертой двери, ключ от которой хранился у сторожа склада.

Следы эти дали людям миршаба основание заключить, что смотритель знает кое-что об этом деле. Предположили даже, что он сам возглавил шайку, совершившую кражу. Это предположение подтверждалось сообщением Кори Ишкамбы.

– Ни один человек, кроме сторожа склада «Кавказ», не знал, что я прячу деньги в этой худжре и в этом сундуке! Вчера, когда я клал в сундук эту сумму – а она для меня все равно что жизнь и даже дороже самой жизни, – со мной был как раз этот смотритель! Мы с ним вместе принесли сюда деньги.

На основании этих доводов Кори Ишкамба определял вора, с рыданиями пришел он к кушбеги и главному казию, доложил о случившемся, взял с собой их помощника и чиновника по особым поручениям и поспешил в склад «Кавказ», чтобы арестовать сторожа.

Тот встретил представителей власти без всякого смущения и, не проявляя никакого беспокойства, сказал, иронически улыбаясь:

– Я готов идти к правителям и доказать, что этот кровопийца-ростовщик зло клеветает на меня. Только я не могу отлучиться без разрешения управляющего, на могу оставить склад с товарами – товарищество «Кавказ и Меркурий» поручило мне охранять его, я за него отвечаю.

После такого объяснения он повел всех к управляющему конторой. Управляющий сказал людям миршаба следующее:

– Во-первых, я уверен, что мой сторож – человек честный! Ему поручен целый склад, набитый товарами. Он служит у нас уже несколько лет, и за это время ничего не пропадало. Во-вторых, мой сторож подданный Российского государства, у него царский паспорт, и вы не имеете права тащить его к бухарским судьям. Ступайте к господам главному министру и к казикалану и разьясните эту деталь.

Сторож склада «Кавказ» был коренным бухарцем, но в тот день выяснилось, что он, подобно некоторым другим жителям Бухары, перешел в русское подданство. А так как бухарское правительство не имело права привлекать к ответственности и судить по шарияту русских подданных, Кори Ишкамба так ничего и не добился.

После этого происшествия Кори Ишкамба долго ходил по улицам, как потерянный. Каждому встречному он рассказывал о своем несчастье, проклиная сторожа склада, управляющего конторой товарищества, казикалана, главного министра, находящихся на их службе людей, и под конец осыпал проклятиями себя за то, что доверил сторожу свои тайны.

С той поры Кори Ишкамба пришел к непоколебимому убеждению, что все люди только и мечтают присвоить чужое и «на всем белом свете не осталось человека, который не попытается попользоваться чужим добром и не завидует чужому богатству»...

* * *

Не успела зажить и зарубцеваться рана, нанесенная Кори Ишкамбе сторожем склада «Кавказ», как он получил второй удар в сердце, – еще более жестокий! На этот раз удар нанес ему казначей-мирза, ведавший денежными делами одного бая. Перенести удар оказалось тем труднее, что нанесен он был с помощью вексельной системы, самой верной и надежной, по убеждению Кори Ишкамбы! Ведь до сих пор она безотказно служила ему: прекрасно сдирала шкуру с неграмотных должников.

У одного из миллионеров Бухары был управляющий по имени Мирза Абдулла, имевший доверенность от своего хозяина на ведение всех дел. Однажды, в самый разгар сезона скупки каракуля, Мирза Абдулла попросил у Кори Ишкамбы от имени своего хозяина в долг сто тысяч бухарских тенег (пятнадцать тысяч русских рублей). Он обещал выдать вексель сроком на два месяца и платить проценты по две тысячи в месяц.

Услышав это предложение, Кори Ишкамба пришел в восторг. В чрезвычайном волнении он тут же поспешил в банк за деньгами. Кори бежал, не видя идущих навстречу людей, ни с кем не здороваясь и даже не замечая, что знакомые торговцы в это время завтракали (а ведь завтрак он никогда не пропускал!). От волнения у него в глазах потемнело, он никого и ничего не замечал. Налетая на прохожих, расталкивая их плечами и локтями, он спотыкался, не слыша брани и проклятий. Да и что ему было до их проклятии – весь охваченный единственным стремлением как можно скорее добраться до банка, взять деньги и закончить выгодную сделку, – ведь прибыль, которую он извлечет за два месяца, будет равна той, которую получает в банке за целый год!

Взяв деньги, Кори Ишкамба с такой же поспешностью вернулся к Мирзе Абдулле, выложил всю сумму ему на столики, заикаясь от волнения, проговорил:

– Э, э, вот де-де-деньги, счи-тай-айте, да-да-вайте ве-век-ксель!

Мирза Абдулла сосчитал деньги и сказал:

– Денег недостает – здесь всего девяносто шесть тысяч!

– Ну и что! Девяносто шесть тысяч да четыре тысячи процентов за два месяца как раз и составят сто тысяч. Давайте на сто тысяч срочный вексель на два месяца, и все!

– Не-ет! – протянул Мирза Абдулла. – Вы делаете такие штуки с неграмотными дехканами. Меня вам обмануть не удастся!

– Где же тут обман? – спросил Кори, притворяясь простачком.

– Я предложил вам две тысячи тенег процентов а месяц не за девяносто шесть тысяч, а за сто тысяч! – сказал Мирза Абдулла и, открыв свой сундук, вынул оттуда вексель на сто четыре тысячи тенег. – Вот я приготовил и вексель соответственно моим условиям, а вы хотите за девяносто шесть тысяч взять по две тысячи в месяц! Такой номер со мной не пройдет! Хотите заключить сделку – несите еще четыре тысячи тенег и получайте вексель. А пока забирайте ваши деньги и не отрывайте меня от дела!

Услышав это, Кори Ишкамба еще быстрее помчался обратно в банк и вскоре вернулся еще с четырьмя тысячами тенег и сказал:

– Берите и эту сумму, давайте ваш вексель!

– Что за деньги? Какой вексель? Я вас не понимаю!

– Не шутите! – сказал Кори Ишкамба. – Сейчас не время для шуток. Берите деньги, давайте вексель! Я так бежал, что у меня чуть сердце не разорвалось! Да прикажите подать чайник чая, чтобы выпить пиалку и перевести дух.

– У меня много дел, некогда мне заказывать и распивать чай! Приходите как-нибудь, когда у меня будет работы поменьше, я угощу вас чаем с сахаром. А сейчас уходите, чтобы я не спутал своих расчетов.

– Так дайте мне вексель, и я пойду!

– Какой вексель? Заберите свои четыре тысячи, они мне не нужны. Ни денег я у вас не возьму, ни векселя вам не дам!

– Так верните же мне мои девяносто шесть тысяч – я же только что дал вам!

– Не валяйте дурака, дядюшка Кори! У меня нет времени, уходите, я должен работать!

– Я понимаю – вы шутите! Но хоть это и шутка, а у меня сердце готово разорваться. Давайте скорее деньги или вексель.

– Вы что, с ума сошли, Кори! Сейчас же уходите отсюда! – закричал Мирза, встав с места и подтолкнув Кори Ишкамбу к двери. – Сумасшедшим место в доме ишана Убани ³⁸, а не в торговой конторе!

– Пропал я! – завопил Кори Ишкамба и зарыдал, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку.

Мирза позвал слуг и приказал им вывести «безумца». Слуги пробовали его вытолкать, но он упирался. Стали тащить – бросился на землю.

– Как я уйду, если моя душа осталась здесь! Разве может идти тело без души! – кричал он.

Это окончательно убедило слуг в том, что он действительно сумасшедший. Они схватили его за руки, за ноги и выволокли, как покойника, не только из помещения, но и за ворота и наказали привратнику не впускать его впредь во двор.

Будто пес, которого хозяин выгнал из дома, Кори Ишкамба не отходил от дверей. Со стонами и воплями пытался он ворваться во двор, но привратник «с лвиной хваткой» выбрасывал его прочь, как жалкого котенка.

³⁸ ...Сумасшедшим место в доме ишана Убани. – В Бухаре жили ишаны Ходжа-Убани, к которым в надежде на излечение возили сумасшедших (авт.).

Убедившись наконец, что он не сможет попасть в контору, Кори Ишкамба сорвал с головы чалму и повесил ее на шею, как это делают люди, дошедшие до предела отчаяния.

– Что за бесправие! О-о! Горе нам, горе, пропала мусульманская вера, нет ее больше! – Он с воплями побежал к Арку, где находились высшие правительственные учреждения и дворец эмира.

Всякий, кто теперь его видел, уже не сомневался, что ростовщик сошел с ума.

Эмира в то время во дворце не было, он находился в России. В Арке вместо него оставались казикалан и кушбеги, сообща управлявшие государством.

Кори Ишкамба побежал прямо к ним, кинулся на землю, с плачем рассказал, что произошло, и просил их отнять деньги у бессовестного Мирзы Абдуллы.

– У меня нет детей, нет никаких наследников, кроме двух жен. Они, если переживут меня, получают только четвертую часть моего состояния, все остальное попадет в казну. Но если вы сочтете нужным, то я и женам дам развод, тогда все мое имущество наследует казна! Подумайте об этом, блюстители благородного шариата, заместители их величества эмира, считайте мои деньги деньгами его величества, только взыщите их с этого безбожника, верните их мне до моей смерти, век буду за вас бога молить!

Но правители только посмеялись над Кори Ишкамбой. Хозяин Абдуллы занимал куда более высокое положение, чем Кори Ишкамба, поэтому они не приняли никаких мер.

– Ваш иск – это не обычный иск... мы не вправе разобрать его, – объяснили они ему. – У вас, богачей, есть особый старшина, есть еще разные чины. Все ваши взаимоотношения оформляются теперь векселями. Зачем же нам причинять неприятности уважаемому человеку, возбуждать дело против его служащего, без ведома старшины купцов. Вы даже и документа никакого не можете предъявить!

Кори Ишкамба кричал и метался, как буйно помешанный, отказывался уйти из Арка, и в конце концов начальник дворцовой стражи приказал вышвырнуть его на улицу.

На обратном пути Кори Ишкамба каждому встречному – знакомому или вовсе не знакомому – рассказывал о своем горе и горестно спрашивал, что делать.

– Ладно уж, дядюшка Кори, не стоит так убиваться! Деньги вам все равно грязным путем доставались, а грязная вода, как говорится, стекает в канаву! Попали ваши деньги, куда им следовало попасть!

Подобного рода «утешения» делали муки Кори Ишкамбы еще нестерпимее, и он с бранью обрушивался на своего «утешителя», кричал, вопил при этом так, будто ему лили соленую воду на обожженное место. Потом он искал другого слушателя, но сочувствия не встречал ни у кого. Люди только смеялись над ним.

В те дни я и встретил Кори Ишкамбу. Преградив мне дорогу, он принялся рассказывать о своем горе, стал просить у меня совета. Я, конечно, знал его историю от других, но сделал вид, что слышу впервые. Выразив ему сочувствие, я заметил:

– Ну что можем посоветовать вам в таком «трудном деле» и в такой «тяжелый час» мы, маленькие люди? Идите к правителям города, спросите совета у них.

– Эх, пусть будут прокляты правители города, пусть сгорят их дома, пусть умрут их дети – они даже выслушать меня не захотели! – ответил он и долго еще сыпал ругательства и проклятия в адрес отцов города.

Проклятия его невольно напомнили мне случай с одной сумасшедшей старухой.

В Бухаре, в квартале Гаукушан, неподалеку от мечети Ходжа, на берегу главного городского канала всегда сидели нищие и бродяги. Среди них находилась сумасшедшая по имени Биби-Десятник.

Уличные мальчишки дразнили несчастную старуху: засыпали ее пылью, стаскивали с нее дырявые кожаные калоши или рваную паранджу, срывали с головы покрывало и бросали в воду, словом, всячески задирали ее.

Биби-Десятник тоже «вступала в сражение», швыряла в мальчишек камнями, осыпала их бранью и проклятиями.

Однажды я сидел на солнышке у моста Пушайман перед мечетью Ходжа и наблюдал, как ребята носились вокруг Биби-Десятник. Она металась среди них простоволосая и босая. Стоило ей отогнать одних озорников, как сзади подбегали другие и дергали за платье, да с такой силой, что она падала на спину. Не успевала она подняться и повернуться в их сторону, как ее дергали с другой стороны, и она снова падала на землю...

Наконец обессиленная Биби-Десятник с полным подолом камней села на землю, привалившись спиной к стене мечети, она проклинала ребят и бросала камни в тех, которые пытались подойти к ней поближе.

В это время с запада со стороны квартала Пачакуль-хаджи появилось несколько крупных бухарских баев и почтенных мулл.

Судя по одежде, они, видимо, возвращались с пиршества. Поверх нижних халатов из цветастого сатина на них были надеты парадные, отороченные широкой тесьмой халаты из лучших каршинских и гиссарских шелков. На головах белели чалмы из тонкой кисеи, намотанной на золототканые и парчовые высокие кулахи, обуты знатные горожане были в лакированные сапожки и такие же калоши.

Вероятно, желая показать народу свою пышную одежду и с лица и с изнанки, они шли, откинув полы, давая прохожим возможность любоваться шелковой оторочкой халата.

Они выступали важно, степенно, беседуя друг с другом и ковыряя в зубах золотыми и серебряными зубочистками.

Биби-Десятник, доведенная ребятами до отчаяния, решила принести жалобы представшим ее глазам «великим мира сего».

– Да стану я за вас жертвой, почтенные, – закричала она. – Да падут на меня несчастья ваших детей, почтенные! Дожить вам до свадьбы своих детей, почтенные! Всю жизнь носить

вам такие чалмы и халаты, почтенные! Пусть в добрый час тратятся ваши деньги, почтенные! Избавьте меня от этих негодников, почтенные!

Выслушать мольбу безумного человека, к тому же женщины, даже взглянуть в ее сторону они считали несовместимым со своим достоинством, с величественной поступью и пышной одеждой. Делая вид, что не слышат криков Биби-Десятник, они продолжали свой путь с невозмутимой важностью.

А Биби-Десятник, поняв, что напрасно взывает к ним, позабыв про ребяташек, весь свой гнев обратила на них и стала осыпать проклятиями и бранью:

– ...Дай бог, чтобы халаты ваши унес обмыватель покойников. Пусть ваши деньги растащат воры и грабители, почтенные!

Богачи, притворившиеся глухими, когда Биби-Десятник благословляла их, теперь не могли делать вида, что их ушей не достигают проклятия и брань: ведь на всю улицу ругалась безумная старуха!

Но что они могли поделать? Все, что им оставалось, – это позабыв о своем степенном, важном виде, подобрать полы халатов и пуститься наутек, подобно мальчишкам. Так они и сделали; поспешили как можно быстрее убраться отсюда, чтобы поменьше людей узнало, как Биби-Десятник «втоптала в грязь и их одежду, и их достоинство».

Но сумасшедшая так разошлась, что в течение нескольких дней не переставала клясть и ругать их. Даже когда ее изводили мальчишки, она ругала не их, а «почтенных» граждан. А те до самой смерти нищей избегали показываться на тех улицах, где можно было ее встретить.

Так и Кори Ишкамба, обратившись к правителям города и не найдя у них помощи, стал везде поносить и ругать их, подобно той безумной Биби-Десятник.

После этого случая Кори Ишкамба окончательно сдал; пал духом, сильно изменился и внешне – он стал худеть день ото дня и отощал наконец так, что кожа болталась на костях, как пустой мешок.

XVII

Только через два-три месяца после случая с Мирзой Абдуллой разум постепенно стал возвращаться к Кори Ишкамбе. Теперь, рассказывая кому-нибудь о своем несчастье и по привычке посылая проклятия на голову Мирзы Абдуллы и правителей города, он говорил под конец:

– Ну, что было, то прошло! Все в мире проходит, ко всему привыкаешь!

Признаков помрачения рассудка как будто больше не замечалось, казалось, он выздоровел, но прежней полноты жизни навсегда лишился. Тело ростовщика походило теперь на опустошенный от нечистот желудок с множеством трещин. Щеки и лоб его изрезали глубокие морщины, цвет лица стал беловато-серым, как требушина зарезанного животного.

Началась первая мировая война. Дела у Кори Ишкамбы, как и у других купцов и ростовщиков, пошли вверх. Появились спекулянты, наживавшие огромные деньги на перепродаже товара при нарастающих с каждым днем ценах. Спекулянтам этим требовался все больший капитал, и они стучались в двери ростовщиков, брали у них ссуды под баснословные проценты, чтобы скупать ходовые и редкие товары. Кори Ишкамбе удалось завязать отношения с преуспевающими спекулянтами, и в его карманы потекли деньги, а от угощений у своих богатых должников брюхо его так плотно набивалось жирными блюдами, что чуть не лопалось.

Ко второму году войны кожа снова натянулась на залитом жиром теле Кори Ишкамбы. У него отвис второй подбородок, а живот вырос больше прежнего. Капитал его перевалил за два миллиона – доходы от денег, отданных в рост, множились, как мухи на падали, производя ему бесчисленных «потомков».

И все же, несмотря на радующие его сердце доходы. Кори Ишкамба не забывал Мирзу Абдуллу, и каждый раз перед едой, – а еда перепадала ему теперь по нескольку раз в день, – он поминал своего обидчика проклятиями и страшной бранью.

На третьем году войны, в 1916 году, трудовой народ был совсем разорен, люди мечтали о куске черствого хлеба, который мог бы составить, по распространенному среди мусульман выражению, их куты-лайамут³⁹. Спекулянты же нажились так, что уж и не знали, на какие еще товары могли бы они потратить свои капиталы. А для купцов, ведущих торговлю с Москвой, даже золото и бриллианты не имели цены. Они не нуждались в деньгах ростовщиков. Поэтому у Кори Ишкамбы на третий год войны дела заметно ухудшились. Ему пришлось все свои деньги вложить в банк и довольствоваться теми небольшими процентами, которые это давало.

Правда, с крупной суммы, которая превышала два миллиона рублей, он даже по банковскому расчету получал немало, но это не могло удовлетворять его страсть к наживе. Чем богаче, тем алчнее он становился.

Он жаждал, как и в предыдущие годы, получать с крупных ссуд по двадцать пять – тридцать процентов,

Но осуществить эту мечту ему не удавалось, и он с сожалением твердил: «Увы, те дни унесла вода! Тот кубок разбился, и влага пролилась!»

В довершение всего и с едой стало хуже. Богачи, не нуждаясь больше в его деньгах, не подпускали его к своей скатерти, а в банке, где он имел текущий счет, его угощали один раз – в десять утра – сладким чаем, и только. Поэтому он поневоле довольствовался пловом, которым, согласно условию, его ежедневно кормили снимавшие у него худжры, да угощениями на свадьбах, если ему удавалось на них попасть, или горячими поминальными блинами на мазарах. Начиная с 1916 года Кори Ишкамба опять начал худеть.

Как-то раз я встретился с ним и спросил, почему он похудел. Кори Ишкамба начал рассказывать:

³⁹ Куты-лайамут – арабское выражение, означающее такую скудную пищу, которой достаточно лишь для того, чтобы человек не умер с голоду (авт.).

– Раньше по несколько раз на день я ел кази, плов, манту, персидский плов, пельмени, жареных кур, жаркое из молодого барашка, баклажаны. Теперь из тех домов, где меня угощали всем этим, ушла благодать, хотя их хозяева и стали еще богаче. Уже давно я не смачивал губ своих в этих домах. А ведь сказано: «И коровы и бараны жиреют от корма!» Как же мне не тощать, когда не находится еды, соответствующей моему аппетиту! – Немного помолчав, он добавил с признательностью: – Дай бог всего хорошего банку! Как только прихожу туда к утреннему чаю, тотчас передо мной ставят стакан и сахарницу, полную сахара. Я кладу, сколько влезет, доливаю потом стакан горячим чаем и напиваюсь всласть. Управляющий не выражает неудовольствия, если я выпью сразу три стакана! Он только радуется этому!

– Но ведь теперь денег у вас много, – сказал я дядюшке Кори – и вы состарились! Не унесете же вы свои деньги в могилу! Почему бы вам не готовить для себя каждый вечер то кушанье, которое захочется, почему не поесть в свое удовольствие?

В ответ он прочел стихотворение, которое сочинил о ростовщиках один из поэтов того времени:

Ростовщику вовек не понять –
Как можно корку нищему подать?
Немыслимо – как сталь разбить стеклом
Или как зубы о кисель сломать.

* * *

К концу того же 1916 года еще одно обстоятельство стало подрывать силы и здоровье Кори Ишкамбы–это «неуместные», как он говорил, проказы бухарских шутников.

Если они узнавали, например, что Кори Ишкамбэ положил свои деньги в «Соединенный банк», один из них, подойдя к нему, шептал по секрету:

– Вы слышали, дядюшка Кори, про «Соединенный банк»? Плохи у них дела! Говорят, крупный капитал этого банка попал в руки неприятельских солдат. Не сегодня-завтра владельцы объявят себя банкротами. Будьте осторожны!

Услышав такую новость, Кори Ишкамба бежал в «Соединенный банк», сейчас же забирал оттуда свои деньги и переводил их в «Русско-Китайский (Азиатский) банк».

Конечно, это не оставалось тайной для шутников. Кто-нибудь другой снова подходил к Кори Ишкамбе и повторял о «Русско-Китайском банке» то, что его товарищ вчера говорил о «Соединенном».

Кори Ишкамба так же поспешно переводил деньги в третий банк. Благожелатели советовали ему вложить свои капиталы в Государственный банк; уж он-то будет стоять прочно,

как сама Российская империя. Но в Государственном банке проценты были меньше, чем в частных, а Кори Ишкамба не мог пойти на убытки.

Но в конце концов частным банкам так надоели эти «операции» Кори Ишкамбы, что они отказались принимать от него деньги, и он вынужден был вложить весь свой капитал в Государственный банк.

Однако прошло немного времени, и до Кори Ишкамбы стали доходить слухи, что и Государственный банк накануне краха. Каждый раз, когда в газетах появлялось сообщение о поражении царских войск на фронте, шутники и озорники передавали их Кори Ишкамбе, преувеличивая опасность, грозящую банку, и советуя остерегаться и беречь деньги: ведь очень может статься, что Государственный банк лопнет, и тогда – прощай капиталы, «собранные потом и кровью».

Но как мог ростовщик уберечь свои деньги? Если даже банку грозит крах – что он в состоянии предпринять? Из страха перед ворами и грабителями Кори Ишкамба не мог хранить деньги дома или в худжре какого-нибудь караван-сарая. Где было их держать, как не в банке?

Наконец Кори Ишкамба начал понимать, что над ним попросту смеются. Он начал расспрашивать, что пишут в газетах, хотя раньше, как правоверный мусульманин, избегал даже приближаться к тому месту, где их читают. Он недоверчиво слушал тех, кто передавал ему газетные сообщения, и стал просить грамотных людей читать ему вслух, чтобы слышать известия собственными ушами.

Постепенно в газетах стало появляться все больше сообщений, свидетельствовавших о близком крахе. И без шуток озорников они приводили ростовщика в ужас. Он поделился своими страхами с управляющим Государственным банком.

– Если, не дай бог, царь потерпит крах, что тогда мы с вами будем делать? – спросил Кори управляющего.

– Власть царя тверже камня, прочнее гранитной скалы! – утешил тот ростовщика. – Ведь управляют этим государством министры его превосходительства – умнейшие люди мира, поэтому, слава богу, никакой беды не случится. В тюркских и татарских газетах пишут враги государя императора, они распространяют всякие слухи и ложные сообщения. Верные вести можно найти только в русских газетах! – Немного помолчав, он добавил: – Да и не каждой русской газете можно верить. И среди русских газетчиков немало заклятых врагов священной особы государя императора. Не верьте слухам и сообщениям разных газет. Приходите прямо ко мне, я каждый день буду читать вам самые солидные русские газеты, и вы будете получать самые верные сообщения.

После этой беседы Кори Ишкамба стал являться в банк еще до утреннего чаепития. Он шел в кабинет управляющего, и тот громко читал ему вслух первую попавшуюся газету. Но вместо того чтобы переводить прочитанное, он сам сочинял что-нибудь такое, что могло бы понравиться Кори Ишкамбе. Услышав такие «новости», тот говорил:

– Даст бог, никакой беды не случится с государством великого императора, защитником и опорой этого банка, а следовательно, и моим покровителем... Пусть ослепнут враги его величества, пусть отвалятся у них языки, несущие всякие небылицы! – И он шел от

управляющего в буфет банка, накладывал в стакан побольше сахара и, заливая его горячим чаем, пил медленно, смакуя. Насладившись чаем, ростовщик выходил на улицу и, заметив около какой-нибудь лавки читающих газету, подходил, узнавал, что в них сообщалось, и потом уверенно опровергал, рассказывая с сильными преувеличениями услышанное от управляющего банком. Однако ему всякий раз, чтобы пугнуть его, возражали:

– Ничего удивительного, если скоро произойдет революция. Люди перестанут тогда исполнять приказы царя и его министров. Поднимут голову бедняки и пойдут грабить богачей. Вам тогда не позавидуешь!

Хотя Кори Ишкамба очень боялся слова «революция», которая в его представлении состояла в одном – в разгроме домов богачей, все же старался сохранить спокойствие.

– Что ж, пускай хоть революция! Что мне до нее? Чего мне бояться? Кто станет грабить мой дом – у меня же там ничего нет!

* * *

Свершилась Февральская революция 1917 года. Русский царь был свергнут. Случилось то, чего так боялся Кори Ишкамба. Его молитвы за «великого императора» не принесли царю ни малейшей пользы. Что царь свергнут, этого теперь не отрицал и сам управляющий банком, однако он все еще успокаивал Кори Ишкамбу.

– Это ничего, что великий император больше не у дел. Все равно во главе государства стоят близкие к нашим банкам люди – крупные торговцы и землевладельцы. Разве они допустят, чтобы пропали деньги наших доброжелателей, таких, как вы? Возможно еще, что вместо государя императора на трон возведут его дядю, великого князя.

Но Кори Ишкамба уже не находил утешения в этих речах – он слышал об ужасных для него событиях, происходивших после свержения царя. До него дошли слухи, что в России подняли голову мужики, что они громят поместья, захватывают землю, жгут дома. Ростовщик боялся, что беспорядки начнутся и в городах, что голодранцы захватят царские банки в Москве и Петербурге, а тогда и Государственный банк в Бухаре лопнет, и пропадут его деньги. Деньги, которые ему дороже жизни!

От этих страшных мыслей ростовщик готов был рыдать. Он плакал и причитал:

– Ох, пришла на мою голову беда! Случилось го, чего я так боялся! Настал мне конец, погиб я!

Сколько ни раздумывал Кори Ишкамба – найти средство спастись от «небесной кары» он не мог, и ничего другого не оставалось ему, как горевать, сожалеть, худеть, «питаясь за счет своего брюха».

Да и что он мог сделать! Не мог же забрать все свои деньги и спрятать их дома или где-нибудь в худжре, – он боялся воров. Вручить свои капиталы эмиру? Так он захватит их и не

отдаст! Дать бы кому-нибудь в долг? Да ведь ни один бай не берет! Что же делать?! И Кори Ишкамба решил оставить их в Государственном банке, думая: «Пока не опустится топор, колода отдыхает».

В эти дни Кори Ишкамба стал реже появляться на улице. А когда выходил, старался пробраться переулками и закоулками, чтобы не встретиться с каким-нибудь разносчиком дурных вестей. Он ходил только в банк пить чай, к живущим в его худжрах есть плов да на похороны, чтоб получить кусок материи – йиртиш. Базары и торговые ряды он обходил стороной...

XVIII

Осенью 1917 года Кори Ишкамба услышал, что к власти пришел некто по имени Большевик. И этот Большевик стал теперь правителем Русского государства. Никогда раньше Кори Ишкамба не слыхивал такого имени. Управляющий банком говорил ему, что царем может стать какой-то князь. Но имя князя, которое он запомнил, что-то не так звучало, как это чудное Большевик. «Может, это второе имя того же князя? – спрашивал себя Кори Ишкамба. – Во всяком случае, надо выяснить, надо разузнать – кто такой Большевик».

Для разрешения своего недоумения Кори Ишкамба отправился прямо в банк к управляющему.

В тот самый момент, когда Кори Ишкамба подошел к зданию банка, служащие, погрузив на брички сундуки и мешки с деньгами, отъезжали в Каган. Из служащих банка в Бухаре остался один лишь переводчик. Он вышел из ворот последним и направился к себе домой.

Переводчик был из числа бухарских шутников, пугавших Кори Ишкамбу всякими выдумками, поэтому Кори Ишкамба сначала решил не обращаться к нему, боялся лишней раз услышать дурную весть и расстроиться. Однако, немного поразмыслив и вспомнив поговорку, гласившую, что «не услышав дурного, не увидишь хорошего», сказал себе: «Будь что будет! Спрошу-ка я его: он, конечно, не преминет сообщить мне плохое, да, может, потом дождусь хорошего!».

– Говорят, что к власти в России пришел Большевик. Верно ли это? – спросил он у переводчика.

– Верно! – ответил переводчик. Ответ даже обрадовал Кори Ишкамбу.

– Разве Большевик не тот «вел», или «век», или «велка княз», приход к власти которого предполагал управляющий банком?

– Вы, наверное, имеете в виду «Великого князя», о котором и нам он все твердил?

– Да, да, именно «Велкий княз», «Велкий княз» – не забыть бы мне это священнейшее имя. «Велкий княз»... – Кори Ишкамба несколько раз повторил это имя.

– Не-ет, – протянул переводчик. – Большевик – это одно, а великий князь – совсем другое! Большевик всех князей за ногу да в небо!

Кори Ишкамба вздрогнул и сказал испуганно:

– Отложите-ка в сторону свои шутки, скажите правду: хуже или лучше этот Большевик революции, которая вот уже несколько месяцев бесчинствует и сбросила с трона такого прекрасного царя, как Николай? Сжалится ли этот Большевик над теми, кто не ел и не одевался как следует и всеми правдами и неправдами кое-как скопил пять – шесть тенег?

Немного подумав, переводчик ответил:

– Революция, о которой вы до сих пор слышали и перед которой дрожали, как осел перед львом, была первым шагом большевиков. Большевики не позволят ростовщикам вроде вас класть в банк миллионы, добытые из крови и пота трудового народа, не позволят спокойно сидеть и, почесывая живот, получать стотысячные доходы, когда труженик умирает голодной смертью. Поэтому не думаю, чтобы они пощадили вас.

Услышав такие слова, Кори Ишкамба побледнел, задрожал всем телом, ему пришлось опереться о стену. Все же, успокаивая самого себя, он сказал:

– Ну, хорошо, но ваш банк, в котором я храню свои деньги, еще цел, а ведь говорится: «Пока корень достает до воды, можно надеяться на плоды». Зачем же мне приходиться в отчаяние, дрожать от страха, зачем умирать по сто раз на день и ежечасно испытывать смертельные муки?

– В том-то и дело, что корень уже не в воде! – возразил переводчик так уверенно, что у Кори Ишкамбы чуть не разорвалось сердце. – В Петрограде, в Москве и в других больших городах большевики захватили банки, захватили фабрики и заводы, пароходы, железные дороги с вагонами и паровозами! Они обнародовали декрет о том, что «все земли крупных землевладельцев со всеми орудиями производства принадлежат беднейшим крестьянам и трудящимся». Как же при таком положении надеяться на плоды? Корень не в воде, а в огне! Он уже сгорел и превратился в пепел... «Дом разрушается с основания!» А вы радуетесь: крыша цела!..

Кори Ишкамба подумал, что переводчик плетет очередную интригу, хочет своими «неуместными шутками» загнать его в могилу. Как можно поверить, что один человек, какой-то Большевик, сказал: «Это мое», – и захватил себе все богатство, собственность на которое признают и защищают и законы шариата, и законы государя императора! Не может того быть, чтобы никто ему не препятствовал, никто не возражал!

Рассудив таким образом, Кори Ишкамба закричал на переводчика:

– Убирайся! Прочь с моих глаз, бессовестный интриган! Болтун, чтоб язык у тебя отсох! Увидишь, что я с тобой сделаю завтра, – передам твои слова управляющему, и он выгонит тебя со службы. Не человек я буду, если не сделаю этого!

Переводчик расхохотался и бросил ростовщику сквозь смех:

– Да вы никогда человеком и не были! – и тут же отошел от него.

Этот смех несколько ободрил Кори Ишкамбу, на душе у него стало легче, но тут же, вспомнив страшные слова переводчика, подумал: «Что будет со мною, если тот сказал правду?». Ужас объял его, он застыл без чувств и без движений. Несколько минут простоял он так, опершись о стенку, а потом, подумав, решил: «Что пользы торчать тут! Банк закрыт, управляющий уехал в Каган, все равно не у кого узнать правду!».

С такими мыслями он волей-неволей побрел домой.

Несмотря на то, что в этот день Кори Ишкамба пал духом, весь ослаб и по привычке, появившейся у него за последнее время, шел безлюдными улочками, шагал он быстро: боялся встретить какого-нибудь интригана и, услышать от него страшную весть, от которой у него, разорвется сердце. Он боялся умереть раньше времени и разлучиться со своим капиталом. Кори Ишкамба не боялся смерти, и он бы с радостью принял ее, если бы, его деньги похоронили вместе с ним. Его страшила разлука с деньгами. Каждый раз, подумав о такой «страшной» смерти, Кори Ишкамба вспоминал бейт поэта Бедиля⁴⁰ о возлюбленной. Ростовщик, обращаясь к своим; деньгам, которые для него были милее всякой милой, напевал:

Умирая, не опечалюсь, что расстаюсь с жизнью,

Жаль только, что подол твоего платья выскользнет из моих рук.

Весь смысл жизни заключался для Кори Ишкамбы в деньгах. И жизнь сама, и наслаждения, которые она; дарует, в разлуке с деньгами в его глазах ничего не стоили.

* * *

Домой Кори Ишкамба вернулся в полном унынии и рано улегся в постель. Но сон не шел к нему. Он ворочался с боку на бок, извиваясь, как змея, которой размозжили голову. Старался успокоиться, но не мог.

Так и не сомкнув глаз, он поднялся еще задолго до рассвета. Совершив обычное ритуальное омовение, он взял с полочки в нише Коран, который не держал в руках с того дня, когда его жены устраивали в последний раз поминки по своим родителям. Он искал утешение в Коране и с мольбой просил у всемилостивого творца вернуть великого императора к престолу...

Как только за час до восхода солнца раздался призыв муэдзина к утренней молитве, он вышел из дому и направился к мечети Магок, совершил намаз, но не остался, против своего обыкновения, с теми, кто посла молитвы слушал «Месневи» Мавляна Руми, а, торопливо выйдя из мечети, поспешил к зданию Государственного банка, находившемуся в новом пассаже Бухары.

⁴⁰ Бедиль – Мирза Абдукадыр Бедиль (1644–1721) – нндо-таджикский поэт и философ, автор огромного количества поэтических и прозаических произведений. Самое известное произведение Бедиля – «Ирфон», состоящее из рассказов, легенд, сказок и знаменитой поэмы «Комде и Модан».

Усевшись там на мраморной плите у входа в банк, Кори Ишкамба стал ждать прибытия управляющего из Кагана. Ему не терпелось получить от него «достоверные и радостные вести», добиться увольнения неблагодарного интригана-переводчика, так открыто высказавшего свою вражду к великому императору...

Было восемь часов, а управляющий из Кагана почему-то все не приезжал... Пробыло девять, о нем по-прежнему не было ни слуху, ни духу. Не появлялись и другие служащие... Сердце Кори Ишкамбы сжималось. Ему казалось, что вот-вот разорвется у него грудь и сердце выскочит наружу.

Десять часов... одиннадцать..., а из Кагана все никого.

«Интриган-переводчик пришел бы, что ли, хоть от него только дурное и слышишь! Пускай врет, обманывает меня из озорства – все равно скажет что-нибудь. Узнаю, что меня ждет! Чем медленно сгорать, как мелкая тлеющая солома, уж лучше вспыхнуть пламенем, сразу сгореть!!!» Но и тот не шел...

Сердце Кори Ишкамбы то замирало, будто совсем останавливалось, то сбивалось с ритма, то начинало стучать так сильно, что он сам слышал его удары...

И дышать стало труднее, иногда горло перехватывало, и он не мог вздохнуть, его бросало в жар, он еле стоял на ногах. Думая, что станет легче, Кори Ишкамба попробовал встать, но голова закружилась, в глазах потемнело, он пошатнулся и чуть не упал... Прислонившись к стене, он два раза с усилием вздохнул. Стало немного легче.

Несколько придя в себя, отдышавшись, он вытащил из-за пазухи часы и, открыв крышку, увидел, что стрелки приближаются к двенадцати. Он не поверил или не хотел верить, что уже так поздно. «Наверно, мои часы спешат», – подумал он, успокаивая сам себя. Желая увериться в этом, спросил у прохожего:

– Сколько времени?

Тот, не останавливаясь, только замедлив шаг, вынул из внутреннего кармана часы и подтвердил:

– Двенадцать!

Кори Ишкамба понял, что его часы не только не спешат, но даже отстают немного, и впал в отчаяние, но тут же у него мелькнула слабая надежда, и он подумал: «А может, управляющий банком заболел, или его лошадь сломала ногу, или же что-нибудь случилось с его фэзоном и сегодня он не смог приехать в город, а может, просто задерживается...».

«Хорошо, – подумал Кори Ишкамба, – уже двенадцать часов, но не видать ни управляющего банком, ни его сотрудников. Уже время полуденной молитвы и отпевания покойников в молельне Диванбеги. Что толку стоять здесь?»

От этого одни убытки – не попаду на похороны я останусь без йиртиша, который смогу получить там. Глупо потерять и то и другое. Хватит и того, что я лишил себя плова у одного из моих жильцов, прождав тут все утро...» Решив так, Кори Ишкамба направился по цементированной дорожке мимо банка в сторону Лабихауза Диванбеги. Однако, пройдя два-три

шага, остановился и подумал: «Лучше я спущусь через мануфактурные ряды – оттуда можно издали заметить едущих из Кагана. Вдруг я все же встречу управляющего или служащих банка и узнаю что-нибудь утешительное».

Рассуждая так, Кори Ишкамба свернул вправо, спустился через мануфактурные ряды и пошел прямо на восток, стараясь разглядеть тех, кто двигался ему навстречу со стороны Кагана. Дорога была запружена лошадьми, осликами, арбами, фаэтонами и пешеходами. Но не было среди них четырехколесной рессорной банковской линейки, запряженной в тройку лошадей, на которой служащие банка, в сопровождении вооруженной охраны, возили мешки с деньгами. Не видно было и закрытого фаэтона, запряженного парой лошадей управляющего банком...

Кори Ишкамба дошел до здания аптеки, расположенного напротив входной двери в мечеть Диванбеги. Там на мгновение остановился и снова (наверное, в сотый раз) окинул внимательным взглядом дорогу из Кагана. Нет, тех, кого он искал, по-прежнему не было...

Крытые ряды кончились. Дальше начиналась размытая после недавнего дождя немощеная улица. Все же Кори Ишкамба не вступил под своды мечети. Он еще надеялся дождаться появления желанного фаэтона и потому пошел дальше. При каждом шаге нога чуть не по колено увязала в грязи, а когда он вытаскивал ее, спадала кожаная калоша, и всякий раз приходилось вытаскивать ее из густой грязи и снова надевать.

Вот так, тяжело дыша и отдуваясь, падая и поднимаясь под брызгами слякоти из-под копыт лошадей и колес арб, Кори Ишкамба добрался до рядов по продаже мыла у Хауза Диванбеги. Здесь он остановился, окинул взглядом клеверный базар и снова внимательно оглядел всю хорошо просматриваемую отсюда улицу, откуда должны были проезжать каганский транспорт и люди. Тех, кого он ждал, все не было.

Уже входя в мечеть Диванбеги, потеряв всякую надежду, Кори Ишкамба бросил последний взгляд в сторону базара и не поверил своим глазам; вдали показалась длинная четырехколесная повозка, застрявшая между арбами, скопившимися на дороге. Кори Ишкамба протер глаза рукавом халата и еще раз внимательно посмотрел туда: зрение его не обманывало, сомнений не было – у базара действительно стояла длинная повозка, ничем не отличавшаяся от той самой, на которой банковские служащие возили из Кагана деньги. И лошади были такие же – черные, крупные. Правда, в банковскую повозку запрягали тройку, а в эту была запряжена пара, но Кори Ишкамба тут же нашел объяснение:

«Наверно, с третьей лошадейю что-нибудь случилось, потому сегодня и запрягли двух...»

Но повозка не могла быстро подъехать, а Кори Ишкамба отсюда не мог разглядеть, сидят ли в ней служащие банка, везут ли они деньги. Путь повозке преградили высокие двухколесные и довольно широкие встречные арбы, которые в Бухаре называли «колодкой улиц». Задиристые арбакеши ругались, поносили друг друга – ни один из них не желал уступать другому дорогу. За каждым выстроилась вереница других арб.

Кори Ишкамба устремился было навстречу – ему не терпелось скорее услышать хорошие вести, – но в этом месте грязь была так глубока, что перейти улицу было совершенно невозможно. Поневоле пришлось набраться терпения и, стиснув зубы, ждать, когда дорога освободится и повозка подъедет...

В полном отчаянии, полуживой от горя, Кори Ишкамба добрался до Хауза Диванбеги и прошел на площадку молельни. И во дворе, и в самой мечети было полно народа. Все сидели на своих ковриках, ожидая, когда муэдзин призовет к молитве. В самом переднем углу Кори Ишкамба увидел трое носилок с покойниками. Одни были обтянуты простой белой материей, другие – старой, выцветшей золотистой тканью, зато третьи – прекрасной новой парчой с красными цветами.

При виде трех носилок Кори Ишкамба обрадовался и подумал: «Дай бог, чтобы всех покойников понесли на одно кладбище, – тогда я получу сразу три йиртиша и возьму урон, который потерпел утром, лишившись плова. Ну хотя бы двух! Хоть бы два лоскута получить мне...».

«А вдруг всех покойников понесут на разные кладбища, что мне тогда делать? – со страхом подумал Кори Ишкамба. И тут же твердо решил: – Пойду за носилками, что обтянуты парчой с красными цветами». Видно, умерший из богатой семьи. Все скорбят о его смерти, особенно мать с отцом, да и родственники тоже. В горе они не поскупятся и раздадут материю получше. Богачи всегда любят выделять себя, отличаться от простого люда, потому и лоскуты дают побольше... На похоронах этого человека, – видно, он был молодой и богатый, – будут раздавать дорогую материю...».

Придя к этому решению и обдумав, как получить лучший йиртиш, Кори Ишкамба стал искать место для молитвы. У него не было с собой коврика, чтобы подстелить под ноги для совершения молитвы, и, пройдя между молящимися, он опустился на свободный уголок коврика одного из них.

Вскоре муэдзин призвал к полуденной молитве, люди встали, и обряд начался. Встал вместе со всеми и Кори Ишкамба. Согласно обряду, прикоснулся большими пальцами к мочкам ушей и намеревался уже произнести первые слова молитвы, как вдруг из задних рядов к нему пробрался какой-то человек небольшого роста и шепотом позвал:

– Дядюшка Кори!

Кори Ишкамба слегка повернулся вправо и наклонился в сторону окликнувшего его человека.

– Вы разве не слышали? – прошептал тот.

– Что, что не слышал? – спросил Кори Ишкамба.

– В Кагане большевики захватили власть, забрали все банки, и Государственный тоже, со всеми деньгами – бумажными, золотыми, серебряными, со всеми ценными бумагами!

Услышав это, Кори Ишкамба только и успел воскликнуть:

– Ох, мои денежки!.. – и, все еще молитвенно прижимая руки к ушам, повалился на бок.

Никто не обратил на это внимания и не нарушил молитву. Но когда намаз окончился, все увидели Кори Ишкамбу на каменном полу мечети. Из рта у него стекала маленькая струйка крови, кожа на щеке и подбородке была содрана при падении, лицо посерело, как пепел, а пальцы рук застыли у мочек ушей...

Он был мертв!